

Управление культуры Администрации города Екатеринбурга
Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Екатеринбургская академия
современного искусства» (институт)

**ПРОЕКТ «УРАЛМАШ»:
КУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ
[ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ**

Материалы международного симпозиума
(Екатеринбург, 31 мая — 3 июня 2017 года)

Екатеринбург
2017

ББК 008Ю2
УДК 71Ю4
П79

Научные редакторы:

Л. Е. Петрова, кандидат социологических наук,
И. А. Ахьямова, доктор педагогических наук,
А. А. Пронин, кандидат исторических наук,
М. С. Ильченко, кандидат политических наук

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Екатеринбургской академии современного искусства от 17 ноября 2016 года

П79 Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов : Материалы международного симпозиума (Екатеринбург, 31 мая — 3 июня 2017 года) / науч. ред. Л. Е. Петрова, И. А. Ахьямова, А. А. Пронин, М. С. Ильченко. — Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2017.
ISBN 978-5-904440-54-1

Международный симпозиум «Проект „Уралмаш“» организован как попытка оценить современные урбанистические, управленческие, академические практики в свете проблем района, который в советское время должен был стать образцовым примером новой индустриальной городской застройки. Подобные Уралмашу соцгорода представляют собой одно из самых сложных и противоречивых градостроительных наследий советской эпохи. Что представляют собой эти пространства сегодня? Наполнятся ли эти территории новым содержанием и обретут ли новые символы? Если так, то в чем они заключаются и насколько устойчивыми оказываются в новых условиях? Эти и другие проблемы рассматривались участниками симпозиума — начинающими и состоявшимися исследователями, представителями различных сфер гуманитарного научного знания, а также предпринимателями, управленцами и гражданскими активистами.

Издание адресовано студентам, молодым ученым и специалистам — архитекторам, визуальным антропологам, искусствоведам, историкам, культурологам, политологам, социологам, урбанистам, а также практикам городского управления и неравнодушным горожанам.

ISBN 978-5-904440-54-1

© МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Петрова Л. Е., Ильченко М. С., Ахьямова И. А. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПРОЕКТ „УРАЛМАШ“: КУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ»: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	6
---	----------

[ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УРАЛМАШ

Трапезников В. А. КОНЕЦ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЙОНА?	19
---	-----------

Полухина Е. В. УРАЛМАШ КАК РАЙОН РАБОЧЕГО: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КЕЙС-СТАДИ	25
---	-----------

Ваньке А. В. МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЙОНА: УРАЛМАШ ГЛАЗАМИ ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ	38
--	-----------

Стрельникова А. В. ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГУЛКИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ	58
--	-----------

Билас К. С., Казакова Н. Д., Кузьева Т. С., Стайна О. А. ЕСТЬ ЛИ ТЕАТР НА УРАЛМАШЕ?	68
--	-----------

Быстрова Т. Ю. ПРОЕКТЫ СТУДЕНТОВ ЕАСИ ПО РАЗВИТИЮ ТЕРРИТОРИИ УРАЛМАША	80
--	-----------

Глинских И. А., Драничников В., Прохорова В., Чернышов Д. БАРЕЛЬЕФ НА УРАЛМАШЕ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЬНИЦЫ	89
--	-----------

Голубева О. Ю. РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ	95
---	-----------

Зидирова Д. С. ЗАБОР В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕРАКТИВА ЖИТЕЛЕЙ: НА ПРИМЕРЕ ЛЕТНЕГО ПАРКА «УРАЛМАШ»	103
--	------------

Ладыгина А. А. СТЕЙКХОЛДЕРЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА: ТИПЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЫТЫ КОЛЛАБОРАЦИИ	109
--	------------

УРАЛМАШ ЗА СКОБКАМИ

Бархатов В. И., Кадыров П. Р. РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ НЕОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	123
Гудаев В. А. БИБЛИОТЕКА [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ	135
Дружко Е. Д., Капкаев Ю. Ш. ГАРМОНИЗАЦИЯ РЕКЛАМНОГО И АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА МЕГАПОЛИСОВ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	139
Емельянова Е. С., Стариков А. А. КУЛЬТУРНЫЙ РЕБРЕНДИНГ ГОРОДА	148
Иванов К. И., Славина А. С. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЕЕ [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА	153
Капкаев Ю. Ш., Лешинина В. В. РАЗВИТИЕ «ГИБКОЙ» ЗАНЯТОСТИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ	158
Клюшкин И. В. ЗАПОЛЯРНЫЙ ГОРОД АПАТИТЫ: ПРОДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА	165
Кузнецов С. Р., Славина А. С. ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ВОЗМОЖНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ	173
Латышев О. Ю., Байер Е. А., Ильин В. Н. ПАРТИЦИПАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ЮНЫХ ГОРОЖАН КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	178
Лядова А. А., Меркушев С. А. КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ И РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ	186
Маляр А. А. ТЕЛО РАБОЧЕГО В НОВОКУЗНЕЦКЕ: ОТ БИОПОЛИТИКИ К ОБМЕНУ	194
Ненахова М. В. КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ЗА И ПРОТИВ	208

Панасенко Е. Н. РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	213
Прокофьева А. В. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОРОДСКИХ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ (НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМИ)	219
Рукавишников К. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТОВОМ ОСВЕЩЕНИИ МЕГАПОЛИСА	233
Спирина В. С. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА И ПРОБЛЕМА УТИЛИЗАЦИИ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ	238
Тихонов В. А. АНАЛИЗ ДИЗАЙНА БРЕНДОВ МОНОГОРОДОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	245
Толвайшис Л. Л. ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ. СЛУЧАЙ БЕЛГРАДА (СЕРБИЯ)	252
Фостова С. А. КЁНИГСБЕРГ-КАЛИНИНГРАД: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ	266

Л. Е. Петрова, М. С. Ильченко, И. А. Ахьямова,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
«ПРОЕКТ „УРАЛМАШ“: КУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ
[ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ»:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Итоги Международного симпозиума «Проект „Уралмаш“: культурное будущее [пост]индустриальных городов» в цифрах: 61 доклад, одиннадцать городов, три страны, шестнадцать вузов, три академических института; в рамках параллельной программы прочитаны две публичных лекции, открыты для посещения четыре выставки и проведены три экскурсии. Структурные итоги — коллаборация с партнерами (исполнительная и законодательная власть, бизнес, общественные организации, издательства, учреждения культуры и пр.). Инновационный формат мероприятия был позитивно оценен участниками. Академическое осмысление территории, на которой находится ЕАСИ, — это проявление социальной ответственности академии за пространство, в котором она работает.

Пространства жилых районов массовой индустриальной застройки представляют собой одно из самых сложных и противоречивых градостроительных наследий советской эпохи. При этом трудности работы с этим наследием со временем становятся лишь очевиднее. То, что еще десять лет назад мыслилось исключительных в категориях поиска новых функциональных экономических решений и градостроительных стратегий, сегодня обнаруживает совершенно новые проблемные пласты. Вместе с распадом советской системы пространства бывших социалистических городов, промышленных поселков и «жилкомбинатов» утратили не только свое функциональное, но и символическое значение, превратившись в территории с размытыми границами, идентичностью и внутренним содержанием. Постсоветская трансформация этих пространств оказалась крайне болезненным и растянувшимся во времени процессом, связанным

с ломкой привычных городских укладов, социальных значений и культурных символов.

Что представляют собой эти пространства сегодня? Как они изменились? Имеем ли мы дело просто с участками территории, городскими районами, на которые по привычке проецируем исторические смыслы и значения? Либо эти территории сумели наполниться новым содержанием и обрести новые символы? Если так, то в чем они заключаются и насколько устойчивыми оказываются в новых условиях?

Каждый из таких районов индустриальной застройки некогда являлся составной частью единого идеологического, культурного и градостроительного эксперимента, направленного на кардинальные социальные преобразования. Сегодня все эти пространства, с одной стороны, существуют в самых разных контекстах — архитектурных/экономических/социальных, с другой — вынуждены отвечать на одни и те же вызовы, встраиваясь в ритмы новой городской жизни. Это означает, что любой успешный локальный опыт работы с таким наследием изначально претендует на глобальную значимость и универсальное использование.

Эти и другие проблемы рассматривались участниками Международного симпозиума «Проект „Уралмаш“: культурное будущее [пост]индустриальных городов», который состоялся в Екатеринбургской академии современного искусства.

«Проект „Уралмаш“» — это попытка оценить современные урбанистические, управленческие, академические практики через призму района, который в советское время считался образцовым социалистическим городом, в девяностые представлял типичное «потерянное» пространство, утратившее прежнюю значимость и символы, а в последние несколько лет вновь превратился в объект общественного интереса и предмет интенсивных дискуссий. Сегодня район соцгорода Уралмаш в Екатеринбурге — место реализации многочисленных культурных инициатив, социальных проектов и художественных экспериментов. Наблюдая изменения, которые происходят на территории района, важно понять, насколько серьезными и значимыми могут

оказаться их последствия для формирования его новых символов, идентичности и функциональной роли в пространстве крупного мегаполиса. При этом микрорайон Уралмаш — лишь один из кейсов для подобного анализа.

Символично, что симпозиум проходил именно на Уралмаше, в здании — памятнике архитектуры (бывшей фабрике-кухне), где сегодня располагается самый молодой вуз Урала — Екатеринбургская академия современного искусства.

Симпозиум был задуман как площадка для обмена мнений не только академических исследователей из самых разных областей — архитекторов, визуальных антропологов, искусствоведов, историков, культурологов, политологов, психологов, социологов, управленцев, урбанистов, философов, экономистов, представителей других научных дисциплин, — но и специалистов-практиков, имеющих в своем «багаже» опыт успешной трансформации бывших индустриальных городов и районов, — бизнесменов, управленцев, гражданских активистов. Задуманное удалось в полной мере, и не случайно, а весьма символично, что на обложке программы симпозиума стоят вместе логотипы таких учреждений и организаций, как Управление культуры Администрации Екатеринбурга, Польский культурный центр в Москве, Издательство ТАТЛИН, Музей истории Екатеринбурга, Президентский центр Бориса Ельцина, девелоперская компания PRINZIP.

Симпозиум открыла ректор ЕАСИ, доктор педагогических наук **Инна Ахьямова**, от лица законодательной власти региона участников приветствовал депутат Законодательного собрания Свердловской области **Олег Корчагин**.

На пленарном заседании, модерировала которое проректор ЕАСИ, кандидат социологических наук **Лариса Петрова**, выступили как зарубежные, так и отечественные ученые:

- доктор исторических наук **Якуб Садовский** (Краков, Польша) — с докладом «Пространственные нарративы исторического и современного Кракова»;
- кандидат политических наук **Леонас Толвайшис** из Университета «Эдуконс» (Нови-Сад, Сербия) — «Идеоло-

гия и практика ревитализации постиндустриальных пространств. Случай Белграда»;

- профессор, главный редактор журнала «Лабиринт» **Михаил Тимофеев** (Иваново) — «Иваново/Екатеринбург: модели для сборки бренда»;
- кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доцент ЕАСИ **Михаил Ильченко** (Екатеринбург) — «Пространство соцгородов в постсоветский период: логика культурной трансформации»;
- доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета и ЕАСИ **Татьяна Быстрова** — «Будущее, о котором никто не думает».

Затронутые на пленарном заседании темы гармонировали с выступлениями практиков:

- глава Орджоникидзевского района Екатеринбурга **Вячеслав Трапезников** сделал доклад «Конец индустриализации индустриального района?»;
- урбанист, исследователь в КБ «Стрелка» (Москва), бывший сотрудник бюро Рема Колхаса ОМА в Нидерландах **Моника Конрад** — «Креативная индустрия в политике развития постиндустриальных городов: участники, ресурсы, барьеры, результаты»;
- кандидат культурологии, директор Музея истории Екатеринбурга **Сергей Каменский** — «Как и что музей может изменить в жизни района с помощью культурного проекта: апробация технологии на Урашмаше и ВИЗе»;
- главный архитектор компании PRINZIP **Галина Саян** — «Городские исследования в девелопменте».

Высокие оценки получил объединенный круглый стол «Измерение индустриального: город, здание, человек» (модератор — **Лариса Петрова**), на котором московские исследователи изложили методики, примененные в только что завершившейся полевой экспедиции «Быт и культура индустриальных рабочих: этнографическое кейс-стади заводского района, г. Екатерин-

бург», а также были представлены два доклада уральских ученых:

- кандидат социологических наук **Елизавета Полухина** (НИУ Высшая школа экономики) сделала доклад «Кейс-стади как исследовательская стратегия для изучения индустриального района»;
- кандидат социологических наук **Александрина Ваньке** (Институт социологии РАН, Государственный академический университет гуманитарных наук) — Ментальные карты и социограммы: способы изучения социальных взаимодействий резидентов индустриального района;
- кандидат социологических наук **Анна Стрельникова** (НИУ Высшая школа экономики, Институт социологии РАН) — «Опыт использования биографической прогулки в индустриальном районе»;
- доктор социологических наук **Елена Прямикова** (Уральский государственный педагогический университет) — «Осмысление индустриальности как качества социального пространства»;
- кандидат исторических наук **Константин Бугров** (Института истории и археологии УрО РАН) — «Авангард / завод / плановая экономика и проблемы современной актуализации соцгородов как мест памяти».

Также состоялись заседания секционных круглых столов «Культурный ребрендинг: механизмы, участники, процессы», «Неоиндустриализация в России: процессы и модели», «Уралмаш как объект архитектуры и искусства», «Постиндустриальное культурное пространство: городские технологии», «Позиционирование территории Уралмаша: социально-культурные проекты студентов ЕАСИ». Подводя итоги обсуждения, модераторы **Анастасия Егорова** (кандидат культурологии, руководитель Мастерской современного искусства ЕАСИ), **Елена Радько** (кандидат филологических наук, доцент, ЕАСИ), **Михаил Тимофеев**, **Якуб Садовский**, **Михаил Ильченко**, **Леонид Азаренков** (кандидат экономических наук, доцент, ЕАСИ), **Мария Беляева** (доктор культурологии, заведующая кафедрой социо-

культурного развития территорий ЕАСИ), Татьяна Быстрова, **Леонас Толвайшис**, **Валентина Самкова** (кандидат философских наук, доцент) отмечали, что во время обсуждений создавалась дружеская атмосфера, раскрепощающая участников для оживленной дискуссии на актуальные темы синтеза арт-практик, современных технологий и публичных пространств современного города и позволяющая наметить возможности реализации проектов на уровне микрорайона Уралмаш. Была раскрыта тема применения современных медиа-технологий в социокультурном пространстве современного мегаполиса на примере кейсов различных пространственно-культурных уровней (районного, городского), статусов (столичные и провинциальные города) и областей креативных индустрий (бизнес, искусство); прошло увлекательное обсуждение применения новейших технологий в современном городе и намечены возможности реализации проектов на уровне микрорайона Уралмаш; также была обозначена актуальность технологических разработок в области искусства для современного города, найдены неожиданные и креативные повороты в использовании стандартных, привычных технологий. Лучшими докладами по итогам работы круглых столов были признаны:

- «Использование интерактивной карты в обеспечении досуговой образовательной мобильности жителей Уралмаша» (авторы: студенты ЕАСИ **Владимир Кавунов**, **Евгения Олешкевич**, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой актуальных культурных практик ЕАСИ **Марина Дудина**);
- «Информационные технологии в музее [пост]индустриального города» (студент ЕАСИ **Кирилл Иванов**);
- «Кёнигсберг-Калининград: трансформация городского пространства в контексте культурной памяти» (аспирант Балтийского федерального университета [Калининград] **Сюзанна Фостова**);
- «Практика интеграции жителей в сообщества соседей» (студент **Анастасия Суркова**, аспирант **Николай Сурков**,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»);

- «Проведение полумарафона „Бегущие в ночи“ с целью формирования положительного имиджа района Уралмаш» (студентка ЕАСИ **Олеся Штыркова**);
- «Влияние промышленной и социальной инфраструктуры города на развитие человеческого и социального капитала» (кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин Лесосибирского филиала Сибирского государственного университета науки и технологий **Роман Чистов**);
- «Рост благосостояния как критерий неиндустриальных преобразований российской экономики» (аспирант Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета **Павел Кадыров**).

Всего на симпозиуме 80 докладчиков представили 61 доклад. Участниками научного события стали как опытные, так и начинающие исследователи из одиннадцати городов: Калининград, Санкт-Петербург, Москва, Иваново, Пермь, Челябинск, Новокузнецк, Лесосибирск, Екатеринбург, Краков, Нови-Сад.

В работе симпозиума приняли участие представители семнадцати образовательных учреждений, а также трех академических институтов:

- Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва);
- Екатеринбургская академия современного искусства;
- Кемеровский государственный университет;
- Краковский университет (Польша);
- Ленинградский государственный университет;
- Лесосибирский филиал Сибирского государственного университета науки и технологий;
- Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;
- НИУ Высшая школа экономики;

- Пермский государственный национальный исследовательский университет;
- Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы;
- Университет «Эдуконс» (Сербия);
- Уральский государственный педагогический университет;
- Уральский государственный экономический университет;
- Уральский государственный архитектурно-художественный университет;
- Уральский федеральный университет;
- Челябинский государственный университет;
- Челябинский энергетический колледж;
- Институт социологии РАН (Москва);
- Институт философии и права УрО РАН и
- Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

Организация симпозиума предполагала сочетание традиционного академического формата (пленарное заседание, работа секций и круглых столов) с панельными дискуссиями и обширной культурно-академической программой. В лофте жилого комплекса «Малевич» компании PRINZIP состоялась дискуссия «Как бизнес меняет пространство жизни и работы горожан» с участием бывшего главного архитектора Екатеринбурга, автора проекта «Школа главного архитектора» **Тимура Абдуллаева**, а также девелоперов, архитекторов, городских активистов. В Музее истории Екатеринбурга прошла панельная дискуссия «Что меняют культурные индустрии в современном мегаполисе» с участием представителей бизнеса (Русская медная компания) и креативных индустрий Екатеринбурга (**Олег Лутохин**, Ельцин-центр, **Степан Тропин** и др.).

В дни симпозиума проведены три авторских экскурсии:

- «Екатеринбург в зеркале И(сети)» **Валентины Самковой** (в 2016 году эта экскурсия признана лучшей в конкурсе

на лучший туристический маршрут по Свердловской области в номинации «Городской маршрут»);

- «Город под башней» **Дмитрия Москвина** (кандидат политических наук, руководитель научно-просветительского отдела Уральского филиала ГЦСИ-РОСИЗО, куратор Школы авторских маршрутов);
- «Уралмаш между „наследием“ и „утопией“: прогулка по соцгороду» **Михаила Ильченко**.

Рис. 1. Экскурсанты на Белой башне

В рамках параллельной программы симпозиума прошли специально организованные выставки:

- «Уралмашевцы — строители „города-сада“» (из коллекции Музея истории Уралмашзавода, куратор **Сергей Одо-евский**, место проведения — Художественная галерея ЕАСИ);
- «REVITALIZACIA» (мультимедийный арт-проект, фотограф **Эля Вылку**, куратор **Анастасия Егорова**, ЕАСИ);

- «Незаметные герои 1941–1945 годов» (экспозиция по результатам исследовательского проекта, посвященного труженикам тыла, куратор **Ульяна Ефремова**, ЕАСИ);
- «Катовице 150+1» (фотовыставка **Петра Вуйцика**, куратор **Доминик Руанетт**, Президентский центр Бориса Ельцина).

Зарубежные участники симпозиума прочитали публичные лекции на площадке партнера — Президентского центра Бориса Ельцина:

- **Якуб Садовский** — «Перестройка и социальная память. Эскиз к культурному портрету эпохи» (на русском языке);
- **Моника Конрад** — «City Voids as spaces for negotiations and creation of new relations (Городские пустыри как пространства с потенциалом и возможности для переговоров; на английском языке).

Общественные организации, члены которых участвовали в симпозиуме: Общественное движение «Реальная история», Фонд «Здоровые люди».

Представители бизнеса на симпозиуме: компания-застройщик PRINZIP, Русская медная компания, туристическое агентство «Исеть-travel» (все — Екатеринбург), КБ «Стрелка» (Москва).

Институции культуры — партнеры в организации и проведении симпозиума: Управление культуры Администрации Екатеринбурга, Музей истории Екатеринбурга, Уральский филиал ГЦСИ-РОСИЗО, книжное издательство ТАТЛИН, книжное издательство «Кабинетный ученый», Екатеринбургский театр кукол, Польский культурный центр, Президентский центр Бориса Ельцина.

Участники симпозиума высоко оценили как инновационный формат мероприятия, так и его содержательные итоги:

Надеюсь на плодотворное продолжение проекта. Симпозиум поднял значимые и важные вопросы, объединив разные аудитории — академическую, общественников, художников и пр.

Очевидно, симпозиум должен стать началом достаточно регулярных мероприятий в рамках проекта «Уралмаш». Отлично, что в работе приняли участие представители власти и бизнеса. Обмен мнениями, надеюсь, будет приносить результаты в ближайшем будущем.

Крайне интересное пленарное заседание и общий круглый стол. Благодаря этому возникли идеи и векторы для собственного исследования... Привлекателен формат — общение и взаимодействие на одной площадке теоретиков и практиков градостроительства, урбанистики, паблик спейс. Спасибо оргкомитету за семейную атмосферу!

На этом симпозиуме меня впечатлила открытость докладчиков, спикеров. Не было ощущения стрессовой ситуации. Мне как студентке было интересно увидеть преподавателей в новом свете. Открыла для себя много нового, очень рада, что развивается интерес к удобству и желание сделать людей счастливыми. Междисциплинарность позволяет взглянуть с других сторон.

Самая пунктуальная и креативная конференция.

Блестяще организованы все мероприятия! Особо отмечу студенческие проекты, которые были представлены на отдельной секции — креатив, энтузиазм, вовлеченность в жизнь района, симбиоз теории и практики, преемственность идей. В симпозиуме реализован оптимальный баланс между научно-популярными мероприятиями (авторские экскурсии) и аудиторными заседаниями, послекуские от которых такое же приятное, как и от чудесных пирожков на кофе-брейке!

Большое спасибо организаторам симпозиума, коллегам за интересный опыт, новые идеи, методики, возможность посмотреть на городские проблемы с точки зрения разных дисциплин и практик. Надеюсь, это выльется в полноценные междисциплинарные исследования и социальные проекты. А также это останется не на уровне слов, а выльется в конкретные результаты.

Удачно осуществлено мероприятие, в котором соединилось объективное научное знание и субъективное знание современного искусства.

Некоторые коллеги вместо feed back по поводу события высказались о пространстве, в котором оно происходило:

Уралмашу быть! Будущее у него многоперспективное. По какому пути Уралмаш будет развиваться, зависит от того, какие активности и солидарности будут возникать и существовать в районе. Каким Уралмаш мы увидим через 10–20–50 лет — зависит от его жителей, очень разных, самодостаточных, со множеством идентичностей и огромным творческим потенциалом. Пусть сообщества на Уралмаше самоорганизуются, культурное [пост] индустриальное наследие сохраняется и переосмысливается.

Симпозиум провоцирует Уралмаш на новое самоопределение. Кто его определит? Чей голос будет более слышан? Вероятный ответ — многообразие, баланс интересов, развитие через преэмптентность.

Екатеринбургская академия современного искусства осознает и реализует социальную ответственность за свое здание на углу бульвара Культуры и улицы Красных партизан, включенное в реестр объектов культурного наследия, за пространство, в котором находится ЕАСИ — прежний соцгород, а ныне — микрорайон Уралмаш в Орджоникидзевском административном районе Екатеринбурга. Обсуждение проблем, локализованных в индустриальном районе, не первое и не последнее. В 2015 году в ЕАСИ проходил Международный симпозиум «От утопии к практикам повседневности», посвященный осмыслению культурного наследия авангарда в повседневности. С 2016 года в академии реализуются студенческие научные проекты, призванные осмыслить социальные процессы, в которые ЕАСИ оказалась так или иначе вовлечена: «Культурный конфликт», «Дети „дворянского гнезда“», «Стрит-арт-архивация», «CAMPUS». Ежегодно проводимые академией научные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых под общим названием «Культура открытого города» также предполагают осмысление городских локаций с разных точек зрения — теоретической, практической, эмпирической, управленческой, проектной и пр.

Продолжение разговора о культурном будущем [пост]индустриальных городов — в повседневной академической и учебной работе преподавателей и студентов, в новых научных событиях в ЕАСИ.

Публикуемый сборник статей представляет лишь срез научной, творческой и общественной работы, освещенной в докладах. Конечно, «Уралмаш» в названии симпозиума — это метафора индустриального города, вынужденно переживающего испытания и «творческое преображение» в век информационной и технологической революции, и в этом плане, очевидно, следует признать, что «у каждого свой Уралмаш». Это навело нас на волюнтаристическую мысль разбить собранные материалы на два раздела: «[Пост]индустриальный Уралмаш», авторы которого сосредоточены на тех или иных сторонах жизни и прошлого «Уралмаша конкретно-исторического», и «Уралмаш за скобками».

По итогам симпозиума готовится коллективная монография «[Пере]открывая советское: арт-стратегии и культурные инициативы в постсоветском городском пространстве», которая не только обобщит итоги дискуссий, но и привлечет к обсуждению новых авторов — экспертов по проблемам художественного освоения пространств советской застройки в современной городской среде. Ждите выхода книжки в 2018 году!

[Пост]индустриальный Уралмаш

В. А. Трапезников,
Администрация Орджоникидзевского района,
Екатеринбург

КОНЕЦ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЙОНА?

В статье ставятся проблемные вопросы сохранения и переосмысления архитектурного наследия — процесса, который для своей эффективности объективно требует согласованного и инициативного взаимодействия трех сил: властей всех уровней, экспертов и творческой интеллигенции, гражданских активистов.

Ключевые слова: Уралмаш, ревитализация, охрана культурного наследия.

Симпозиум «[Пост]индустриальный Уралмаш» проходил в Орджоникидзевском районе Екатеринбурга — и действительно, где же еще обсуждать вопросы ревитализации и переосмысления городских постиндустриальных пространств. Но я категорически не согласен с названием! Никакой постиндустриальности на самом деле нет, и территория, на которой мы находились, остается глубоко индустриальной, при этом современно индустриальной, и от этого факта никуда не денешься. Пятьдесят шесть тысяч из трехсот тысяч жителей по-прежнему заняты на территории Орджоникидзевского района в индустрии, в тяжелой индустрии. Если учесть их с членами семей, то можно уве-

ренно утверждать, что все население района остается индустриально ориентированным.

Что же изменилось? Означает ли сказанное, что мы по-прежнему существуем с старой парадигме? Конечно же нет. И функция индустриальности осталась, а парадигма совершенно изменилась. Мы, совершенно очевидно, существуем в новом времени, в новых технологиях, в новых требованиях — в том числе к городским пространствам и городской среде. И естественно, что тема симпозиума остается для нас чрезвычайно актуальной. Востребованность жизни не только в квартире, но в пространстве ощущается в населении ежедневно, и эту востребованность мы ощущаем чрезвычайно остро. Самое большое количество обращений граждан к власти — а я чиновник, глава района, моя работа заключается в том, чтобы отвечать на обращения граждан! — сегодня посвящено городской среде. У меня бывает до 150 обращений в день, и до двух третей из них посвящено или организации городского пространства, или организации придомовых территорий. Люди требуют, люди хотят, и люди готовы совершать усилия.

В условиях крайне ограниченных бюджетов привлечение и использование частной инициативы и внебюджетных источников становится зачастую более эффективным инструментом, чем бюджетные вливания. В прошлом году, для примера, мы запустили программу обустройства дворов. Потребность в этом чрезвычайно велика, но миллиарды, которые на это объективно требуются даже на территории Екатеринбурга, никогда не найти. Мы предложили населению делать это по сути своими силами, взаимодействуя с управляющими компаниями и при нашей (власти) поддержке, которая была почти исключительно методической: мы начали приглашать группы инициативных горожан, давали консультации по перепланировке дворов, согласованию проектов, в помощь сделали книжку в виде комикса, в которой максимально подробно, пошагово рассказали, как работает программа, пригласили СМИ, разработали проект протокола общего собрания для обустройства двора... В прошлом году 38 дворов, в этом — 40 дворов мы реконструируем, пользуясь, в сущности, ресурсами и организационными, и финансовыми жи-

телей — именно потому, что людьми это востребовано и они готовы в это вкладываться. И таких примеров много. Тысячами мы сегодня садим вместе с населением деревья и кустарники — за последние две недели мая полторы тысячи посадили.

Что касается непосредственно объектов. Ревитализация — переосмысление, новая жизнь — именно на этой территории, где проходил симпозиум, и продолжает происходить. Уникальность этого конкретного места обусловлена тем, что сто лет назад произошла не просто революция, не просто смена власти — это была попытка изменить парадигму, воплотить утопию, построить тот самый город-сад, который 500 лет назад был описан, и делать это в старых городах, таких как уездный, в общем-то захолустный в 1917 году Екатеринбург, как сотни других городов распавшейся Российской империи, было практически невозможно. И Уралмаш, соцгород, Орджоникидзевский район — это не только и не столько индустриальный эксперимент, поставленный на излете двадцатых годов XX века. В первую очередь это социальный, градостроительный, урбанистический эксперимент построения нового идеального городского пространства и вживления старых людей в эту новую систему ценностей, в эту новую парадигму.

Город Солнца строили «прямо здесь, прямо сейчас» (а наша площадь 1-й пятилетки — это ядро, от которого лучами расходятся улицы) — с центром в виде заводской проходной. Но что важно — строили, добавив к проходной и культуру, добавив и высококачественную жизнь в «дворянском гнезде» (это народное название квартала, в котором селились руководители завода, инженеры, иностранные специалисты), добавив и новые социальные стандарты (улица Ильича — «для всех»). Где еще так можно было воплотить мечту о новом обществе и в принципе о новой жизни?

И по сути доосмысление этих пространств началось практически сразу. Здание, где проходил симпозиум, должно было стать фабрикой-кухней. Идеи проектировщиков были еще слишком романтичны — отказ от семьи, отказ от какой-то частной жизни, «у нас не будет кухонь»... Эта идея не оказалась

востребована, не была воплощена до конца, и новый виток — здесь ДК школьников, или ДК Орджоникидзевский, или, как его еще называют, «Старый ДК» — реализуется несколько десятилетий. Но что мы наблюдаем прямо сейчас, не просто в эти годы, а в эти дни? Новый виток той самой ревитализации этого чрезвычайно востребованного, чрезвычайно символического общественного пространства. Старый ДК школьников преобразуется в ультрасовременное, самое молодое высшее учебное заведение в России — в Академию современного искусства. В двухстах метрах от проходной Уралмаша — не филиал колледжа имени Курочкина, не повышение квалификации фрезеровщиков и токарей... Это ли не показательнейший и образцовый пример той самой ревитализации?

И, конечно, наша всеми любимая Белая башня. Это потрясающий, реализованный уже кейс ревитализации, придания новой жизни, нового смысла, когда исключительно функциональное, но прекрасное как культурный объект сооружение находит новое выставочное содержание и притягивает к себе сотни, тысячи людей именно возможностью воспринять его по-новому, увидеть эту мультимедийную экспозицию и осмыслить его как выставочное пространство.

И все это происходит у нас повсеместно, хотя, может быть, чуть в меньших масштабах. Так, мы сейчас пытаемся добавить на бульвар Культуры спортивную составляющую, мы пытаемся добавить сюда музыкальные фестивали и массу контента семейного, детского, взрослого — все ради того, чтобы этот бульвар воспринимался как место, наполненное новой жизнью.

Но есть в этом всем объективная проблема — это проблема баланса интересов, баланса между сохранением старого, бережным отношением к старому, и потребностями нового. Общеизвестен пример «не слишком бережного» обращения со зданием нашего старого Пассажа на центральной площади Екатеринбурга. Но есть и другая крайность. На Уралмаше есть здание бывшей гостиницы «Мадрид». Последний год мы боролись за то, чтобы сделать возможным приход туда инвесторов. К сожалению, нет никаких предпосылок, что государство — собственник этого здания — вернет «Мадрид» к жизни за счет бюджета.

Проблема состоит в том, что наши органы защиты культурного наследия, готовя этот аукцион, внесли в предмет охраны не только замечательные фасады, не только замечательную лепнину, элементы декора, прекрасную лестницу, но (на мой взгляд — к сожалению) и коридорную систему, а коридорная система «Мадрида» делает абсолютно невозможной ту самую «новую жизнь», делает абсолютно невозможным создание новых объемов, которые как-то бы оправдывали приход инвесторов и работу на этом объекте. Определение предмета охраны — это ведь по сути трансляция науки в практику, и конечно такая тематика должна обсуждаться в научном сообществе, на мероприятиях, подобных этому симпозиуму. В данном случае благими намерениями, может стать, будет выстлана дорога к утрате такого объекта, как «Мадрид».

Другая из практических задач, которые могут быть поставлены перед наукой — проект преобразования пространства около районного ЗАГСа. Сегодня на этой площади фактически существует перехватывающая парковка, между тем это место интенсивно востребовано пешеходами, поскольку там соединяются транспортные потоки. Нам нужно по-новому осмыслить это пространство. В целом же важно помнить, что путь, по которому сегодня идет урбанистическая наука, — это сплав архитектуры, социальных активностей и культурных проектов. Только на стыке этих трех направлений возникают жизнеспособные городские практики.

Вячеслав Трапезников

Елизавета Полухина

Е. В. Полухина,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

УРАЛМАШ КАК РАЙОН РАБОЧЕГО: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КЕЙС-СТАДИ¹

В статье описан процесс сбора данных на территории района Уралмаш и показано, как это может быть реализовано в стратегии этнографического кейс-стади. Статья ставит целью очертить методический портрет проведенного исследования: указать особенности доступа в поле, специфику проводимых тандемных интервью, рабочих как группы информантов. Сбор данных по схожей методологии позволяет делать сравнения и показывать различия функционирования социального феномена (подобных районов) в разных условиях.

Ключевые слова: Уралмаш, район, рабочий, завод, идентичность, этнографическое кейс-стади, постиндустриальный

Изучение отношений внутри локальных территорий — традиционный объект для качественной социологии, отсылающий нас к работам чикагской школы и классикам британской социальной антропологии. Изучение культуры, многообразие социальных практик, идентичности локальных территорий (а чаще — городских районов) становится распространенным сюжетом социальных исследований в отечественной и зарубеж-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования «Быт и культура индустриальных рабочих: этнографическое кейс-стади заводского района, г. Екатеринбург» (№ 117-02-0003) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». — *Прим. авт.*

Эта и две следующие статьи посвящены одному исследованию, поэтому мы помещаем их вместе. — *Прим. ред.*

ной исследовательской работе [1]. В период экономических трансформаций особую актуальность приобретает переосмысление территории индустриальных (промышленных, заводских) районов, которые ранее находились в центре государственных интересов, а сейчас занимают периферийное положение, особенно на территории постсоветского пространства.

Этнографическое кейс-стади: как это можно делать «на районе»?

Вопросам изучения организаций в традиции кейс-стади уделено достаточно внимания, в том числе и в отечественной литературе [2; 3; 4]. Однако возникает потребность в проговаривании познавательных возможностей полевого исследования на территории городских районов, экспликации схожих опытов в целях дальнейшего грамотного и эмпирически сопоставимого применения. В качестве предметной области выбран широкий пласт социальных отношений — культура, представленная различными практиками повседневной жизни резидентов изучаемого района.

Адекватной методической рамкой для изучения культуры городских районов, идентичности ее жителей представляется особый жанр полевого исследования — этнографическое кейс-стади — стратегия исследования, направленная на последовательное и детальное изучение одного объекта с учетом различных доступных способов сбора данных. Одним из уже реализованных примеров исследований данного жанра является европейский проект MYPLACE [5]. В целом этнографический метод и кейс-стади обладают общими для качественного полевого исследования допущениями. Они в первую очередь связаны с особенностями доступа в поле, гибкостью подхода, отбором объектов, логикой интерпретации [6; 7]. Случай (кейс) в данном контексте — эмпирический объект, отдельный фрагмент социальной реальности, ограниченный в пространстве и времени. А кейс-стади — исследовательская стратегия, направленная на глубокий, интенсивный, полный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного эмпирического объекта (случая) с учетом различных доступных методов сбора дан-

ных. Цель подобной исследовательской деятельности — выявление общих тенденции, типичных практик, а в рамках прикладных задач — постановка «социального диагноза» изучаемого явления. Подобные «качественные исследования проводятся на одном или нескольких объектах, которыми являются некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности, даже биография отдельного человека» [8, с. 5]. Сущность же исследования в стратегии кейс-стади заключается в том, чтобы, детально изучив один или несколько случаев, раскрыть содержание глубинных процессов [2, с. 66].

Некоторые исследователи отказываются считать включенное наблюдение обязательным методом в стратегии кейс-стади. Поэтому мы считаем важным обозначить в нашем проекте «этнографичность» сбора данных, заключающуюся во «вживании» в культурный контекст — проживании команды исследователей в течение месяца в районе исследования, «беспрерывном» участии в районных практиках. Мы осознаем, что этнографический метод в классическом виде отличается более долговременным характером исследования, однако предполагаем, что за время полевой работы нам удалось «попробовать понять» культуру изучаемого района. Для иллюстрации приведем запись в дневнике от первого полевого дня:

Роман [хозяин арендуемой нами квартиры] одет в спортивную одежду, кофту Nike. Я тут же подумала, что угадала с полевым образом: взяла куртку с капюшоном, кроссовки Nike и рюкзак. Мне казалось, что так я буду походить на обычного жителя этого района и при этом легко себя чувствовать для полевой работы. После пары часов в таком образе и ходьбы по району я почувствовала себя не очень, как какой-то парень [дневник от 14 июня].

Далее, на третий день полевой работы, исследователь довольно свободно вступает в коммуникацию с жителями района:

В магазине со мной поздоровались, но я там первый раз. Стою в очереди: маленький мальчик, стоящий передо мной, жалеет, что не может купить гематоген, переживает, что хватает только на мороженое. Мне не могут дать сдачи, так как нет 50 коп., парень с радостью

отдает мне свои 50 копеек. Я в небольшом шоке от детской щедрости, далее дала ему 12 рублей на гематоген [дневник от 17 июня].

Два этапа проекта: вторичный анализ => полевой сбор

По аналогии с изучением организаций [4], мы разделили стадии сбора данных на два основных этапа. Первый, подготовительный этап, был преимущественно осуществлен за несколько месяцев до полевого. Он включал описание района на основе доступных данных (сайт администрации района, данные архивов и др.) по следующим характеристикам: историческая справка, описание стадий развития района; финансирование; динамика численности и состава жителей. По результатам проведенного анализа мы предпочли сосредоточить свое внимание на группе резидентов — рабочих завода Уралмаш (выполняющих физическую работу в цеху) и жителей одноименного района. Остальные группы (как в районе, так и на заводе) нас интересовали в меньшей степени, они скорее выступали как дополнительные, проясняющие ситуацию с рабочими.

Второй этап нашего проекта — полевой, состоящий преимущественно из наблюдения и интервью с различными акторами района, преимущественно с рабочими завода Уралмаш и жителями одноименного района. В рамках полевого этапа нас интересовали рабочие, их культура и самоощущение через призму происходящих изменений на районе и заводе. В рамках описания и наблюдения района нас интересовали следующие сюжеты: группы акторов (состав, отношения внутри, формы солидарности); материальная культура района (жилье, современные точки быта); «знаковые» места; язык; конфликты и способы их решения.

Район Уралмаш как контекст или объект исследования?

Кратко обозначим историю выбранного кейса — района. Уралмаш — жилой район северной части г. Екатеринбурга, основанный в 1927 году как рабочий поселок одноименного «завода заводов». На данный момент официально эта территория относится к Орджоникидзевскому району г. Екатеринбурга. По данным муниципального регистра населения на 2015 год на

Уралмаше проживает свыше 190 тыс. человек. Для жителей этого района свойственен «районный патриотизм», территориальная идентичность «уралмашевцев». Название «Уралмаш» носят или носили футбольный клуб, стадион, станция метрополитена, организованная преступная группировка, общественно-политический союз.

Понимание «рабочего» через изучение контекста, в котором он «живет»

Рис. 1. Иллюстрация исследовательского фокуса

Уралмаш — ярчайший пример соцгорода (социалистического города), замкнутого районного образования при промышленных предприятиях. Инфраструктура района-города предполагала многообразие бытовых общественных учреждений: предприятия общественного питания (фабрики-кухни), прачечные, починочные мастерские, детские сады, школы, лечебные учреждения, парковые зоны, дома культуры. Помимо Уралмаша были созданы десятки подобных городов. Проекты соцгородов создавали концепцию нового, общего быта советского рабочего. Место жительства — однотипное, в среде рабочих «твоего» завода, ближайшее от завода — есть своеобразное место контроля работника. В свою очередь, территориальная и социальная привязанность жилья к заводу являлась основой для немобильности, «укоренения» на одном рабочем месте, одной территории. Отказ от социалистического строя, переход к рыночной эконо-

мике привели к изменению принципов работы заводов, изменению социально-экономических отношений. Нас интересовали такие вопросы: как и чем живет современный рабочий завода Уралмаш? Как воспринимает себя, завод и район через призму произошедших изменений? Для понимания этого нам нужно изучить, что сейчас происходит на районе и заводе.

Доступ в поле: район открыт, но где здесь рабочие?

Попадание в район исследования не являлось затруднительной задачей. Как и обычный район, Уралмаш — публичное открытое пространство города Екатеринбурга, куда может попасть любой желающий. Последнее время район и его «активисты» проводят культурные мероприятия (концерты, симпозиум, активность на Белой башне), что способствует потоку разнообразных аудиторий, привлекает к новым практикам жителей. Несколькими месяцами ранее мы командой исследователей посещали район и у нас были контакты некоторых жителей района и людей, кто работает с жителями или «на районе».

Рис. 2. Подъезд пятиэтажного дома, район Уралмаш

Ближе к полевому этапу мы легко забронировали скромные апартаменты на сайте [booking.com](https://www.booking.com) и стали временными жителями «старого» Уралмаша, проживающими на улице 40-летия Ок-

тября в доме № 34. Это кирпичный пятиэтажный дом 1950–1960-х годов постройки. Таких домов довольно много строилось на Уралмаше, изначально для работников завода. Наш дом был расположен относительно рядом с заводом Уралмаш (800 метров) и основными главными точками района — Белой башней, стадионом, рынком, бульваром Культуры и другими.

Доступ к рабочим: «дверь закрыта, мы — в окно»

В изучении «района» доступ к полю более легок, чем при изучении организаций. Немногие авторы указывают на свои «провалы» вхождения в поле. Так, В. Борисов отмечал, что в случае «неудачного» доступа в поле надо понять, что туда «не входят дважды». Самый рациональный выход из этой ситуации — попытка найти «недоступному» полю адекватный эквивалент [9, с. 203–205]. Свои неудачи В. Борисов, как правило, объясняет ошибками в переговорах с официальными лицами. Исследователям известны примеры многолетних, но не приведших к успеху переговоров [10, р. 55–56]. В изучении такого кейса, как район, есть возможность вхождения с разных сторон: «сверху» через официальные договоренности/письма и через личные (вне администраций и завода — в случае с Уралмашем). Второй вариант (через личные контакты) в нашем случае оказался более действенным. Возможно, это объясняется характером интересующей нас группы — рабочими, которые скорее негативно воспринимают подобные инициативы сверху.

Надо отметить, что найти доступ к рабочим завода только на первый взгляд оказалось сложной задачей. Было понятно, что к нашему приезду желательно уже иметь несколько договоренностей об интервью и понимать, кто будет нам помогать в контактах. На самом заводе Уралмаш у нас было несколько контактов, с которыми мы связывались и пытались выйти на рабочих. У нас был составлен пакет документов (пояснительных писем), рассказывающих о проекте рабочему, специалистам кадровой службы, директору. Однако нынешняя ситуация на заводе и попытки наших «переговорщиков» расположить рабочих к исследованию не увенчались успехом. Мы поняли, что действовать «сверху» через завод затруднительно, обратились к нашим кол-

легам-социологам и попросили через личные контакты помочь нам выйти на рабочих. Так благодаря бывшей сотруднице завода («хорошая знакомая рабочих») мы получили первые контакты и договоренности на интервью.

В дальнейшем мы побывали неоднократно и на самом заводе, провели экспертные интервью и установили контакты с другими группами сотрудников, жителями района. В целом с каждым полевым днем мы все интенсивнее «обрастали контактами» и, честно признаться, с трудом успевали собирать эмпирические материалы, фиксировать их, делать регулярные записи в дневниках. В наши круги общения вовлекалось все больше людей, желающих принять участие в исследовании. Поле все менее отделялось от нас, записи в дневник становились все более редкими, так как с каждым днем нам уже многое становилось понятным и привычным. Мы представляли себя в прозрачном аквариуме, где уже довольно свободно «плаваем». Мы использовали телефон для связи с последующими участниками исследования. Подобно «дыхательной трубке» в аквариуме, телефон соединял нас с новыми участниками проекта.

Рис. 3. Подъезд дома на ул. Красных партизан. Социолог после интервью с экспертом договаривается о следующей встрече у Белой башни

В итоге в мае и июне 2017 года базу собранных материалов составили пятнадцать биографических интервью с рабочими завода Уралмаш, живущих в районе Уралмаш (часть из них сопровождалась последующей биографической прогулкой по району); восемь интервью с экспертами; архив газеты «За тяжелое машиностроение» (2015–2017); дневники наблюдения (три «авторских» дневника с регулярными записями о полевой работе и жизни «на районе»). Сбор данных осуществляли социологи-исследователи Александрина Ваньке, Елизавета Полухина и Анна Стрельникова.

«Вдвоем надежнее»: тандемные интервью как тактика полевой работы

Согласно нашей задумке, интервью должны были проходить дома либо в любом другом месте района, удобном для участника-рабочего. Уралмаш как район — весьма «многозначимая» территория, особенно для молодых исследовательниц. Мы проводили все интервью с участием минимум двух исследователей с целью «надежности», понимаемой, с одной стороны, как исследовательская безопасность. Тема безопасности района часто появлялась в дневниковых записях исследователей. К примеру, этот сюжет:

Дома обменивались впечатлениями:

– Когда мы тут шли, у «Верного» [магазин около дома исследователей], внизу, так страшно стало. Компания одних парней идет к нам на встречу, «страшные» такие. И тут же рядом другая компания, такие же, спортивные. Я думаю: ну вот, если одни из них пристанут, то мы попросим вторых нас защитить.

– Я тоже та-а-а-к тогда испугалась! И об этом тоже подумала!!! (смех) [дневник от 25 мая].

С другой стороны, практика тандемных интервью способствует получению более «надежных» данных, так как сбор идет двумя исследователями: второй технически (делает записи, следит за диктофоном, записью видео, фотографирует) и эмоционально помогает, появляется возможность дальнейшего обсуждения и более адекватной интерпретации данных. Всего нас было трое исследователей, поэтому проводить интервью по очереди

ди, по двое в команде, регулярно меняться ролями, было довольно легко.

Практика тандемного интервью довольно редкая, но уже осмыслена исследователями [11, р. 96; 12, р. 306; 13]. Так, социолог Анна Турчик в своей диссертационной работе заключает: «...несмотря на то, что сегодня традиционно приписываемые второму интервьюеру обязанности райтера, контролера и свидетеля возложены на записывающие устройства, наличие второго интервьюера важно, поскольку он оказывает существенное влияние на коммуникативную структуру складывающейся здесь и сейчас ситуации взаимодействия. Наличие второго интервьюера, осуществляющего определенные коммуникативные действия (аффилиация, контроль, поддержка), позволяет приблизить подобную форму разговора-во-взаимодействии к обыденной беседе... Подобные характеристики снижают степень формализации ситуации взаимодействия, способствуя тем самым получению необходимой и релевантной информации» [13, с. 122].

Интервью с рабочими имели общую логику и процедуру. Сначала мы предварительно созванивались, договаривались либо подтверждали встречу. Далее при встрече рассказывали о нашем проекте, подписывали информированное согласие об участии в исследовании, где были подробно прописаны этические моменты, учитывающие работу с записью, фото- и видеоматериалами. Далее один из нас (обычно тот, кто созванивался и был в основном контакте с информантом) проводил интервью по следующим темам: биография как экспликация социального опыта, жизнь на районе/заводе, подробное расспрашивание о практиках, образе жизни, заполнение бланков для проективных методик (социальные связи, ментальная карта района).

Во время интервью с рабочими второй исследователь делал записи, заполнял анкету с социально-демографическими характеристиками (возраст, место рождения, должность, длительность работы на заводе, семейное положение, жилищные условия и др.). После интервью мы предлагали некоторым участникам сделать завершающую прогулку по району. Оговоримся, что прогулку мы предлагали не всем участникам, а лишь тем,

кто, по нашим ощущениям, располагал для этого временем и желанием. В среднем одно интервью без прогулки занимало около 1,5–2 часов, с прогулкой — около трех (в некоторых случаях интервью начиналось с прогулки, в одном случае мы перенесли прогулку на другой день). В итоге места проведения интервью распределились следующим образом: дома (11), в саду (1), на работе (1), в кафе (1), во дворе (1). Сравнивая эти ситуации, мы понимали, что контекст дома рабочего дает «богатую» визуальную информацию, возможность понять «как живут». Однако роль «гостеприимного хозяина» часто конфликтует с ролью «информанта». Дома часто возникали «помехи», отвлекающие от рассказа, такие как животные (кошки, собаки) либо родственники. Поэтому интервью на нейтральной территории (кафе, двор) кажутся более рефлексивными, сфокусированными. Запись в дневнике иллюстрирует «помехи» со стороны родственников:

Э. является представителем группы рабочих-интеллигентов. Он не склонен к общению с людьми, сам в этом признается. Не окончив высшего образования, он работает на заводе и относительно неплохо зарабатывает. В интервью постоянно вмешивалась его мама — дама лет 70-ти. Она скорее хотела помочь, но одновременно с этим она несколько опекала Э. и он был этим недоволен «Мама, иди...» [дневник от 24 мая].

Общение с рабочими не всегда было легким, многие истории были трагичными. В целом у наших рабочих есть ряд личных качеств, которые их характеризуют как «золотых» информантов. Они ответственные: ни разу не опаздывали, не задерживались, своевременно отвечали на звонки, открывали двери и были гостеприимны. «Конечно все в силе! Жду!» — типичная для них фраза, когда мы подтверждали встречу по телефону. Они открыты к общению, говорят довольно искренне, эмоционально, без «утайки», даже о сенситивных вещах — финансы, личная жизнь и другие подобные темы легко и детально обсуждаются в беседах. Рабочие в целом были открыты к общению, у них было желание и время о себе рассказать. Многие из них излишне эмоциональны, а те, кто обладал только школьным образованием, испытывали трудности с выполнением проективных

заданий: «Как район нарисовать? Как он на листке-то поместится?»

Методологи часто задаются вопросом «Как сделать содержание материала достаточно стандартизированным, чтобы результаты были сравнимы с результатами других исследований?». Ответом является разработка подхода, применение которого возможно для нескольких эмпирических объектов. В таких случаях инструментарий «...был разработан вначале для одной страны, а затем использован во многих сравнительных исследованиях» [14]. Таким образом, актуализация единого подхода для сбора данных на территории индустриальных районов позволит исследователям со схожими объектами производить сравнения, чтобы показать различия функционирования социального феномена в разных условиях [15].

Литература

1. Martin G. P. Residents, interviewees, class representatives? Reflections on the use of qualitative interviews in knowing the worlds of gentrification // *Qualitative Housing Analysis: An International Perspective*. Emerald Group Publishing Limited, 2008. P. 115–139.

2. Козина И. М. Особенности применения стратегии «исследования случая» (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // *Социология*: 4 М., 1991.

3. Козина И. М. Case study: некоторые методические проблемы // *Рубеж*. 2006. № 10–11.

4. Романов П. В. Стратегия case-study в исследовании социальных служб. Социологические исследования. 2005. № 4. С. 102.

5. Myplace Thematic Report [Электрон. ресурс]. URL: https://myplaceresearch.files.wordpress.com/2016/06/160622_eu-referendum_special1.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

6. Полухина Е. В. Case-study как исследовательская стратегия // *Case-study — образовательный и исследовательский опыт*

в междисциплинарном контексте: сборник научных статей по итогам междисциплинарного научного семинара кадрового резерва «Проблемы и перспективы использования метода case-study: междисциплинарный опыт». СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013. С. 5–21.

7.Полухина Е. В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 143–147.

8.Романов П. В. Микроуровень социальной реальности: возможности междисциплинарного подхода // Социологические исследования. 2002. № 3

9.Борисов В. Социология для самых маленьких // Рубеж. 1996. № 8–9.

10.Hammersley M. What Wrong with Ethnography. *Sociology*. V. 24. 1990.

11. Bechhofer F., Elliot B., McCrone D. Safety in Numbers: On The Use of Multiple Interviewers // *Sociology*. 1984. Vol. 18. № 1. P. 97–100.

12. Kincaid H.V., Bright M. Interviewing the Business Elite // *American Journal of Sociology*. 1957. Vol. 63. № 3. P. 304–311.

13. Турчик А. В. Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью [Электрон. ресурс]. URL: <http://golden.cominfo.rutgers.edu/RussianCA/publications/Turchik2010.pdf> (дата обращения: 22.06.2017).

14. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. Интернационализация аналитических категорий. Метод изучения отдельного случая в практике сравнительного анализа [Электрон. ресурс]. URL: <http://podelise.ru/docs/49810/index-3944-3.html?page=2> (дата обращения: 22.06.2017).

15. Stake R. E. Multiple case-study analysis. The Guilford Press, 2006. P. 339.

А. В. Ваньке,
Институт социологии РАН,
Государственный академический университет гуманитар-
ных наук,
Москва

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЙОНА: УРАЛМАШ ГЛАЗАМИ ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ¹

В статье рассматриваются ментальные карты как вид проективных методик, применяемых в качественном полевом исследовании повседневной жизни заводских рабочих в индустриальном районе. Автор демонстрирует три взаимодополняющих стратегии анализа ментальных карт: ранжирования элементов образа района на карте, построения классификации карт, комбинирования визуальных и текстуальных интерпретаций карты в контексте ситуаций. В статье делается вывод о том, что ментальные карты позволяют изучать социализированное воображение резидентов индустриальных районов и повышают надежность результатов.

Ключевые слова: ментальные карты, индустриальный район, заводские рабочие, Уралмаш.

Ментальные карты как вид проективных методик

Ментальные карты относятся к числу проективных методик, которые обращены к социальному воображению индивида и предоставляют ему возможность широкого и не навязанного выбора ответа [1, с. 163; 2, с. 31]. Вместе с тем они являются результатом работы ментальных схем, позволяя воображению достраивать и изменять социальную действительность [3, с. 168]. Ментальные карты делают видимыми представления людей о социальной реальности и визуализируют восприятие городского пространства, которое структурировано социальными делениями [4, с. 50]. В этом смысле ментальные карты, с одной стороны, выступают способом изучения представлений о

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ — грант № 17-33-01006 «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности».

физическом пространстве [5, с. 40], с другой стороны, служат инструментом анализа восприятия и воспроизводства социальных неравенств. Как пишут М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова и Е. В. Прямякова, «такие карты, создаваемые информантами по просьбе исследователей по принципу „здесь-и-сейчас“, являются спонтанными набросками. Люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города» [6, с. 103]. Таким образом, ментальные карты фиксируют не только обобщенный образ места жительства, но и репрезентируют в какой-то степени опыт повседневной жизни [6, с. 103; 2, с. 45].

В исследовательской практике ментальные карты получили распространение после того, как К. Линч использовал их при изучении образов американских городов [7, с. 16; 5, с. 40] и пришел к выводу о том, что образ города, несмотря на зыбкость, обладает устойчивой структурой и состоит из следующих элементов: «пути», «границы», «районы», «узлы» и «ориентиры» [7, с. 51–52]. В предложенной Линчем классификации районы представляют собой крупные или средние по размеру части города — целостные пространственные образования с границами, в которые можно мысленно «войти» и из которых мысленно можно «выйти»; они имеют общие свойства, узнаваемые городскими жителями [7, с. 51].

Процедура сбора ментальных карт в полевом исследовании

В нашем исследовании повседневной жизни заводских рабочих в индустриальном районе на примере района Уралмаш мы применяем ментальные карты, во-первых, потому, что данная методика позволяет выявить представления резидентов, то есть коренных жителей района, о месте своего проживания, приблизиться к пониманию их социального опыта и практик повседневной жизни, а также — реконструировать символически значимые места, нагруженные многослойными смыслами. Во-вторых, ментальные карты наряду с проективной методикой «круги общения» [8] могут внести вклад в изучение социальных сетей и взаимодействий жителей индустриального района и вы-

явить барьеры для прямой коммуникации между разными социальными группами: резидентами и новыми жителями, проживающими на одной территории. Наконец, ментальные карты, дополненные эмпирическими материалами, собранными с помощью других методов качественного полевого исследования (полуформализованное интервью, биографическая прогулка, наблюдение), делают возможной аналитическую триангуляцию, что повышает надежность результатов [2, с. 26].

На завершающей стадии полуформализованного интервью информантам — рабочим завода Уралмаш, проживающим в одноименном районе, — предлагалось нарисовать ментальную карту района. Изначально, до проведения исследования, задание было сформулировано следующим образом: *«Нарисуйте, пожалуйста, свой район, отметьте на нем свой дом и наиболее важные для Вас места»*. Однако после первых интервью выяснилось, что если воспроизводить данную формулировку дословно, информант нарисует карту, обозначит на ней свой дом и далее нанесет значимые места. Тем самым исследователь навязывает собеседнику картографическое видение района, то есть предконструирует тип изображения, которое при других обстоятельствах могло бы иметь иной вид. Кроме того, использование выражения «свой район» не гарантирует того, что рисунок будет связан с Уралмашем. Поскольку задача проекта состояла в изучении образа конкретного индустриального района, находясь в поле, мы произвели корректировку задания, которое в последующих интервью стало звучать так: *«Нарисуйте, пожалуйста, район Уралмаш, каким вы его видите»*. Данное уточнение позволило нам в дальнейшем получить разные типы ментальных карт, которые представляют собой не только схемы, но и объемные символические изображения. В процессе выполнения задания один из исследователей фиксировал на видеокамеру то, как информант рисует район. Данная процедура позволила впоследствии реконструировать процесс составления ментальной карты. Благодаря видеозаписи мы можем восполнить множество важных деталей, например, точно определить, с чего начинается каждая карта, как она постепенно заполняется элементами, какие элементы наносятся последними, что вызывает сложности и

т. д. После выполнения этого задания мы просили информантов объяснить, что именно они нарисовали.

В период с 15 мая по 3 июня 2017 года нами было собрано пятнадцать ментальных карт рабочих, занятых на заводе Уралмаш и проживающих в одноименном районе, а также четыре ментальные карты представителей других социальных групп, проживающих там же (ими оказались преподаватель, фотограф, научный сотрудник, журналист). В комплексном исследовании мы дополняем анализ ментальных карт интерпретацией других данных, имеющихся в нашей базе, а это пятнадцать полуформализованных интервью с рабочими, восемь интервью с экспертами, пятнадцать заполненных бланков «круги общения», более 600 фотографий и видеозаписей домашних интерьеров, рабочих мест и публичных пространств в районе, записи полевых дневников, насчитывающих более 30 страниц.

Стратегии анализа ментальных карт

Далее мы сосредоточимся на анализе ментальных карт заводских рабочих, но для всеобъемлющей интерпретации будем привлекать некоторые из перечисленных выше данных. Следует отметить, что преимущество комплексного качественного полевого исследования состоит в том, что разные типы данных об одном объекте — в нашем случае о жизни в районе Уралмаш — могут обогатить интерпретацию эмпирических материалов, полученных с помощью проективных методик. Многоаспектное рассмотрение позволяет исследователю аналитически пересобрать индустриальный район и выделить разнообразные наложения, пересекающиеся в смысловом и территориальном пространствах. В данном случае, ментальные карты служат средством перекодировки смыслов района. Семантические переходы могут осуществляться одновременно в двух направлениях: физическое пространство индустриального района, сопряженное с телесным опытом информанта ⇔ изображение района на белом листке бумаги ⇔ образ района в социализированном воображении информанта (см. схему 1).

Схема 1. Перекодировка смыслов индустриального района посредством ментальной карты

При непосредственной работе с ментальными картами применимы три взаимодополняющие стратегии анализа, которые порождают разные интерпретативные схемы.

Стратегия ранжирования отсылает к исследовательскому опыту К. Линча и связана с определением значимых мест в районе с помощью подсчета структурных элементов образа индустриального района. Для этого необходимо составить таблицу с частотами наиболее встречающихся объектов на ментальных картах, к которым относятся не только здания, но и, например, транспортные развязки, а также символы и другие смысловые обозначения. Эти объекты могут соответствовать классификации элементов образа города Линча: «пути», «границы», «ориентиры», «узлы», но также могут быть распределены и по другим основаниям. Далее выделенные элементы ранжируются [9], что позволяет нам осуществить анализ данных по свойству значимости. Элементы, которым присвоены первые ранги, — наиболее значимые, а те, которым присвоены последние ранги, —

менее значимые. Для наглядности приведем пример таблицы с частотами и типами элементов образа района Уралмаш, составленной по ментальным картам заводских рабочих.

Таблица 1. Частота и ранги элементов образа района Уралмаш (всего элементов ранжирования восемь; ранг 1,5 — значимый элемент с наибольшей частотой встречаемости; ранг 7,5 — малозначимый элемент с наименьшей частотой встречаемости)

№	Наименование элемента	Частота	Ранг
<i>Объекты инфраструктуры</i>			
1.	Завод	встречается 13 раз из 15	1,5
2.	Площадь 1-й Пятилетки	6 раз из 15	3,5
3.	Летний парк	6 раз из 15	3,5
4.	Белая башня	4 раза из 15	5,5
5.	Стадион	4 раза из 15	5,5
<i>Транспортная сеть, «пути»</i>			
6.	Дороги (на «старом» Уралмаше)	13 раз из 15	1,5
7.	Метро	3 раза из 15	7,5
8.	Трамвайное кольцо	3 раза из 15	7,5

Элементы «завод» и «дороги» по частоте встречаются тринадцать раз из пятнадцати и делят между собой первое и второе места. Расчет ранга осуществляется следующим образом [9]: 1-е место + 2-е место / 2 элемента = 1,5. Однако если мы добавим к ментальным картам рабочих карты представителей других социальных групп, проживающих в районе Уралмаш, то получим другое распределение частот. Например, для новых жителей района, проживающих ближе к станции метро «Проспект Космонавтов», наиболее значимым будет элемент «метро».

Следует отметить, что данная аналитическая стратегия имеет свои ограничения. С ее помощью мы не можем делать генерализирующие обобщения, во всяком случае, пятнадцати ментальных карт рабочих для этого недостаточно. Несмотря на это ранжирование позволяет выявить структурные элементы образа индустриального района и реконструировать символически значимые для той или иной социальной группы места в районе.

Ментальные карты резидентов района наглядно демонстрируют, что смыслообразующим ядром ментальности уралмашевцев является завод, вокруг которого и был образован район в конце 1920-х годов. Следующие по важности элементы — площадь 1-й Пятилетки и Летний парк, которые делят между собой третье и четвертое места по частоте встречаемости, их ранг равен 3,5. Эти места упоминаются в домашних интервью и в ходе биографических прогулок по району. Один из информантов (м., 53 года, слесарь, родился на Уралмаше, 18.05.2017), изобразивший на своей ментальной карте только завод, после интервью во время прогулки повел нас от своего дома к заводской проходной и завершил маршрут на площади 1-й Пятилетки. Согласно таблице ранжирования, после «завода» и «площади» наиболее важные места в ментальности заводчан — Белая башня и стадион. У информантов старшего возраста эти объекты районной инфраструктуры связаны с детскими и юношескими воспоминаниями. Именно они составляли и до какой-то степени составляют часть их повседневной жизни.

Классификационная стратегия анализа направлена на построение типологии метальных карт. Следует учесть, что на основании пятнадцати единиц анализа нельзя построить классификацию, но, тем не менее, можно выдвинуть предположение о некоторых видах карт, которые необходимо проверить на большем массиве данных. Как уже отмечалось выше, в ходе качественного полевого исследования мы изменили формулировку задания, тем самым мы уменьшили вероятность получения предконструированного результата и расширили рамки для работы социализированного воображения в процессе составления ментальной карты индустриального района. В результате полученные визуальные изображения можно разделить на три типа.

1. *Карта-схема*, которая представляет собой подобие географических карт, но не совпадает с реальными картами по пропорциональности, размерам и дистанциям в силу того, что, перемещаясь по району в повседневной жизни, мы захватываем лишь части реальности, имея знакомые и незнакомые маршруты, значимые и незначимые места. Как отмечает

А. В. Стрельникова, рисунок не повторяет городскую карту, поскольку информант обозначает на нем только те срезы пространства, которые представляют для него ценность и важность [2, с. 45]. Наше частичное восприятие пространства района переструктурируется в целостный образ на основе фрагментарного «схватывания» реальности с помощью телесных перемещений. Другими словами, информант, составляя карту-схему индустриального района, пытается сделать ее такой, какой она представлена, например, в Яндекс-картах или Google Maps, но ему это не удается в силу преломления индивидуального восприятия через воображение, опосредованное социальными взаимодействиями и повседневными практиками. Одни информанты начинают рисовать карты-схемы с контура района, как, например, научный сотрудник, проживающий на границе между Уралмашем и Эльмашем, другие пытаются изобразить дороги и транспортные пути на «старом» Уралмаше (трамвайное кольцо, троллейбусные и автобусные маршруты), третьи, храня в памяти архитектурный проект П. Оранского, рисуют завод как отправную точку, от которого лучами по 45 градусов отходят пять улиц. В результате двенадцать из пятнадцати ментальных карт заводчан выполнены в виде карт-схем, все четыре карты других жителей района с высшим образованием тоже относятся к данному визуальному типу. Пример карты-схемы представлен на рисунке 1.

2. *Карта-образ*, как правило, репрезентирует изображение крупным планом одного объекта, содержащего несколько смысловых значений. Следует отметить, что некоторые исследователи проводят разграничения между собственно ментальными картами и «рисунками как образами пространства» [2, с. 45; 10, с. 210–211].

Однако мы утверждаем, что объемный рисунок или символ индустриального района — разновидность ментальной карты, поскольку он репрезентирует многомерное пространственное изображение, которое является результатом работы ментальных схем индивида, опосредованных опытом жизни в районе. Когда речь идет о районе Уралмаш, то такими символическими объектами с многослойной семантикой выступают заводские трубы с

площадью 1-й Пятилетки и Белая башня, которые легли в основу двух ментальных карт из пятнадцати и могут по праву считаться точками притяжения, смыслообразующими ядрами района, каковыми они изначально задуманы архитекторами. Обе карты-образы сделаны заводскими рабочими старшего возраста (52 и 53 года) без среднего специального образования. Однако в них проявлена работа социализированного воображения коренного жителя района Уралмаш, простроенного по смысловой оси «завод» — «водонапорная башня». Пятидесятидвухлетняя информантка смотрит на Белую башню каждый день из окон своей квартиры, а 53-летний информант в детстве залезал на нее с друзьями и не может понять, почему она сегодня стала памятником (объектом городского наследия), ведь башня — часть его повседневной жизни.

3. *Карта без связей между объектами* встретила один раз из пятнадцати и сделана 60-тилетней машинисткой крана, которая переехала в район Уралмаш из сельской местности после окончания десятого класса. В силу раннего замужества она не стала получать среднее специальное образование. К настоящему моменту наша собеседница уже 40 лет работает на одном и том же кране в одной и той же должности в одном и том же заводском цехе. Ее ментальная карта, отображающая восприятие «долгожителя» района, состоит из разрозненных кругов, которые в некоторых местах перекрывают друг друга. Объекты районной инфраструктуры заключены в капсулы и репрезентируют наиболее значимые для повседневной жизни информантки зоны а) быта (магазины, парикмахерская, поликлиника), б) работы (завод, проходная), в) отдыха (парк, кинотеатр и др.). А. В. Стрельникова делает похожее наблюдение о том, что на рисунках «своего района» информанты зачастую изображают объекты дворовой инфраструктуры и подписывают места реализации бытовых практик [2, с. 70].

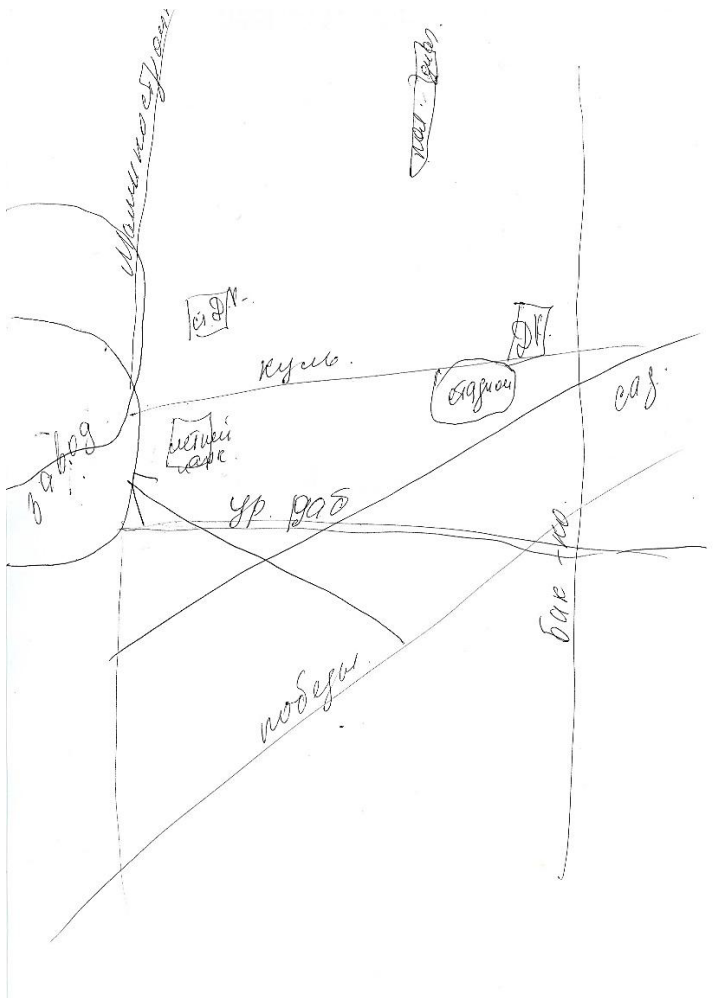

Рис. 1. Ж., 54 года, крановщица, родилась на Уралмаше, стаж работы на заводе 25 лет, 17.05.2017

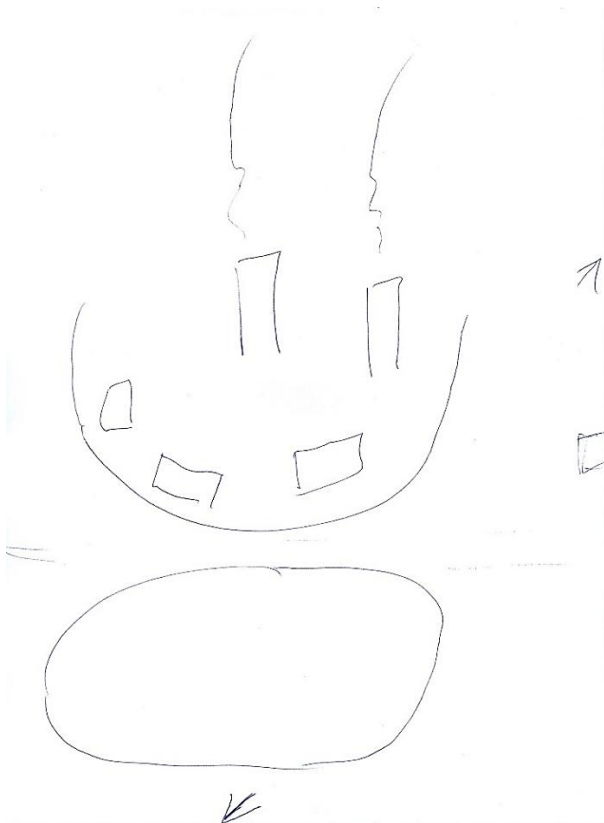

Рис. 2. М., 53 года, слесарь, родился на Уралмаше, стаж работы на заводе восемь лет, 18.05.2017

При построении классификации ментальных карт на больших массивах данных возможно соотнесение социальных характеристик информантов с теми типами карт, которые подлежат анализу. Другими словами, можно выдвинуть предварительное предположение о том, что тип ментальной карты (схема, образ, разрозненные элементы без связи) соотносится с социальной траекторией и конфигурацией капиталов информантов: культурного, социального, экономического (в терминах П. Бурдьё).

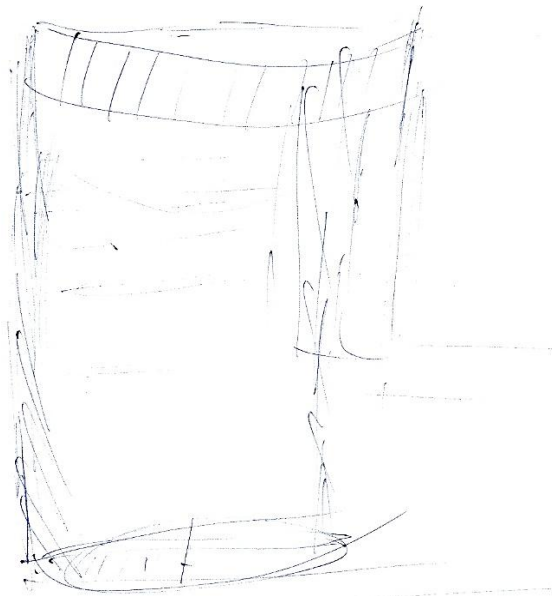

Рис. 3. Ж., 52 года, аппаратчик химводоочистки, родилась на Уралмаше, стаж работы на заводе 31 год, 27.05.2017

Интерпретативная стратегия предполагает сочетание визуального и дискурсивного анализа ментальных карт, видеоизображений и вербальных комментариев информантов, артикулируемых до, в процессе и (или) после составления рисунка. В данном случае исследователь сталкивается с тремя типами данных: 1) с непосредственно ментальной картой, 2) текстуальным транскриптом речи информанта, 3) видеозаписями, фиксирующими ситуацию и контекст составления ментальной карты, детали, последовательность вербальных и невербальных действий информантов. Следует оговориться, что полученные таким

образом данные, с одной стороны, являются избыточными и сложны для анализа, но, с другой стороны, в случае необходимости мы можем вернуться к ним для проверки или формулирования новых гипотез после выхода из поля. Именно такие избыточные данные при их неоднородности открывают возможность для комплексной и расширенной интерпретации повседневной жизни в индустриальном районе с его многослойными семантическими полями. Таким образом, с помощью третьей стратегии исследователь может анализировать ментальную карту как кейс с учетом ситуации, в которой она была составлена, и проговариваемых информантом комментариев.

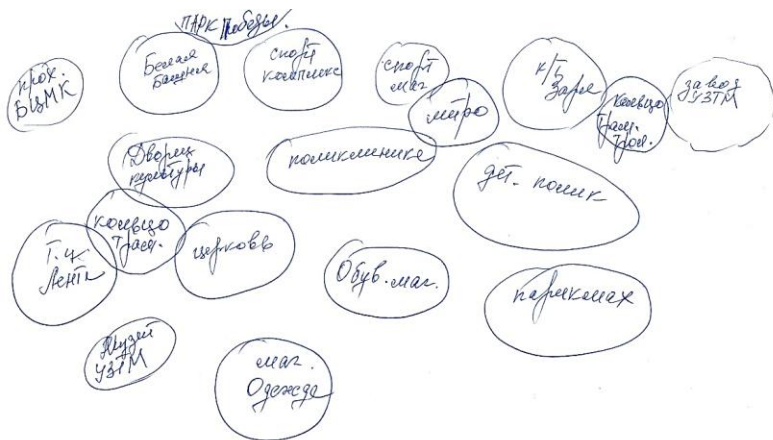

Рис. 4. Ж., 60 лет, крановщица, родилась в селе Мостовское, с семнадцати лет живет на Уралмаше, стаж работы на заводе 42 года, 29.05.2017

В качестве примера проанализируем ментальную карту и комментарии 43-летней сварщицы, которая родилась на Уралмаше и двадцать лет работает на заводе, выполняя тяжелую физическую работу. Сначала задание вызывает у нашей собесед-

ницы затруднение, но после недолгих размышлений она начинает рисовать район и объяснять, какие объекты наносит на карту:

- Нарисуйте район Уралмаш. Как Вы его видите...
- Ой, кошмар! Сейчас вспомнить бы. Так, если это площадь. Так, тут Уралмашзавод. Тут улица Ильича, Орджоникидзе. Тут [бульвар] Культуры. Тут дом культуры. Значит, тут вот где-то церковь.
- Может быть, если Вы не против, коротко подпишите?
- Дворец культуры. Церковь. УЗТМ, я напишу так сокращенно.
- Конечно, это понятно.
- Вот сюда — кинотеатр «Заря». «Заря», да. Тут где-то «Знамя» должно быть, кинотеатр. «Знамя» написать. Так, тут стадион. Сюда уходит далеко-далеко, там Парк Победы (*пауза, рисует*). От Ильича. Рынок «Омега».
- Это что такое?
- У нас рынок «Омега».
- А! «Омега». Угу.
- Дальше, что тут еще? Институт у нас. СИПИ (*пауза, рисует*). У нас вот тут где-то... Раньше мы вот сюда ходили, карусели всякие, парк маленький был. Я не знаю, как он называется. Знаю, что парк.
- Летний сад, нет?
- Летний сад или что-то в этом роде... Стадион тут. Тут еще вот лыжная база (*рисует*). База. Тут Белая башня как раз. ББ (*подписывает*).
- Как Вам рядом с ней живется?
- Да ничё, нормально...
- Скажите, на Ваш взгляд, где находится центр района?
- Ну, все равно площадь.
- Почему?
- Вся жизнь была такая. Уралмаш и площадь это... завод и площадь.

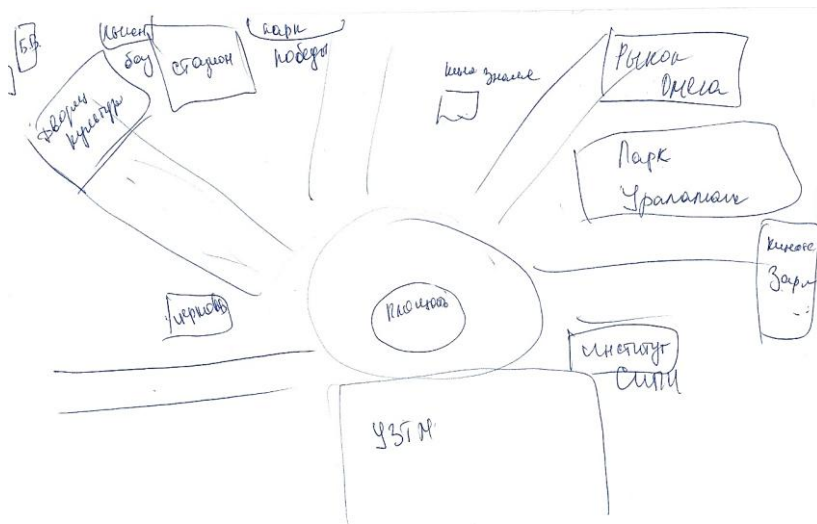

Рис. 5. Ж., 43 года, сварщица, родилась на Уралмаше, стаж работы на заводе двадцать лет, 22.05.2017

Информантка начинает свой рисунок с площади и завода — двух элементов, которые в ее восприятии составляют смыслообразующий центр и служат первоначалом района, далее прорисовывает улицы-лучи и обозначает значимые места, которые, как мы выясняем позже из включенного наблюдения, относятся к «советскому» прошлому. Например, «Парк нашего детства» — современное название Летнего парка — на данный момент пребывает в запущенном состоянии, хотя по-прежнему выполняет в некотором смысле функцию публичного пространства. Приведем в качестве подтверждения данного тезиса запись из полевого дневника, которая дополняет интерпретацию ментальной карты: «В конце Авангардная улица переходит в „Парк нашего детства“, который и является индустриальным парком, принадлежащим заводу. Именно про него рассказывают наши информанты старшего возраста в своих интервью. Говорят, что раньше в парке работало колесо обозрения, а сейчас он находится в некотором запустении. Тем не менее, на мой взгляд, пространство парка вполне можно назвать публичным. Во время нашего

посещения около двух часов дня в нем прогуливались мамочки с детьми, школьники... занимались физкультурой...» (*полевой дневник автора, запись от 25.05.2017*). Информантка добавляет в ментальную карту свои детские воспоминания, поясняя, что она ходила в этот парк кататься на каруселях, и в то же время в процессе составления карты отмечает изменения, произошедшие с советских времен с парком. Так, мы обнаруживаем на карте (используя терминологию А. Ассман [11, с. 236–237]) «памятное место» — парк, с которым связаны воспоминания нашей собеседницы. Другие отсылки к советскому прошлому заключены в названиях элементов карты (например, «Дворец культуры», который сегодня называется Культурный центр «Орджоникидзевский»).

Другой пример, наглядно демонстрирующий контекстуальное наполнение ментальной карты, относится к изображению, сделанному 29-летним слесарем механосборочных работ, который переехал на Уралмаш из деревни, потому что нашел работу на Уралмашзаводе, кроме того, в этом же районе проживала девушка, которая позже стала его супругой. Интервью проходило на улице — во дворе перед образовательным учреждением, предоставляющим возможности для творческого развития детей. Рядом с нами во время беседы и составления карты дети играли на детской площадке, а информант в процессе общения ожидал своего четырехлетнего сына, который посещает детские кружки в этом учреждении. В результате мы получили следующую ментальную карту.

В центре — бульвар Культуры, рядом с которым проживает информант и где расположен детский сад, куда он каждое утро отводит своего сына, после чего идет на работу. На карту без нашей просьбы информант нанес свой дом и дом тещи, последний они регулярно посещают с женой и ребенком, а также парк, в котором семья гуляет по вечерам. Наконец, неотъемлемым элементом ментальной карты заводского рабочего выступает завод, который придает устойчивость и завершенность образу индустриального района.

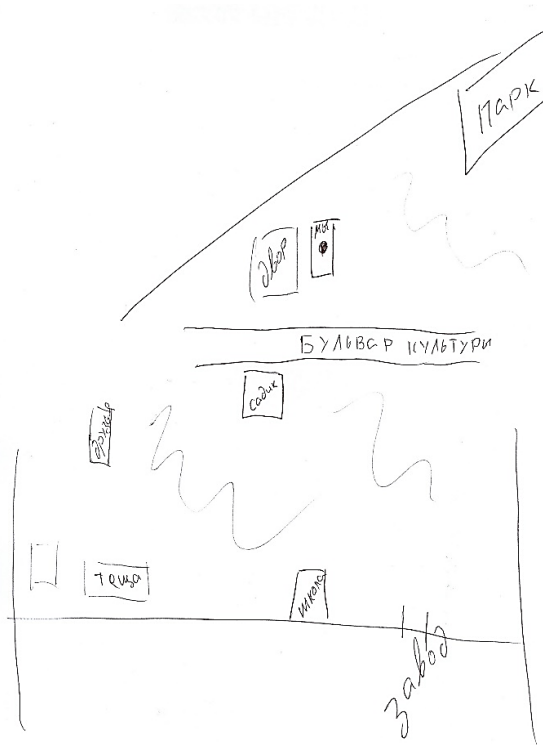

Рис. 6, 7. М., 29 лет, слесарь механосборочных работ, родился в деревне, стаж работы на заводе пять лет, 26.05.2017

Заключение

Подводя итоги, отметим, что применение ментальных карт в исследовании повседневной жизни и социальных взаимодействий резидентов индустриального района позволяет получить спонтанные ассоциации и представления о районе без навязывания предзаданных ответов. Ментальные карты как разновидность проективных методик и рисуночных техник открывают исследователю путь к изучению ментальных схем и социализированного воображения жителей индустриальных районов. Вышеприведенный анализ с применением нескольких стратегий показывает, что смысловой стержень, определяющий структуру воображаемого коренных жителей района Уралмаш, проходит сквозь категории «завод» — «площадь» — «башня» — «стадион» — «дворец культуры» — «летний парк». Эта семантическая ось обращена к прошлому и заполнена советскими смысловыми наслоениями. Ментальные карты коренных уралмашевцев отражают не только повседневность текущего момента, но и фиксируют опыт советской повседневности, которая сформировала их ментальные схемы и хранится не только в памяти заводчан старших возрастов, но и сосредоточена в памятных местах, отображенных на их картах.

С методической точки зрения, в ходе анализа ментальных карт возможно использование взаимодополняющих другу друга стратегий: ранжирования элементов образа района на карте, построения классификации карт и комбинирования визуальных и текстуальных интерпретаций процесса составления и комментирования карты информантов в контексте ситуации. Наряду с этим следует отметить, что вместе с достоинствами ментальные карты обладают и рядом ограничений, которые связаны в первую очередь с зыбкостью анализа и построения на его основе обобщений более высокого уровня. Однако если ментальные карты дополняются другими методами качественного исследования, например интервью, наблюдением, биографической прогулкой, то ограничение по поверхностности анализа снимается за счет интерпретации дополнительных эмпирических данных, получаемых вышеперечисленными методами. Таким образом, качественное полевое исследование, сочетающее в дизайне раз-

ные методы как на уровне сбора, так и на уровне анализа данных, за счет процедуры триангуляции повышает надежность получаемых результатов и с помощью насыщения увеличивает глубину выводов. Наряду с этим комплексный анализ эмпирического материала расширяет возможности для более полной интерпретации, что в случае ментальных карт позволило нам выйти на уровень реконструкции ментальных схем коренных жителей района Уралмаш.

Литература

1. Бикбов А. Т. Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции) // Логос. 2007. № 5. С. 162–208.

2. Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012. 232 с.

3. Ваньке А. В. Действие воображаемого в конструировании действительности: российское общество в рисунках гражданских и политических активистов, журналистов и политиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 168–187.

4. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Издательство «Алетейя». С. 49–63.

5. Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. №3. С. 39–56.

6. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №3. С. 101–111.

7. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

8. Parsons S., Elliot J. Social Participation and Identity, 2007–2010: Investigation of a Sub-Sample of the 1958 National Child De-

velopment Study (second edition), 2010 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.esds.ac.uk/doc/6691/mrdoc/pdf/6691uguide.pdf> (дата обращения: 18.06.2017).

9. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTA BENE, 1999. 224 с.

10. Стрельникова А. В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2. С. 210–217.

11. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Анна Стрельникова и Александрина Ваньке

А. В. Стрельникова,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГУЛКИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ¹

В данной статье рассматривается опыт использования авторского метода «биографическая прогулка» в индустриальных районах (район Южное Тушино в Москве и район Уралмаш в Екатеринбурге). Представлен краткий обзор родственных мобильных методов, даются практические рекомендации по использованию биографической прогулки и по способам интерпретации ее результатов. Обсуждается потенциал применения метода для дальнейшего анализа городских пространственных практик и территориальной идентичности.

Ключевые слова: биографическая прогулка, пространственные практики, рабочие районы, территориальная идентичность, мобильные методы, визуальные методы.

Введение

Индустриальный район является непростым и многогранным объектом для социологического изучения, представляя собой конгломерат подпространств для работы, жизни и досуга в непосредственной близости от промышленных объектов (заводов), что может влиять на «горизонт жизненных возможностей и способов их реализации» [1, с. 196] его обитателей. В данной статье мы попытаемся описать потенциал одного из гибридных методов сбора данных — биографической прогулки, — для изучения территориальной идентичности жителей индустриальных районов. В основу анализа легли несколько биографических прогулок, проведенных автором в районах Южное Тушино (индустриальный район вблизи Тушинского машиностроительного

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ — грант № 17-33-01006 «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности».

завода, г. Москва) и Уралмаш (индустриальный район вблизи одноименного завода, г. Екатеринбург).

Биографическая прогулка как разновидность мобильных методов

«Мобильный поворот» [2], обозначивший новые акценты в социальных науках, повлиял также и на пересмотр имеющегося методического арсенала. Попытки ответить на вопросы о том, можно ли с помощью традиционных методов сбора данных уловить феномены и практики, которые порождаются в движении, привели к появлению различных гибридных стратегий сбора данных, учитывающих разные регистры взаимодействия исследователя и носителя информации, в том числе их статику и динамику [3]. Одной из таких стратегий является биографическая прогулка, которую я использую в течение десяти лет, — метод, в котором сбор данных происходит поэтапно, начинаясь с традиционного интервью и продолжаясь в формате интервью во время прогулки и наблюдения [4; 5].

По своему замыслу биографическая прогулка позволяет провести реконструкцию жизненного пути в целом или отдельных событий благодаря биографическому импульсу, который дает перемещение по значимым для респондента местам, среди оставленных в пространстве и времени «отпечатков следов» [6]. Иными словами, перемещения в пространстве позволяют «проживать» жизненный опыт, связанный с этими перемещениями, что открывает возможность получить более глубокие, содержательные и наглядные описания образа жизни. Отметим, что методы, в которых учитывается идея перемещения исследователя и его объекта изучения, в настоящее время принято называть «мобильными методами» [7], и среди них можно определить несколько подгрупп: интервью в движении, исследование как фильм, картографирование мобильности (см. рис. 1, схематически передающий идею совмещения исследования и движения, а также исследовательских этапов при проведении биографической прогулки).

Следует отметить, что первая работа по описанию go along интервью (интервью с сопровождением респондента куда-либо)

появилась в 2003 году и ассоциируется с именем этнографа Маргарет Кузенбах [8]. Однако, судя по последующим публикациям и цитируемости [9], обсуждение данного метода (особенно среди российских исследователей) до недавнего времени практически не производилось, а полноценного методического описания так и не было представлено. Несмотря на то, что с текстами по go along мне довелось познакомиться спустя несколько лет после активной работы с биографическими прогулками, обнаружилось, что схожим идеям перемещений исследователя вместе с респондентом присущи, тем не менее, разные содержательные особенности, что позволяет считать биографическую прогулку самостоятельным авторским методом.

Биографическая прогулка в индустриальном районе

В ходе проведения биографических прогулок в Южном Тушино и на Уралмаше на первом этапе с каждым информантом было организовано биографическое интервью средней продолжительности около 2,5 часов. Одной из финальных тем этого интервью стали пространственные практики и уточнение сюжетов жизни, связанных с изучаемым районом. В случае с Уралмашем, помимо вопросов о пространственных практиках, также использовалась проективная методика — рисунок «ментальная карта района». После этого информантам было предложено показать один из своих привычных маршрутов по району либо один из маршрутов, который связан с событиями прошлого и мог уже давно не посещаться. На втором этапе (он мог быть организован сразу после интервью либо в другой день в специально оговоренное время) исследователь вместе с информантом отправлялись на прогулку по выбранному маршруту. В ходе маршрута проводилось второе интервью, и затем анализировалось как содержание интервью, так и время, потраченное на маршрут, количество и характеристики объектов, о которых рассказывал информант, изменения скорости, остановки, обоснование исходного маршрута, все изменения маршрута, которые происходили в течение прогулки, а также то, как точки маршрута связаны с биографическими событиями, описываемыми информантом.

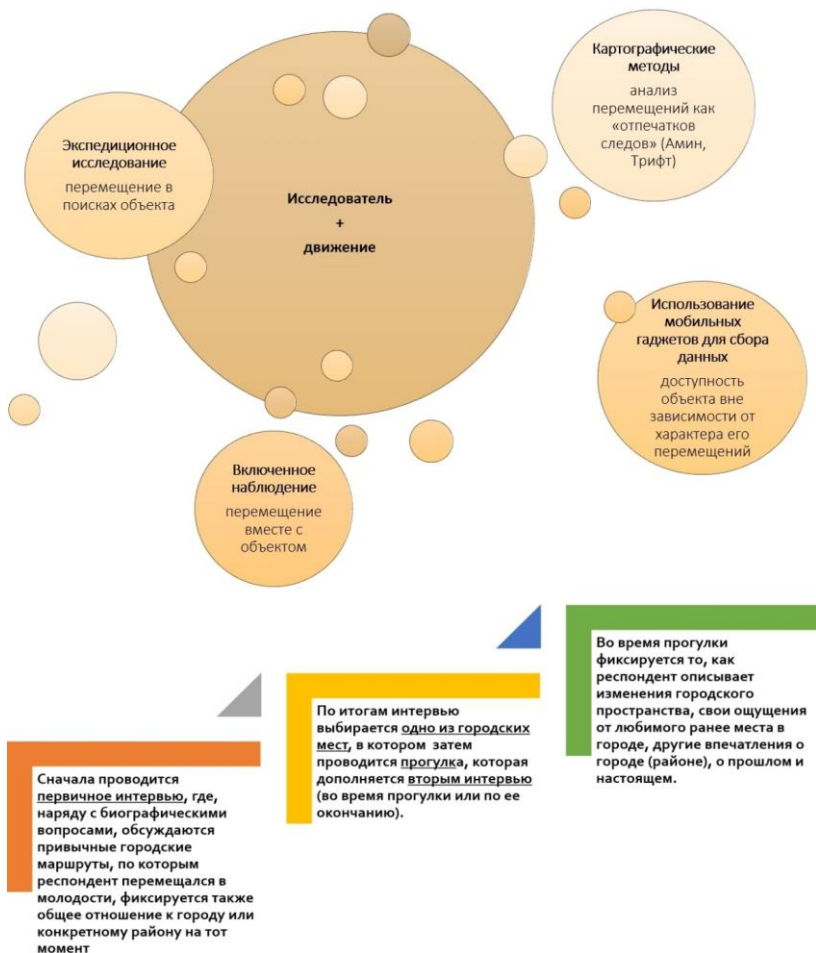

Рис. 1. Исследователь, движение, биографическая прогулка

Примерный перечень вопросов, задаваемых во время биографической прогулки: *Почему Вы начали прогулку именно с этого места? Имеет ли это место какое-то особое название у Вас или среди местных жителей? Что является символом этого района, что отражает его характер? Какие чувства Вы испытываете сейчас, когда речь заходит о месте Вашего прожи-*

вания? Есть ли в Вашем районе такие места, где Вы никогда не были? Где они находятся? Есть ли здесь какой-то уголок, про который Вы бы могли сказать, что это Ваше любимое место? С кем Вы познакомились, живя здесь? В чем Вам это помогло?

В целом в ходе прогулки важно не только и не столько задавать вопросы, но обращать внимание на нарратив — самостоятельный рассказ информанта о тех местах, мимо которых выстраивается прогулочный маршрут, поскольку именно движение позволяет проявить смыслы, недоступные обычному интервью, так как ряд сюжетов всплывает в памяти «по ходу» маршрута. Отметим, что к подобному методическому выводу пришли также Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова и М. Н. Вандышев [10].

Использование биографических прогулок подразумевает техническое оснащение исследователей для фото-, аудио- и видеозаписи. В частности, мной и коллегами проводилось фотографирование в ходе прогулки, записывалось видео с помощью камеры go-рго и смартфона, маршруты фиксировались автоматически в современных геолокационных приложениях (Google maps), а сами интервью записывались на диктофон. На использование гаджетов в исследовательских целях в самом начале получалось согласие информанта.

Территориальная идентичность: освоение пространства и отношение к пространству

Понятие территориальной идентичности связано с вопросами о восприятии пространства в различных жизненных ситуациях, о встраивании района в различные сюжеты личных биографий, а также о ментальных и телесных схемах его обитателей. Это не только официальные планы застройки, но также тот образ городского пространства в целом и отдельных его частей, который складывается в повседневном опыте проживания на данной территории.

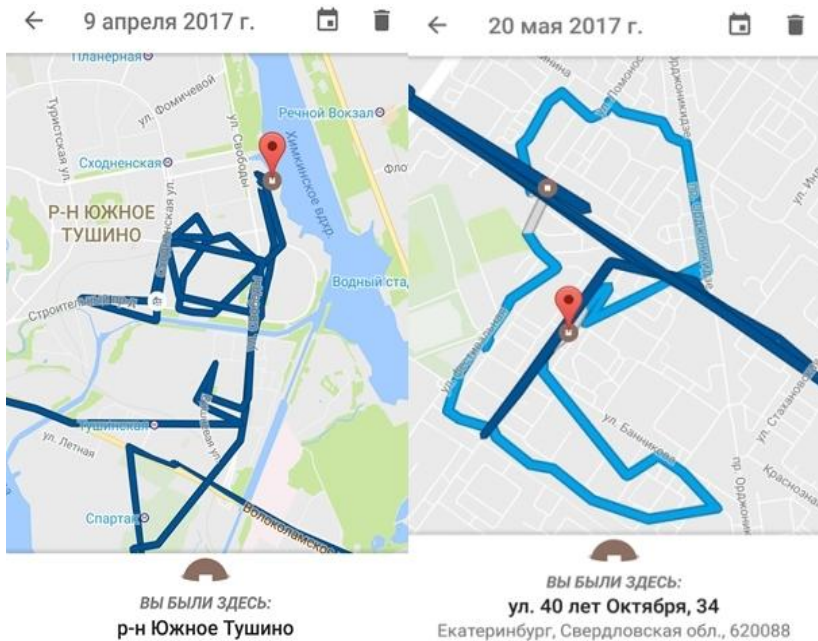

Рис. 2. Пример фиксации пройденного маршрута в Google maps

Проведенные нами биографические прогулки показали, что жители индустриальных районов хорошо интегрированы в городскую среду района — об этом можно судить по многообразию маршрутов перемещения по району и появлению символически значимых мест, неизвестных посторонним людям. При этом преобладающие формы социальной активности формируют самоидентификацию с определенными сегментами территории района: для молодых родителей наиболее важными становятся аспекты безопасности дворов и улиц для детей, для малообеспеченных жителей — ценовая доступность различных точек торговли «на районе», и др. Любопытным и важным аспектом при проведении прогулок стало то, что «реальные» маршруты строились, как правило, не по геометрическим схемам улиц и тротуаров, а по вытоптаным дорожкам среди дворов, что отражает «индивидуализацию» в использовании пространства. В

целом карта освоения района и формирование территориальной идентичности прорисовывается от дома и мест детских прогулок к местам учебы, романтических встреч, работы, потребления, досуга и т. д. К этому перечню, характерному для любой обжитой территории, в индустриальном районе добавляется завод и заводская инфраструктура как территориальные доминанты, которые, в случае с Уралмашем, также выполняют роль «резервуаров» ностальгии для старшего поколения жителей района.

В ходе проведения биографических прогулок возникает ряд методических вопросов, среди которых *Что может зафиксировать наблюдатель (без информанта)?* и *Что дает сама биографическая прогулка (вместе с информантом)?* В случае с индустриальными районами исследователь может описать свое первичное восприятие границ района и наиболее заметных территориальных объектов, однако только прогулка вместе с информантом позволяет понять, где именно у обитателей района располагаются субъективные (но от этого не менее реальные) ориентиры и границы, как именно и почему пространство района используется его резидентами, что в целом и является проявлением территориальной идентичности. Таким образом, прогулка дает соотнесение сконструированного смыслового пространства из первичного интервью с текущим пространством района, где точки маршрута выступают ориентирами прошлого и настоящего. При этом запланированный маршрут может расширяться по ходу движения, и вместе с ним расширяется горизонт биографических сюжетов, доступных исследователю.

Анализ прогулок представляет собой насыщенное визуальное описание «пространственных карт памяти», то есть сопоставление биографических сюжетов с маршрутами, местами, объектами. Можно предположить, что по насыщенности карт можно сравнивать характер территориальной идентичности у разных групп обитателей района.

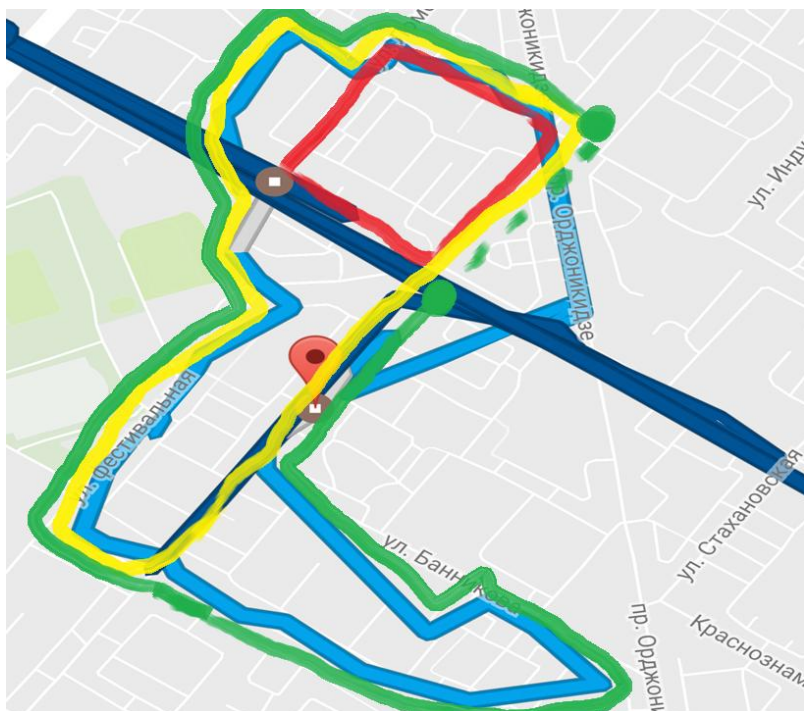

Рис. 3. Пример поэтапного переопределения границ маршрута в ходе биографической прогулки

Заключение

В ходе биографической прогулки вычерчивается траектория географических перемещений, позволяющая в дальнейшем дополнить анализ различных аспектов жизни информанта. Описывая пространственные перемещения, информанты раскрывают свою логику принятия решений в тех или иных жизненных ситуациях, дают описания стартовых и текущих статусных позиций (как личных, так и своего ближайшего окружения).

Ключевыми индикаторами, значимыми для любой биографической прогулки, являются [ре]конструирование биографии семьи в географических координатах, смена темпа во время прогулки, акценты в рассказе, упоминание знаковых мест, лег-

кость в ориентировании по району, способы ориентирования. Для биографических прогулок, проводимых в индустриальном районе, к этим индикаторам добавляется роль завода и связанных с ним названий и инфраструктурных объектов как ориентиров по району. Эти параметры в совокупности позволяют в дальнейшем анализировать специфику территориальной идентичности обитателей индустриальных районов.

Прогулка воспроизводит структуру перемещений информанта, помогает понять, насколько освоен район, и сгруппировать упоминаемые в ходе прогулки места по контексту, частоте упоминаний и другим параметрам. Также прогулка помогает посмотреть на пространство через визуальный и телесный опыт его простых обитателей, что особенно важно для активистов, планирующих мероприятия для изучаемого района.

Литература

1. Ечевская О. Г. Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 195–210.

2. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

3. Büscher M., Urry J., Witchger K. *Mobile Methods*. London: Routledge, 2011.

4. Стрельникова А. В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология — современной России: Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А. О. Крыштановского. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 665–672.

5. Глазков К. П., Стрельникова А. В. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 79–91.

6. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–233.

7. Бредникова О. Е., Запорожец О. Н. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) //

Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2016. Т. 8. № 2. С. 103–119.

8. Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool // *Ethnography*. 2003 № 4 (3). P. 455–485.

9. Carpiano R. M. Come take a walk with me: The “Go-Along” interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being // *Health & Place*. 2009. Vol. 15, Issue 1. P. 263–272.

10. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016.

К. С. Билас, Н. Д. Казакова, Т. С. Кузьева, О. А. Стаина,
Екатеринбургская академия современного искусства
г. Екатеринбург

ЕСТЬ ЛИ ТЕАТР НА УРАЛМАШЕ?

В статье рассматривается история любительского театрального искусства на Уралмаше, анализируется ситуация, сложившаяся в школьных театральных коллективах района после 1990-х годов. Студенты ЕАСИ подробно описывают творческие достижения ведущих коллективов.

Ключевые слова: Уралмаш, любительское театральное творчество, школьный театр, театральный коллектив.

Орджоникидзевский район является самым крупным из семи районов г. Екатеринбурга: по последним сведениям, в нем проживает примерно 21% жителей города. Если смотреть сквозь призму Распоряжения Правительства РФ от 3 июля 1996 года № 1063-р (с изменениями от 14 июля 2001 и 13 июля 2007 года), в котором определяются социальные нормативы и нормы, а также рекомендации органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления по исполнению данных норм, то на территории района должен быть театр — и как здание, и как профессиональная организация. Но при планировании «города будущего» в 30-е годы прошлого века строительство театра как отдельного здания предусмотрено не было. На Уралмаше из объектов культуры строились только дворцы (дома) культуры.

Однако для жителей Уралмаша театральное искусство оставалось доступно, и не только «географически», поскольку общественный транспорт всегда мог доставить жителей соцгорода, в центр Свердловска-Екатеринбурга, но и принимая во внимание участие самих жителей района и рабочих завода в театральных любительских коллективах.

Во Дворце культуры УЗТМ с первых лет основания работал любительский театр драмы. Любительский театральный коллектив, участниками которого становились рабочие и служащие завода, показывал свои спектакли на сцене ДК, ездил на гастро-

ли. Руководителем народного театра с конца 1970-х по 1990-е годы был талантливый режиссер Генрих Львович Риасс. В 2016 году в здании Центра культуры «Уралмаш» была открыта выставка, посвященная истории Народного театра драмы ДК УЗТМ.

Театр на Уралмаше начинается со школы. Именно в школьных театральных коллективах постигали жители рабочего района начала театрального искусства. История школьных театров начинается с театрального коллектива первой уралмашевской школы — школы № 22 (ул. Красных партизан, 4). В архивных документах, хранящихся в школьном музее, можно найти свидетельства, что в школе с 1932 года были организованы театральный и кукольный кружки. Школьный театр, который функционирует в образовательном учреждении по сей день, в 2001 году получил звание «Народного театра» — и это единственный в России школьный театр, получивший такое звание. Из стен школьного театра вышло много любителей театра, многие из которых связали свою жизнь с профессиональным театром. Среди них Надежда Павловна Кожушаная (в девичестве Ямшанова) советский и российский кинодраматург, писатель, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, автор сценариев к фильмам «Зеркало для героя», «Прорва» и т. д.; Оксана Черкасова — режиссер из знаменитой новой режиссерской волны, появившейся на Свердловской киностудии в 1980-х годах; Дмитрий Ульянов — солист Московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Подтверждается факт существования школьных театров в микрорайоне «Уралмаш» в 30–40-е годы прошлого века и экспонатами музея школы № 80 (ул. Калинина, 26а). Именно в этой школе (до 1940-х годов — «мужской школе») начинал свой путь известный театральный деятель Владимир Филиппович Балашов. Широкой публике он известен как автор ряда поэтических пьес, посвященных творчеству великих людей (Рафаэлю, Вахтангу Горгасалу, Паганини) и как автор трилогии об Александре Пушкине «Когда в садах Лицея...». Особую, важную роль в его жизни сыграл екатеринбургский Театр юного зрителя, где Владимир Балашов долгое время служил актером.

Исходя из требований и условий, в которых работали образовательные учреждения советского периода, можно с уверенностью утверждать, что практически в каждой уралмашеской школе был свой театральный кружок или школьный театр [1].

Наибольшее развитие школьные театры района обрели в конце 1980-х и начале 1990-х годов. В этот период на территории Орджоникидзевского района был организован Гуманитарный центр «Театр». Автором проекта был Г. Л. Риасс, который смог воплотить идею театрального воспитания и образования путем создания комплекса «детский сад — школа — театр». Силами сотрудников Центра была организована первая Всероссийская конференция по театральной педагогике «Театр, дети, образование» [2]; сегодня ГЦ «Театр» преобразован в образовательное учреждение Гимназия № 205 «Театр».

В 1990-е годы в Орджоникидзевском районе было организовано методическое объединение театральных педагогов, целью которого было внедрение в школу активных, театральных форм обучения и воспитания. Также силами педагогов были организованы конкурсы детских театральных коллективов. В рамках фестиваля «Уральские родники» проходил конкурс, собирающий около двадцати театральных коллективов ежегодно. Например, в 2005 году в конкурсе детских театральных коллективов приняло участие восемнадцать коллективов — заявки на участие подали средние образовательные школы № 95, № 98, № 68, № 100, № 178, № 80, № 66, № 107, № 115, № 113, № 22, № 167, Центр образования № 224, Гимназия № 205 («Театр»), ДЮЦ «Контакт», Музыкальная школа № 15, ДЮК «Сокол». Конкурс проходил в два тура — во второй тур прошли спектакли, наиболее соответствующие уровню и требованиям, предъявляемым к спектаклям детских театральных коллективов с точки зрения как педагогических, так и нравственных и эстетических критериев.

В конкурсной программе 2006 года приняли участие следующие коллективы:

- театральный коллектив «Солнышко» МОУ СОШ № 167 (руководитель — Калашник О. А.), поставивший «Теремок» С. Маршака;

- театральный коллектив учебного комбината № 224. (Павлова Т. А.) — «Шибейя» (спектакль по творчеству Д.Хармса);
- детская музыкальная школа № 15 (Пашкова А.С.) — музыкальный спектакль «Козленок Ру-ду-ду»;
- театральный коллектив «Зеркало» ДЮОЦ «Контакт» (Васильева М. В.) — Г. Полонский «Людвиг Четырнадцатый, или Никто не поверит»;
- театральный коллектив «Веснушка» МОУ СОШ № 107 (Алешина С. А.) — «Красная шапочка»;
- театральный коллектив «Фортуна» МОУ СОШ № 80 (Теплова И. А.) — Э. Мошковская «Вежливое слово» (сказка-стишок);
- театральная группа МОУ СОШ № 113 (младший состав) (Фокина Л. И.) — «На горизонтских островах» (по стихам Б. Заходера);
- театральный коллектив «Трудное детство» МОУ СОШ № 113 (Воробьева И. Б.) — И. Хабарова «И это все мы...»;
- школа-театр «Игра» МОУ СОШ № 22 (Стаина О. А.) — «Веселый Роджер» (пиратский боевик).

Достаточно частое явление — существование в школе двух или более театральных коллективов. Администрация школ, руководители районного отдела образования активно поддерживали и способствовали развитию детского театрального творчества на Уралмаше.

Благодаря поддержке администрации района в 2006 и 2007 годах были организованы творческие «театральные» смены в оздоровительных лагерях.

В 2007 году на Уралмаше был открыт Камерный молодежный театр «Игра» (ул. Машиностроителей, 63), в связи с чем отметим огромную заинтересованность в этом начинании, проявленную руководителями администрации Орджоникидзевского района и в первую очередь Л. И. Силантьевой, заместителем главы администрации по социальным вопросам.

В этот период в театральной жизни района происходит много интересных событий. Камерный молодежный театр совмест-

но с библиотекой им. Горького организывает фестиваль «Театральное путешествие» для школьников Орджоникидзевского района, приглашает на гастроли любительские театральные коллективы из разных городов Свердловской области, проводит фестиваль самостоятельных работ для участников творческого коллектива «Форма»; в театре выпускается газета. Но главной деятельностью театрального коллектива остаются репетиции и постановка спектаклей, которые снискали зрительский успех.

К сожалению, жизнь и развитие творческого коллектива Камерного молодежного театра «Игра» не вписывалось в рамки учреждения дополнительного образования. Конфликтная ситуация с руководителем администрации клубов по месту жительства привела к тому, что в 2012 году театру пришлось покинуть помещение. В настоящее время театр, художественным руководителем которого является Татьяна Павлова, располагается в помещении ЦК «Эльмаш».

Каждый школьный театральный коллектив имеет свою историю и своих выпускников, связавших жизнь с театральным искусством. Например, несколько выпускников школьного театра «Трудное детство» (МАУ СОШ № 113 г. Екатеринбург) связали свою судьбу с профессиональным театром, успешно работают в театрах г. Екатеринбурга.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в период с 2013 по 2017 годы, приходится сделать вывод, что школьных театров, театров, работающих с детьми в учреждениях образования и культуры, становится все меньше. Это связано в первую очередь с теми реформами, которые проходят в школах, в переходе на новый образовательный стандарт.

С сожалением приходится отмечать тот факт, что в 2016 году прекратил свое существование один из интереснейших любительских коллективов на Уралмаше — образцовый театральный коллектив «Зеркало». Руководитель театра М. В. Васильева устала от ситуации, которая сложилась в системе дополнительного образования, от обилия отчетов и требований к «сохранению контингента». Из этого коллектива вышли замечательные ведущие и авторы Евгений Захаров и Александр Пуртов, которые на сегодняшний день являются одними из самых востребованных

на рынке «арт-индустрии» города Екатеринбурга. Многие выпускники театра сегодня учатся в московских театральных вузах.

В апреле 2017 года в конкурсе театральных коллективов в рамках фестиваля «Уральские родники» приняли участие только четыре театральных коллектива.

Однако есть и положительные примеры развития детского театрального творчества на территории Орджоникидзевского района. В детской школе искусств № 15 организовано театральное отделение, художественным руководителем этого детского музыкального театра «Дебют» является Т. Г. Костырева. Театральный коллектив в 2017 году отметил свое десятилетие, и за эти годы учащиеся школы искусств неоднократно становились победителями и лауреатами фестивалей и конкурсов различных уровней.

Студенты Екатеринбургской академии современного искусства сделали обзор ведущих театральных коллективов.

Татьяна Кузьева

Театральная студия «MaSkA» существует с 2010 года на базе Центра культуры «Эльмаш». Художественный руководитель студии Инна Андык — по образованию актриса театра и педагог актерского мастерства.

«Приехав в 2010 году в Екатеринбург, я поработала педагогом в разных студиях и загорелась своим детским театром. Мне захотелось раскрывать детей на сцене больше и чаще. И тогда я подумала, что могу открыть хотя бы одну группу на Эльмаше и дать ребятам возможность в течение полугода научиться покорять сцену. Идея быстро воплотилась в жизнь и в 2010 году, в декабре, состоялось первое занятие театральной студии „MaSkA“ в составе десяти человек. Уже в мае мы сыграли премьеру спектакля „Принцесса без горошины“, который стал в дальнейшем визитной карточкой студии. А уже в 2011 году к нам пришло еще пятнадцать человек, и так студия стала расти и развиваться», — поделилась своими воспоминаниями руководитель студии Инна Андык.

Данная театральная студия в Орджоникидзевском районе является уникальной, ведь только здесь дети в возрасте от четы-

рех лет начинают делать свои первые шаги на сцене. Никакого кастинга не проводится, это принципиальная позиция Инны Андык: «Мы принимаем с радостью всех деток: неуверенных в себе, закрепощенных, с логопедическими проблемами, мегаактивных и наоборот, стремящихся уже на сцену и безумно боящихся зрителя. В этом и изюминка студии. Раскрывать в детях то, что в них спряталось, и наблюдать с каждым выпуском спектакля за их ростом — как личности и как маленького актера. Только практика работы с детьми в возрасте четырех лет может научить педагога стать для них и другом, и мамой, и довести до цели, и получить результат. Выйти на сцену и чувствовать себя свободно, уверенно».

Два раза в год ребята представляют свою постановку зрителям. Детский театр, где все по-взрослому. Яркие красочные костюмы, сцена, звук, свет, и зрители в зале пришли сюда по билетам. В группах занимается от восьми до десяти человек, что позволяет педагогу уделять достаточное внимание каждому маленькому актеру. В программу занятий входит комплексное обучение актерскому мастерству, сценической речи и сценическому движению. Репертуар подбирается по возрасту групп, но обычно самые-самые маленькие актеры после полугодовых занятий представляют на суд зрителей спектакль «Репка». Это не абсолютная копия сказки, а свой взгляд на привычную историю, так что в спектакле на сцене уже появляются и Пугало, и Петушок, и даже Сорнячок. Занятия в студии помогают ребенку быстрее развиваться. В четыре года он уже ответственен за реквизит, с которым выступает, знает, как правильно донести до зрителей свою реплику, становится более общительным из-за постоянного взаимодействия в группе.

В 2017 году в студии открылось новое отделение (для подростков от пятнадцати лет), с которым начал работу новый профессиональный педагог из ТЮЗа.

Кристина Билас

Школьный театр «Образ +» базируется в Центре образования № 224. Специфика театра обусловлена спецификой учебного учреждения, где обучаются дети с пятнадцати лет, зачастую

запущенные в плане образования и воспитания. Многие приходят сюда заканчивать свое образование после длительного перерыва. В Центре образования они обучаются в среднем два-три года.

У каждого своя история пребывания в «Образ +». Кто-то попадает сюда сразу и надолго, а кто-то, попробовав себя в роли актера, принимает решение, что это не для него и покидает стены театра. Поэтому труппа театра ежегодно обновляется приблизительно наполовину. Многие спектакли живут только один сезон, до выпуска занятых в них актеров. Некоторые восстанавливаются с другими составами. В среднем в год ставится два спектакля.

Но история театра началась не со спектаклей, «гостиных» или, к примеру, концерта актерской песни. «Образ +» начинал с «агиток» и команды КВН, ставшей чемпионом «Школьной лиги» в 2004 году.

Премьера первого спектакля состоялась в апреле 2005 года, это было представление-хэппенинг по произведениям Даниила Хармса «Шибейя». Несмотря на то, что спектакль был достаточно «молодым» и дебютным, он сходу стал лауреатом районного фестиваля «Уральские родники».

И в дальнейшем театр ежегодно становился лауреатом названного фестиваля со спектаклями «Серебро», «Балаганчик», «Шишиги».

В 2007 году спектакль «Балаганчик» по мотивам произведения Александра Блока стал лауреатом VIII городского фестиваля «Дверь на сцену».

В 2008 году спектакль «Шишиги» по пьесе Анны Батуриной «Деревенская сказка» на Первом открытом фестивале детско-юношеских любительских театров «Театральный Перекресток'08» в г. Екатеринбурге получил диплом III степени.

В 2009 году спектакль «Телефункен» удостоен диплома I степени на фестивале «Уральские родники» и диплома лауреата XI городского фестиваля «Дверь на сцену». Спектакль «Трамплин» получил диплом I степени на фестивале «Уральские родники».

А в 2010 году спектакль «Шибейя» был восстановлен и получил диплом I степени на фестивале «Уральские родники».

Любимый спектакль — именно так отзываются о нем актеры — «Полустаночки». Впервые он был показан на «Уральских родниках» в честь 65-летия Победы, где получил дипломы за лучшую режиссуру и лучший актерский ансамбль.

Создатель, руководитель и главный режиссер театра «Образ +» — Т. А. Павлова. Татьяна Александровна не просто занимает руководящую должность — для ребят она хороший друг, наставник, любимый педагог, человек, благодаря которому хочется возвращаться в театр и творить, создавать что-то новое и потрясающее. В 2017 году «Образ +» порадовал зрителя свежим спектаклем «Макаки, пицца и деструкция».

Надежда Казакова

Основной состав Камерного молодежного театра «Игра» представлен актерами — выпускниками школьного театра и вновь пришедшими в коллектив неравнодушными к театральному творчеству.

С 2011 по 2017 год Камерный молодежный театр «Игра» поставил более пятнадцати спектаклей. Среди них лауреаты и победители различных фестивалей театрального искусства. Например, в 2016 году получены следующие награды:

- Открытый фестиваль молодежных театров «Зеркало» (Красноярск) — гран-при за режиссуру (спектакль «До одури люблю»), диплом за лучшую женскую роль;

- II Димитровградский открытый фестиваль любительских театральных коллективов «Открытый занавес» (г. Димитровград Ульяновской области) — диплом за лучшую мужскую роль первого плана, диплом I степени;

- Театральная лаборатория в рамках Фестиваля молодежных движений «Голос улиц» — диплом «Надежда» (спектакль «Эля, я люблю тебя»);

- Фестиваль детского художественного творчества «Уральские родники» — диплом I степени (спектакль «Постойко»);

- VI Областной фестиваль взрослых любительских театров «У Демидовских ворот» — диплом в номинации «Надежда» (спектакль «Кое-что о том самом и не только»);

- X Всероссийский фестиваль-семинар детских и молодежных театральных коллективов «Карусель 2016» — гран-при (спектакль «Кое-что о том самом и не только»).

В 2017 году у театра «Игра» тоже насыщенный график. Спектакль «Постойко» был показан в рамках фестиваля «Маленький большой театр» в Екатеринбурге и получил дипломы за лучшую мужскую роль первого плана, за лучшую режиссуру и диплом I степени. С этим же спектаклем театр принял участие в VI Областном фестивале детских и подростковых театров «Оранжевый подсолнух», который прошел в городе Алапаевск, где также получил диплом I степени. В апреле 2017 года театральный коллектив получил золотые медали в номинации «Театральное искусство» на Дельфийских играх.

О деятельности Камерного молодежного театра «Игра» постоянно упоминается в средствах массовой информации г. Екатеринбурга и Свердловской области. У коллектива огромные творческие планы по созданию новых спектаклей, арт-проектов, которые украсят и разнообразят культурную жизнь не только Орджоникидзевского района, но и города и области.

Есть ли театр на Уралмаше? Конечно, есть. Сотни детей и молодежи когда-либо занимались театральным творчеством или занимаются им сейчас. В Орджоникидзевском районе сформирована своеобразная театральная «тусовка». Руководители театральных коллективов поддерживают творческие связи, осуществляют совместные постановки, актеры любительских театральных коллективов знают друг друга и могут быть приглашены в дружеский коллектив для участия в спектакле. История театрального движения на Уралмаше требует своего дальнейшего изучения и осмысления.

Нужно ли строить на Уралмаше театр? Конечно, нужно. Театров много не бывает.

Литература

1. Стаина О. А. Становление и развитие форм и методов театральной работы с детьми в народном образовании России // Педагогическое образование в России: Уральский государственный педагогический университет. 2011. № 4. С. 106–115.

2. Муниципальное учреждение образования и культуры Гуманитарный центр «Театр». Проект инновационной начальной школы // Управление школой. 1999. № 2.

Надежда Казакова и Татьяна Кузьева

Ольга Стайна

Т. Ю. Быстрова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

ПРОЕКТЫ СТУДЕНТОВ ЕАСИ ПО РАЗВИТИЮ ТЕРРИТОРИИ УРАЛМАША¹

В статье анализируются работы студентов ЕАСИ по развитию территории района Уралмаш в Екатеринбурге, выполненные в рамках курса «Позиционирование территории и культурные практики» (весна 2017 года). Показаны возможности проектного подхода в образовательной деятельности по подготовке специалистов в сфере культуры. Раскрыты базовые принципы и ограничивающие условия проектов по позиционированию территории.

Ключевые слова. Проектный подход, городской проект, студенческий проект, позиционирование территории, культурная практика, ценности территории, феноменология бренда, Уралмаш, ЕАСИ.

Актуальность обучения студентов ЕАСИ разработке городских партисипационных проектов [1], позволяющих не только укреплять городские сообщества, но и позиционировать через их активности определенные места Екатеринбурга или город в целом, не вызывает сомнений. Неоиндустриальные и постиндустриальные города остро нуждаются в таких проектах, тогда как классическая парадигма городского управления не уделяет должного внимания активностям жителей, отдавая приоритет «руководству свыше». Новое поколение специалистов, по нашему мнению, должно знать весь спектр инструментов, обеспечивающих развитие территории.

Курс «Позиционирование территории и культурные практики» читается в Екатеринбургской академии современного

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-22-07001 «Комплексный алгоритм культуральной регенерации малых индустриальных городов в контексте агломерационных процессов России и Европы».

искусства пять лет. Методологической основой курса являются работы Ч. Лэндри [2], К. Динни [3] и его коллег, Р. Флориды [4], Л. Холлиса [5], а также некоторые положения синергетики. Приведем их в максимально сжатом виде.

Идея многоуровневости и самоорганизации города как системы. Город (чаще других субъектов выступающий в рамках курса эквивалентом «территории») является открытой сложной многоуровневой системой, обладающей способностью к самоорганизации. Это означает возможность дополнения классической парадигмы управления городом подходом, делающим ставку на высокую активность отдельных горожан и городских сообществ. Люди „практикуют“ самые разные дела и активности — добровольно, заинтересованно, взаимодействуя с другими людьми. Находясь на микроуровне городской системы, они, тем не менее, могут действовать в направлении, требуемом на макро- и мегауровнях. К примеру, их активности могут совпадать с такими глобальными городскими интересами, как безопасность, экология или образование.

Стейкхолдеры городских проектов и брендинг территории. Креативность жителей — главный ресурс развития современных городов — может быть рассмотрена и как ресурс брендинга [2; 3]. Бренд места не конструируется произвольно и (часто) надуманно, его ценностным ядром становится сообщество, занимающееся какой-либо деятельностью (садоводство, арт-практики, танцы, бег и т. п.). Именно люди делают место характерным, приметным, отличным от других. Институционализация их активностей (фестиваль, праздник, соревнование и т. п.) может обеспечить решение задач по позиционированию любой, в том числе бывшей промышленной или ныне депрессивной, территории.

Поиск уникальности территории в сфере неинституционализированной культуры. Типовые действия по позиционированию невозможны, поскольку приводят к нивелированию характеристик территории. Спонтанные активности жителей уникальны и бесконечно многообразны, их использование в качестве основы нахождения идентичности места вполне целесообразно.

Противоположность практики и деятельности в рамках праксеологического подхода. Культурные практики, в отличие от деятельности в сфере культуры, не предполагают профессиональной подготовленности или обязательной нацеленности на результат. В них людям гораздо важнее общность ценностей и возможность взаимодействия. Расширение числа людей, занимающихся определенной практикой, способствует преодолению городского одиночества.

Ориентация на малобюджетные проекты, связанная с пониманием места и роли культурных событий, выходящих за пределы официального календаря.

Работа со студентами ведется поэтапно. На каждом занятии дается задание по одному из этапов [6], их постепенное выполнение способствует формированию всего корпуса данных по выполнению социокультурного проекта, связанного с поиском тех или иных культурных практик, которыми занимаются жители города или его части. Предполагается, что развитие этих практик может не только оказаться полезно для города или горожан, но и влиять на реальную привлекательность территории (проекты «Подсолнечная аллея», «Книгообмен на остановке», «Свой двор, своя игра»), как и на ее аттрактивность в глазах представителей тех или иных целевых аудиторий (туристы, студенты, спортсмены, инвесторы, будущие жители и т. п. — проекты «Уралмарш», «Сияние», «Бегущие в ночи»).

Из сказанного уже видно, что в весеннем семестре 2016/17 учебного года местом приложения творческих усилий студентов стал район Уралмаш г. Екатеринбурга. Выбор не был случайным, поскольку позволял новыми глазами посмотреть на, казалось бы, хорошо известное место. Предварительные доклады, в том числе по [7–9], позволили обнаружить целый ряд его характерных элементов — от незакрытых дворов (в противовес общей для Екатеринбурга последних лет практике «огораживания») до любителей бега в вечернее время суток и болельщиков футбольного клуба «Уралмаш». Ряд докладов, как обычно, был посвящен анализу практик позиционирования и развития территорий городов в России и в мире. Они обеспечивают необходи-

мую широту кругозора, возможность анализа схожих проектов, а также подтверждают формулируемую преподавателем общую концепцию курса.

На втором этапе работы студенты определились с темой. В названии темы необходимо было указать ту или иную культурную практику, а также технологии позиционирования (брендинг, формирование имиджа, поиск идентичности и т. п.), предполагающие ее включение в состав процесса или мероприятия, предназначенных для внутренних и внешних целевых аудиторий.

Некоторые студенты предпочли работать в команде. В этом случае совместный проект доходил до определенной точки анализа исходной ситуации, дальше требовалось представить различные сценарии. Таким, к примеру, стал проект «Свой двор, своя игра», посвященный развитию дворовой культуры, в котором каждая из участниц развивала одну из сторон общей идеи (игра как исходный концепт, а далее — игры, которым учат других людей представители разных поколений).

Формулировка темы оказалась сложной для студентов в силу того, что в сжатом виде она, по сути, представляет основную идею проекта, лишь частично корректируясь в дальнейшем результатами опроса или анализа схожих проектов. Однако еще сложнее было погружение в реальную жизнь района. Справиться с этой задачей помог опрос, который студенты составляли и проводили на одном из этапов проектирования. Большинство студентов проводили опрос в социальных сетях и при использовании сервиса Google, что обеспечило выход на наиболее активных жителей Уралмаша и внятное представление результатов. Наиболее важной задачей опроса является определение качественных параметров целевой аудитории проекта (образ жизни, вкусы, привычки, стереотипы и т. п.). На их основе далее разрабатывается нейминг и айдентика проекта, подбираются возможные фирменные цвета и шрифты, определяются персонажи и образы.

В ряде случаев проекты студентов ЕАСИ предлагались на графическую доработку магистрантам УрФУ (специальность «Графический дизайн»). Например, идея создания марафона

«Сияние» стала темой клаузуры магистрантов, что позволило выработать шесть вариантов логотипа проекта, один из которых был представлен в совместной заявке на выставку «Минута технославы». Подобное сотрудничество очень эффективно, поскольку студенты-графики, хотя и не имеющие опыта разработки городских проектов, легко входили в тему (в том числе благодаря представлению данных опроса целевой аудитории) и давали собственное креативное видение форм реализации проекта.

Рис. 1. Логотип проекта «Мир своими руками». Дизайн — А. Пьянков (УрФУ)

Следует сказать, что работы студентов-заочников ЕАСИ, хотя и не всегда доведенные до конца или имеющие задел в виде опроса, отличались большой реалистичностью, поскольку студенты отталкивались от своего жизненного и профессионального опыта. В частности, проект благоустройства территории художественной школы № 15 Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга «Мир своими руками» (О. Голубева) получил активную поддержку учителей, родителей и части местного сообщества, поскольку автор хорошо представляла особенности работы с этими аудиториями. Ее идеи в рамках производственной практики визуализированы студентами УрФУ из магистерской программы «Графический дизайн» А. Пьянковым, А. Епериной.

Из проектов, несколько отступающих от общей темы, но не становящихся от этого менее перспективными, отметим идею В. Кушнарченко о создании путеводителя по Уралмашу силами мигрантов, работающих на рынке «Омега», а также проект В. Федючек, связанный с поиском новых имен улиц и переулков Уралмаша жителями района.

Детали сценария были предметом защиты на последнем занятии курса, позже они прозвучали на конференции в ЕАСИ (2 июня 2017 года). Организационный недостаток связан с тем, что сразу после защиты студенты вышли на преддипломную практику. Этот порядок учебных мероприятий сводит на нет всякий интерес студентов к проекту. На сегодняшний день включение составляет марафон «Сияние» (автор М. Кожевина), которым заинтересовались жители микрорайона «Академический» в Екатеринбурге и который, возможно, войдет в календарь Дня города.

Рис. 2. Афиша одного из мероприятий проекта «Мир своими руками».
Дизайн — А. Еперина (УрФУ)

Заключение

Курс «Позиционирование территории и культурные практики» обладает несомненной актуальностью для студентов ЕАСИ, поскольку дает навыки разработки социокультурных партисипационных проектов, нацеленных на развитие территории. Ряд студенческих проектов получил признание и реализацию, в том числе в силу их партисипационного характера.

Особое внимание в дальнейшем необходимо уделить межвузовскому взаимодействию студентов разных профилей. Именно оно способно приблизить реализацию проекта, в том числе и на другой территории.

Литература

1. Александер К. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. М.: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2016. 1096 с.
2. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011. 399 с.
3. Динни К. Брендинг территории. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
4. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 368 с.
5. Холлис Л. Города вам на пользу: Гений мегаполиса. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
6. Быстрова Т. Ю. Формирование проектных и экспертных компетенций по экодизайну: кейс из курса «Специфика проектного мышления» (УрФУ, бакалавриат, 2016–17) // Международная конференция «Дизайн — драйвер устойчивого развития» в рамках дизайн-форума. Сочи: Союз дизайнеров России, 2017. С. 27–29.
7. Меерович М. Г. и др. Кладбище соцгородов. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 287 с.
8. Милютин Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов: Основные вопросы рационального планирования и строительства населенных мест. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 90 с.
9. Неизвестный Уралмаш: история и судьбы / авт. и сост. С. С. Агеев, Ю. Г. Бриль. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. 500 с.

Круглый стол «Позиционирование территории Уралмаша: социально-культурные проекты студентов ЕАСИ», модератором которого выступила Татьяна Быстрова

**И. А. Глинских, В. Драничников, В. Прохорова,
Д. Чернышов,
средняя образовательная школа № 22,
Екатеринбург**

БАРЕЛЬЕФ НА УРАЛМАШЕ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЬНИЦЫ

В статье рассказывается, как современные школьники выясняли историю барельефов на зданиях первых школ в микрорайоне Уралмаш и то, кто является прототипом изображенных на них советских школьников. Поставлена проблема сохранения барельефов на разрушающихся зданиях.

Ключевые слова: барельеф, сохранение наследия, история района Уралмаш.

В 2017 году наша школа отмечает юбилей — 85 лет со дня основания. В конце 30-х годов двадцатого столетия по проекту архитекторов Петра Оранского и Белы Шефлера (одного из представителей архитектурной школы «Баухауз») была построена школа № 22. Здание школы представляло собой элемент социалистического города Уралмаш в комплексе с заводоуправлением, стадионом «Авангард», гостиницей «Мадрид», фабрикой-кухней и тремя домами по бульвару Культуры. После капитального ремонта в 2006–2009 годах школа потеряла первоначальный облик, но сохранила свою историю, по которой можно изучать не только историю района, историю Уралмаша, но историю нашей страны.

Когда шла подготовка к юбилею школы, учителя много рассказывали школьникам про школу. Учитель истории и общественного воспитания Ирина Алексеевна Глинских рассказала о своей любимой учительнице Ирине Викторовне Кузнецовой.

Ирина Викторовна Кузнецова была выпускницей нашей школы. Ее отец — Виктор Анфимов — вместе с семьей приехал в Свердловск в начале тридцатых годов прошлого столетия из крымского поселка Коктебель. Мама Ирины Викторовны была воспитанницей Смольного института, в их семейном архиве хранилась рукописная открытка, адресованная ее родителям

Максимилианом Волошиным — поэтом и художником, с которым семья Анфимовых была дружна и поддерживала связь.

Рис. 1. Семья Анфимовых (конец 30-х годов). Фотография из семейного альбома

Детство Ирины Викторовны можно считать счастливым — она училась в школе, считавшейся в 1930–1940-е годы лучшей в стране, и в музыкальной школе. После окончания филологического факультета УрГУ она вернулась на работу в родную школу и проработала в ней много лет учителем русского языка и литературы. И еще мы узнали, что портрет маленькой Ирины известен всем жителям Уралмаша — мимо него проходили уралмашевцы, когда шли по улице 22-го партсъезда (ранее — ул. Молотова) в общественную баню, кинотеатр «Темп», районную больницу или детскую поликлинику.

Что это за портрет и где он находится? Мы пошли на экскурсию по улице 22-го партсъезда и обнаружили к ныне разрушенному зданию бывшей школы № 115. И на фасаде этого здания увидели барельефы. С правой стороны изображена идущая в

школу девочка с портфелем, с левой стороны — мальчик. Оказывается, что эта девочка и есть Ирочка Анфимова, дочь перво-строителя Уралмашзавода.

Рис. 2, 3. Барельеф на здании школы по ул. 22-го партсъезда

Рис. 4, 5. Барельеф на здании школы на ул. Кузнецова

Нам стало интересно, а кто мальчик, который идет навстречу Ирочке Анфимовой? С этим вопросом мы обратились

к внучке Ирины Викторовны, которая пообещала посмотреть бабушкины архивы (она, кстати, также работает в нашей школе учителем литературы и русского языка, и в этом заключается преемственность и непрерывность культурных связей жителей Уралмаша). Из номера газеты «Вечерний Свердловск» от 6 октября 1980 года (статья «Шла девочка в школу») мы узнали, что автором барельефа был Михаил Осипович Новаковский — инженер по техническому контролю на Уралмаше, он был еще и одаренным художником и скульптором. Михаил Новаковский был близким другом семьи Анфимовых [1].

Из статьи же газеты «Вечерний Екатеринбург» от 24 августа 2004 года мы с удивлением узнали, что барельеф с изображением Ирины Анфимовой есть и на здании школы № 77 на улице Кузнецова, но там она изображена в образе пионерки с горном. Для изображения мальчика на барельефе с противоположной стороны школьного фасада моделью послужил сын скульптора Дима Новаковский [2]. Поэтому мы можем предположить, что мальчик с портфелем, который изображен на фасаде школы по ул. 22 партсъезда, также является Димой Новаковским.

Выпускники нашей школы, которые пришли на юбилейный вечер, посвященный нашей школе, помнят Ирину Викторовну Кузнецову — заслуженного учителя России, отличника просвещения. По воспоминаниям ее учеников, Ирина Викторовна была настоящим интеллигентом, просветителем. Ученики Ирины Викторовны считают, что им очень повезло встретить на своем жизненном пути такого человека.

А мы, современные школьники, обеспокоены состоянием, в котором находится полуразрушенное здание одной из первых школ Уралмаша. Нас тревожит судьба барельефа, нас беспокоит, что в ближайшее время будут навсегда потеряны образы юных советских школьников-уралмашевцев.

Литература

1. Тарасова Е. Бегущие к знаниям и другие легенды школы № 77 // Вечерний Екатеринбург. 2004. 24 авг.
2. Якимов Г. Шла девочка в школу... // Вечерний Свердловск. 1980. 6 окт.

Доклад Данила Чернышова на симпозиуме

Голубева О. Ю.,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбургская детская школа искусств № 15
Екатеринбург

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ДЕТСКОЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ

В статье рассматривается процесс оживления территории учреждения культуры детской школы искусств на принципе участливо-го участия или партисипаторности, анализируются эффекты проекта по ревитализации пространства детской школы искусств, раскрываются определения основных понятий.

Ключевые слова: город, культура, искусство, ревитализация, партисипаторность, социокультурное пространство.

При первой встрече с человеком мы прежде всего обращаем внимание на его внешний вид, он формирует в нашем сознании яркий образ, по которому мы идентифицируем этого человека. Такое же впечатление мы получаем при знакомстве с учреждением, «принимаем» по одежке. И как культурный, образованный, открытый к общению человек следит за своей внешностью, так и учреждение культуры должно быть внешне привлекательным, поскольку чистое, ухоженное здание и культурно освоенная прилегающая территория формируют имидж, создают яркое позитивное эмоциональное впечатление, которое благоприятно отразится на отношении к учреждению в целом.

Мы видим, как преобразуется наш город, как меняется его лицо. Много идей уже воплощено в соответствии со стратегией развития «Город для человека», при выполнении которой Администрация Екатеринбурга ориентируется на удачные эксперименты благоустройства территории городов, изучая зарубежный опыт ревитализации, оживления городской среды постиндустриального общества. Так, подверглась ревитализации набережная реки Исеть между улицами Малышева и Куйбышева, берег пруда возле Ельцин-центра и бывшего мукомольного завода, теперь по ним удобно прогуливаться и наслаждаться прекрасными видами города.

Говоря о ревитализации, оживлении городских объектов, можно упомянуть о творческом переосмыслении площадей топографии «Уральский рабочий» на ул. Ленина, д. 49 — теперь в здании проходят «Акустические четверги в Доме печати», на музыкальные тематические вечера собирается продвинутая публика. Зал бывшего кинотеатра «Урал» теперь наполняют чарующие звуки оркестра «Бах» и хора «Доместик», ибо теперь это «Дом музыки» — площадка для культурного обмена элиты музыкального искусства. Преобразование и новое освоение здания кинотеатра «Мир» дало жизнь муниципальному театру «Щелкунчик» — мощнейшему центру формирования кадров академической и современной хореографии. Опыт организации ревитализации пространства можно использовать и применительно к территориям детских школ искусств, находящихся вдалеке от центра города. Например, муниципальной детской школы искусств № 15 города Екатеринбурга Орджоникидзевского района.

Здание по адресу ул. Замятина, д. 11а с прилегающей к нему территорией было передано школе в 1992 году после капитального ремонта, а вот прилежащую к зданию территорию никто не осваивал вплоть до настоящего времени. Руководителю учреждения необходимо учитывать значение культурно освоенной прилежащей территории, грамотно сегментированной, озелененной и украшенной цветущими растениями, ведь это имеет значение для создания яркого позитивного впечатления, несомненно, влияющего на формирование положительного имиджа.

Преобразование территории школы общей площадью 3078 м² было решено начать с санитарной подрезки деревьев, на которую школе выдано официальное разрешение комитета по благоустройству администрации Орджоникидзевского района. По инициативе администрации ЕДШИ № 15 в 2014 году был заключен договор с комитетом по благоустройству администрации района на подрезку и снос аварийных деревьев. В результате проведенных работ территория школы «опустела», назрел вопрос о замещении озеленения и освоении открытых пространств, которые раньше были заняты деревьями. На месте спиленных яблонь перед главным фасадом здания было решено

разбить цветник, оформив его тематически с ориентацией на один из принципов ревитализации — применение ландшафтных приемов посредством создания гармоничной среды, состоящей из природных элементов и сформированной средствами озеленения, обводнения, пластики земли в сочетании с малыми архитектурными формами, скульптурой, освещением.

Проект, казалось бы, нужный и интересный, но как его осуществить, ведь в уставе ЕДШИ № 15 [1] такого рода деятельность не предусмотрена и нет статьи расходов на эти цели. Но есть образовательная программа молодого вуза ЕАСИ, предусматривающая практическую деятельность по освоению ряда дисциплин на территориях учреждений-партнеров. Поэтому автор проекта, являясь студентом третьего курса Академии, имел возможность осуществить задуманное на территории школы в рамках своей преддипломной практики.

Поскольку проект решал задачу ревитализации пространства детской школы искусств и для детской школы искусств, а именно для аудитории, непосредственно связанной с образовательным процессом, в состав которой входят педагоги, родители и сами дети, было решено предложить всем желающим принять участие в разработке плана преобразований. Но объявленный нами конкурс на лучший проект преобразования школьной территории с треском провалился. Официально никто не подал заявку на участие в конкурсе, положение которого было размещено на сайте школы. А объявление о конкурсе с указанием ссылки на сайт — на афишах внутри и снаружи школьного здания — видели многие. Как выяснилось позже, родителям показалась слишком серьезной задача, прописанная в положении, а дефицит времени педагогов не позволял подготовить все по требованиям положения. Однако интерес к преобразованию территории все-таки возник. Многие родители, педагоги в устной форме стали предлагать пути решения проблемы, делиться не только советами, порой даже очень ценными, но и приносить рассаду цветов и семена растений. Так в основу реализации проекта был заложен принцип партисипаторности, то есть включенного участия.

По замыслу мы ориентировались на «парк скульптур в Бруклине» [2]. И стали думать, что же можно разместить на территории школы, через которую непрерывным потоком идут чуть ли не все жители микрорайона, включая и маргинальную прослойку общества? Эстетически привлекательное, концептуально содержательное? И чтобы не утащили? Благодаря методам включенного наблюдения и анализа состава активных родителей удалось выяснить, что в составе активистов есть художник Светлана Скворцова, и она знакома с мастером художественной росписи камней. Так родилась идея тематической росписи камней, освещающих образовательные направления и концепцию детской школы искусств. На камнях, собранных в округе и привезенных родителями, появились палитра художника, музыкальные инструменты, балерина в свете софитов, маски трагедии и комедии как олицетворение драматического искусства, даже здание школы в миниатюре.

Еще одним арт-объектом проекта стали клумбы в виде гнезд, которые подарили нашему проекту олицетворение домашнего очага, родового объединения и поддержки. А в результате работы над проектом произошло удивительное единение — родители ближе познакомились друг с другом, с педагогами и детьми, стали более участливо друг к другу относиться, что замечательно и с точки зрения формирования человеческих и общественных качеств, и с точки зрения функционирования школы на основе доверия и поддержки, положительно влияющей на весь образовательный процесс и статус школы в целом. К тому же появление камней как символа незыблемости, постоянства и аккумуляции опыта (что ассоциируется с образованием и деятельностью школы) и клумб-гнезд как олицетворения единения и воспитания нового поколения в заботе и поддержке (что ассоциируется с семьей) образно соединило в себе две ипостаси, формирующие личность человека: воспитание и образование, семью и школу.

Идею с гнездами подсказала студентка УрГПУ, выпускница школы 2014 года Виктория Ергунова. От биологического факультета университета она привезла в дар проекту четыре готовых «гнезда», украсивших впоследствии территорию школы в

качестве цветников на верхушках яблоневых пеньков. Магистранты УрФУ Алексей Пьянков и Анастасия Еперина разработали для проекта графику: афишу и логотип. Так общими усилиями удалось реализовать малобюджетный проект социальной направленности «Мир своими руками!», само название которого определяет включенное участие на основе партисипаторности. Осуществлению замыслов проекта во многом способствовала помощь и поддержка общественного движения «Наш Эльмаш», возглавляет который отец ученика нашей школы Евгений Скворцов. Благодаря его навыкам и опыту организационной работы автор проекта получил огромную поддержку, а благодаря распространению информации о проекте через сайт объединения «Наш Эльмаш» жители не только микрорайона, но и всего города смогли принять участие в проекте «Мир своими руками!», внести свою лепту в дело преобразования городской среды, в результате чего школа обрела новых друзей. Одним из таких друзей стала Светлана Платонова-Каблинова, которая совместно со Светланой Скворцовой расписала камни для нашего проекта, довольствуясь в качестве награды за свой труд только положительными эмоциями и восторгом окружающих.

«Чтобы усилить мотивацию городского сообщества, создавать в нем чувство уверенности и принадлежности к городу, — считает социолог Чарльз Лэндри, — необходимо также использовать и внутренний интеллект, творческие способности и образовательный потенциал самих горожан». Он подчеркивает, что благодаря этому крепнет ответственность, растет банк идей и выявляются новые разнообразные ресурсы. Наш проект — очевидное тому подтверждение, поскольку будет способствовать позиционированию школы как успешной, привлечению вниманию общественности, жителей микрорайона, созданию внешнего образа школы, соответствующего ее внутреннему содержанию и концепции направлений деятельности.

Проект преобразования школьного двора «Мир своими руками!» был разработан под руководством директора ЕДШИ № 1 Елены Мурахтановой и заместителя директора по АХЧ Евгении Чертушкиной. По завершении работ был организован праздничный концерт «Нашего двора», на котором присутствовало

большинство участников проекта, всем им были торжественно вручены благодарственные письма от руководителя учреждения и всего педагогического коллектива. Каждый участник концерта получил в подарок наклейку с логотипом проекта.

«Смелые, новаторские, полные воображения ответы на острые вопросы, — как правильно заметил Ч. Лэндри, — предполагают риск и возможность провала» [3]. Но наш эксперимент поддержали родители, педагоги, многие люди, узнавшие о проекте и пожелавшие вложить в него свои усилия, поэтому он не просто получил свое воплощение, он оживил сообщество жителей окружающих школу домов. Одна пожилая женщина, жительница этого района, проходя мимо, воскликнула: «Сколько здесь живу, никогда не видела, чтобы в этом садике было так чисто!» И, действительно, территория школы была, мягко скажем, не ухожена. С 1950 года в этом здании располагался детский сад, в котором воспитывалась другая жительница микрорайона. Она рассказала, что родилась в 1976 году и всегда жила поблизости, ходила в этот детский сад, потом в школу бегала через его территорию, потому, что в 1990 году здание было заброшено, а после ремонта в 1992 году передано музыкальной, на тот момент, школе, которая, изменив название на школу искусств, располагается здесь и поныне. Жительница сетовала на то, что никто ранее не занимался этой территорией, и очень радовалась, что «мы ей на сорокалетие сделали подарок!»

Молодые мамы стали приводить детей сюда на прогулку. Работники школы заметили, что редкий прохожий не остановится полюбоваться на цветы и приглядеться к расписанным камням. Особенное внимание к этим «жемчужинам» нашего проекта проявляют дети, я заметила девочку-подростка, которая сфотографировала понравившиеся ей камни.

Всего в проекте «Мир своими руками!» приняло участие 84 человека разного социального и профессионального статуса и возраста, получивших возможность раскрыть творческий потенциал, реализовать потребность в общении, созидании, совместном труде, ощутить сопричастность к общему делу формирования эстетически привлекательного культурного пространства, гармоничной позитивной среды обитания. Поэтому помимо ор-

ганизации пространства проект способствовал созданию активного сообщества педагогов, родителей, заинтересованных лиц, решению образовательных задач ряда вузов Екатеринбурга по приближению образовательной модели к практике (студентами-магистрантами факультета графики и дизайна УрФУ была выполнена работа по созданию графического сопровождения проекта, студентка второго курса факультета биологии УрГПУ консультировала работы по высадке растений и уходу за ними, а так же подарила проекту клумбы в виде гнезд, изготовленные студентами УрГПУ из природного материала, что подчеркнуло экологическую значимость проекта). Перед школой появилось две тематические клумбы с изображением скрипичного и басового ключа, девять камней, расписанных в соответствии с тематикой образовательного процесса школы искусств, шесть клумб-гнезд, олицетворяющих единение, совместное творчество и созидание, и девять цветочных клумб с разнообразными (более 30 видов) растениями.

Таким образом, ревитализация пространства школы позволяет создавать положительный образ учреждения, работая на имидж, формирует городскую среду и культуру, а «интенсивная культурная жизнь, — как сказал Ч. Лэндри, — способствует привлечению квалифицированных и талантливых специалистов, создает возможности для местных жителей» [3].

Самое главное, что процесс организации ревитализации пространства школы через вовлечение как субъектов образовательной деятельности, так и всех заинтересованных лиц позволяет создавать социально активные сообщества, налаживать коммуникации, укреплять семью и воспитывать подрастающее поколение в бережном отношении к труду и вверенной им территории, что вписывается в проект долгосрочного развития города Екатеринбурга «Город для человека» и стратегического проекта «Екатеринбург — территория творчества».

Литература

1. Детская школа искусств № 15 [Электрон. ресурс]. URL: <http://школаискусств15.екатеринбург.рф> (дата обращения: 15.07.2017).

2. Парк скульптур в Бруклине, которым гордится Нью-Йорк [Электрон. ресурс]. URL: <http://drakosh-a.livejournal.com/213690.html> (дата обращения: 15.07.2017).

3. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011. 399 с.

Доклад Ольги Голубевой

Д. С. Зидирова,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

ЗАБОР В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕРАКТИВА ЖИТЕЛЕЙ: НА ПРИМЕРЕ ЛЕТНЕГО ПАРКА «УРАЛМАШ»

В статье рассматривается тема привлечения внимания к летнему парку «Уралмаш», предлагаются варианты того, как можно облагородить его наружное ограждение и наладить культурную жизнь в самом парке.

Ключевые слова: забор, Уралмаш, парк, культура, природа.

Сегодня забор является уже неотъемлемой чертой любого российского мегаполиса, хотя до недавних времен он был характерной особенностью сельской местности. Но здесь, в рамках городского пространства, забор уже не является гарантом безопасности для людей, «сегодня заборы не выполняют своей функции защиты от посягательств. Любая изгородь преодолима» [1]. Именно поэтому заборы стали воплощать некий символ раздолья и свободы. К тому же вписанность парка в ансамбль городских построек неизбежна. С одной стороны, парк — уголок живой природы — дополняет городскую посредственность за счет зеленых насаждений. С другой стороны, парк как социальная инстанция — среда, которая так же, как и кафе, кинотеатр, музей, необходима человеку для отдыха. Так, «архитекторы и дизайнеры стремятся учесть интересы различных групп городских жителей. Парковые зоны становятся многофункциональными, мобильными и всепогодными, адаптированными для маломобильных групп населения» [2].

Возьмем, к примеру, забор, который окружает летний парк «Уралмаш». С левой стороны от забора по пешеходной дороге люди идут на учебу и на работу, тогда как справа летний парк Уралмаш поглощен своей тихой жизнью, его основные посетители — молодые мамы с колясками и пенсионеры. Из-за своего неприглядного внешнего вида на территории парка мало посе-

тителей и он слывет местом для людей с девиантным поведением.

Поскольку забор — это некий мостик между потенциальными посетителями и парком, то уделять внимание следует, как правило, именно внешнему ограждению. Так, являясь мерилom и, грубо говоря, отвечая за количество посетителей, забор понимается как объект исследования. А цель статьи — найти способы привлечения внимания горожан к летнему парку «Уралмаш». В задачи нашего исследования входит 1) выяснение, каким образом можно вернуть «былую славу» к культурному месту; 2) проведение опроса, чтобы понять, воздействует ли на горожан «негостеприимный забор» или то, что за ним происходит; 3) предложить варианты привлечения внимания к летнему парку «Уралмаш».

Вообще, попытка изменить внешний вид забора в первую очередь отсылает нас к социальным идеям, то есть направлена на благо общества, поскольку парк — публичное место для отдыха. И поскольку «идеи ностальгические связаны с более широкой культурой и историей и объединяют людей по признаку принадлежности культуре какого-то периода времени в прошлом» [3], то есть возможность сравнивать с тем, что было. Это может сыграть в плане решения проблемы, как вернуть парку прежний статус, а забору — функцию приветствия, а не баррикады. Также эту идею поддерживает и Н. Л. Шайгарданова, которая считает, что со времен СССР парк для горожанина — главное место, где происходит единение человека и природы [4]. Помимо этого пространство парка выступает площадкой людских взаимоотношений, отдыха, посещения аттракционов, а также передачи опыта в плане культурных и спортивных достижений.

Приведем пример проекта, обращенного к прошлому опыту. Автор проекта «Вернуть центральному парку былую славу» (Владикавказ) А. Кокоев решил привлечь внимание к парку за счет санитарной обрезки деревьев, возведения пандусов для людей с ограниченными возможностями здоровья, молодых мам с колясками, создания для молодежи условий проведения досуга, которое бы формировало их сознание [5].

Также для изменения внешнего ограждения могут применяться идеи соавторства, предоставление возможности для творчества всем желающим. И поскольку «под сотрудническими идеями понимается целенаправленная общественная деятельность, объединенная под каким-либо брендом и подчиняющаяся какой-либо цели» [3], то решить проблему с забором можно с помощью обмена информацией и совместной деятельности. Можно привести два примера. Команда института «Стрелка» через использование двора вызвала интерес к Третьяковской галерее. Это произошло благодаря высвобождению открытого пространства, посадке зелени, размещению во дворе кафе и лекторий. Также были использованы и другие способы: концерт Олега Каравайчука, смена цвета забора и световая инсталляция у входа [6]. Или реконструкция кольцевого парка в Ереване. Изменение внешнего облика парка и отношение к нему посетителей должно было поменяться за счет вырубки старых и неухоженных кустов и посадки новых фруктовых деревьев, создания мест для пассивного и активного отдыха (строительства футбольных и баскетбольных площадок) [7].

Для решения поставленной нами задачи был проведен опрос, который показал, что значит парк для жителей Екатеринбурга и на что они обращают внимание (как положительные, так и отрицательные аспекты), проходя через него. Так, на вопрос «Представьте, что Ваш путь от дома до работы/учебы можно преодолеть тремя путями. Какой Вы выберете?» 48,3% опрошенных выбрало вариант ответ «через парк», 27,6% — «на общественном транспорте», и 20,7% — «через дворы». В ответах на этот вопрос видно, что практически половина респондентов готова преодолеть расстояние от дома до работы через парк. Значит, все-таки люди тяготеют к природе. Второй вопрос выяснял, на что обращают горожане внимание, когда гуляют около парка. Так, наряду с ответами «на афиши звезд», «на играющих детей», «на объявления поиска работы» притягательными и приятными для глаз людей все-таки представляются деревья. Также немаловажные ответы: «играющие дети» и «гуляющие люди». Ответы на третий вопрос («На улице прекрасная погода и от прогулки у Вас разгорелся аппетит. Вы...») показали, что

проголодавшиеся горожане могут зайти в ближайшее кафе, а могут купить мороженое и сесть на скамейку (здесь мы имеем в виду, что это может происходить в парке). Другие ответы (перекусят фруктом или пирожком) тоже не исключают перекуса в парке. Четвертый вопрос выясняет, что может остановить потенциального посетителя перед парком. Равное число ответов — «не можете найти вход» и «негостеприимный забор». Можно резюмировать, что забор все-таки влияет на парк (среди других ответов упомянем «грязь»). Любимыми парками горожан, по ответам на пятый вопрос, являются парк Победы и ЦПКиО им. Маяковского. Из этого можно заключить, что люди выбирают любимый парк с ориентацией на два критерия: как место, близкое к дому, и как территорию, имеющую «статус» и отличающуюся в проведении различных мероприятий.

Так, чтобы отношение к летнему парку «Уралмаш» изменилось в лучшую сторону и забор не казался баррикадой, препятствующей посещению парка, стоит, во-первых, поставить скамейки так, чтобы их было видно через металлические прутья и чтобы люди на скамейках могли перекусить, к примеру, мороженым. Во-вторых, следует очистить кирпичные столбы от различного рода бумажек-объявлений, посадить молодые саженцы яблони или сирени в самом парке для привлечения внимания, а старые кустарники проредить.

Забор в некотором роде представляет собой «границу пространства», поскольку мы можем фокусировать взгляд как на переднем плане (кирпичные столбы), так и на заднем (металлические прутья). Получается, что можно смотреть на забор, а можно наблюдать, что происходит за ним. Поэтому предлагаем два пути привлечения внимания к летнему парку «Уралмаш», меняя облик забора и воздействуя на поведение людей.

1. Поскольку людям приятнее смотреть на природу, то стоит уделить внимание живому уголку. Так, можно развесить по периметру забора цветы в горшках (на летнее время) либо посадить в самом парке свежие деревья (цветущие — привлекающие и вкусно пахнущие), а старые — выбраковать.

2. Людям также интересно наблюдать за тем, что происходит «за развернувшимся сюжетом», то есть то, что видно через металлические прутья.

Следовательно, можно для людей предпенсионного либо пенсионного возраста организовать совместные прогулки скандинавской ходьбой по парку, а на сам забор повесить агитационный плакат о занятиях. Взрослой и активной группе населения можно предложить недельные бесплатные курсы фотографии. Молодежи — утреннюю получасовую зарядку на свежем воздухе или энергичные совместные танцы под музыку.

Участниками и инициаторами этих проектов могут стать студенты Екатеринбургской академии современного искусства и Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Литература

1. Османова Ф. Наше мировосприятие определил забор? [Электрон. ресурс]. URL: <http://news-smi.ru/kuryozi/5255-Nashe-mirovospriyatie-opredelil-zabor> (дата обращения: 09.04.2017).

2. Бугаенко М. Б., Григорьева Д. Р. Городской парк как часть архитектуры современного города // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: электрон. сб. ст. по мат. XXXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2016. № 1 (38) [Электрон. ресурс]. URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(38\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(38).pdf) (дата обращения: 06.04.2017).

3. Грант Д. Манифест инновации бренда. Как создаются бренды, переориентация рынков и преодоление стереотипов [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.triz-chance.ru/grant.php> (дата обращения: 27.04.2017).

4. Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: автореферат дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2014. 24 с.

5. Новости Владикавказа [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.vladikavkazosetia.ru/news/?news=31473> (дата обращения: 09.04.2017) .

6. Институт Strelka [Электрон. ресурс]. URL: <http://strelka.com/ru/magazine/2016/09/08/reconstruction-tretiakov-gallery> (дата обращения: 09.04.2017).

7. Imyerevan [Электрон. ресурс]. URL: <http://imyerevan.com/ru/society/view/10397> (дата обращения: 09.04.2017).

Ладыгина А. А.,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

СТЕЙКХОЛДЕРЫ ПРОДВИЖЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА: ТИПЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЫТЫ КОЛЛАБОРАЦИИ

Статья посвящена анализу активных стейкхолдеров продвижения бренда свердловского конструктивизма. В ней систематизирована практика популяризации архитектурного наследия советского авангарда, выявлены ключевые субъекты и формы. Субъекты продвижения были распределены по условным группам, описана их деятельность. Также перечислены опыты коллаборации стейкхолдеров и названы самые крупные события и мероприятия последних двух лет, связанные с авангардной архитектурой Екатеринбурга. На основе проведенного анализа сделан вывод об основных инструментах продвижения конструктивистского наследия, востребованных сегодня участниками процесса.

Ключевые слова: продвижение, конструктивизм, Екатеринбург, стейкхолдеры, авангардная архитектура, территориальный брендинг, инструменты продвижения.

В современном мире населенные пункты находятся в условиях конкурентной борьбы за квалифицированные кадры, инвестиции, бизнес и туристические потоки. Для сохранения устойчивого положения на рынке территорий города вынуждены обращаться к инструментам маркетинга, брендинга и имиджеологии. И. С. Важенина справедливо пишет: «Имидж и бренд территории, ее репутация <...> становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшими конкурентными ресурсами для налаживания партнерских отношений» [1]. Одновременно, по ее убеждению, эффективный бренд служит предпосылкой для ускорения социально-экономического развития территорий, повышения уровня жизни населения. При этом архитектура и памятники культуры в рамках совокупного территориального имиджа являются значимым компонентом и играют в позиционировании далеко не послед-

ную роль. Кроме того, исследователи отмечают, что архитектурный комплекс может выступать основой для брендинговой стратегии территории. Здесь стоит упомянуть такие новые направления научно-практической мысли, как «градостроительный маркетинг», «архитектурный маркетинг» и «архитектурно-градостроительный брендинг». С другой стороны, объекты культурного наследия сами по себе нуждаются в брендинге и продвижении, поскольку популяризация будет способствовать формированию к ним более бережного отношения со стороны общества и, как следствие, их сохранению.

В этой связи Екатеринбург представляет особый интерес. Во-первых, архитектура для него является одной из имиджевых доминант. Благодаря большому количеству сооружений в стиле авангард — всего в Екатеринбурге насчитывается около 150 объектов культурного наследия 1920–1930 годов [2] — город известен в России и за рубежом как один из крупнейших центров конструктивистской архитектуры, «столица конструктивизма», «музей конструктивизма под открытым небом». Во-вторых, в последние годы в Екатеринбурге заметен рост внимания местных жителей к конструктивизму, ставший результатом кумулятивной деятельности ряда субъектов по продвижению авангардной архитектуры и освещению связанных с ней тем. Данная деятельность вызвала и вовлечение новых групп и лиц в процесс генерирования информационного, событийного и предметного поля вокруг конструктивизма.

Прежде чем приступить к описанию основных субъектов продвижения свердловского авангарда, нужно сказать несколько слов о самых важных тематических событиях последнего времени. Они ожидаемо стали точками притяжения таких субъектов.

Наиболее масштабным проектом, нацеленным на популяризацию архитектуры 1920–1930 годов, в данный момент являются «Дни конструктивизма на Урале», которые проводились дважды — в 2015 и 2016 годах. В рамках проекта были организованы разнообразные выставки, лекции, дискуссии и экскурсии. В него за два года внесло вклад большинство ключевых субъектов продвижения екатеринбургского авангарда. В 2016 году с 7 ок-

тября по 27 ноября «Дни конструктивизма» посетило более 6 тысяч человек [3]. Значение этого мероприятия для судьбы конструктивистских построек трудно переоценить: оно направлено как на переосмысление советского архитектурного наследия, трансформацию его восприятия, разнонаправленное распространение информации о нем, так и на создание диалога стейкхолдеров Екатеринбурга и сторонних экспертов о дальнейшей жизни конструктивизма в пределах города, его ревитализации.

Вторым крупным событием можно назвать международную научно-практическую конференцию «Конструктивизм Екатеринбурга — шаг в 21 век», которая состоялась 14–15 апреля 2016 года. Итогом работы конференции стала резолюция, в которой констатируется, в частности, «крайне неудовлетворительное общее состояние отдельных построек и комплексов Екатеринбурга в стиле конструктивизма 30-х годов», выносятся перечень предложений [4]. Однако последующая судьба изложенных инициатив неизвестна, на сегодня ни одна из них не была воплощена. Еще одним значительным событием для екатеринбургского конструктивизма стала 3-я Уральская индустриальная биеннале современного искусства, организованная Уральским филиалом ГЦСИ-РОСИЗО осенью 2015 года. Основной выставочный проект разместился в здании гостиницы «Исеть» — объекте авангардного наследия. В рамках биеннале было проведено масштабное исследование «Городка чекистов», результатом которого стала выставка. Экспозиция в галерее фонда «Культурный Транзит» «Желания. Практики жизни в авангардной архитектуре», посвященная комплексу домов Уралоблсовета, появилась в рамках параллельной программы. 12–15 мая 2015 года прошел международный научный симпозиум «Опыты авангарда: от утопии к повседневности», ставший глобальной платформой для обсуждения авангарда и конструктивизма.

Таким образом, в 2015 и 2016 годах состоялось пять крупных мероприятий по тематике конструктивизма. Упомянем, что с начала 2017 года уже прошла международная междисциплинарная конференция «Стыки модерности: авангард как культурный и антропологический проект» (28–30 апреля, УрФУ). Целевой аудиторией всех названных научных мероприятий в первую

очередь являются эксперты, а также органы власти, целевой аудиторией биеннале и развлекательно-просветительской части «Дней конструктивизма» — горожане и туристы.

На основании обзора вышеперечисленных событий среди государственных структур к наиболее активным субъектам продвижения можно отнести Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области (МУГИСО), Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области, Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК) и Управление культуры Администрации города Екатеринбурга (см. табл. 1). Немаловажно, что в 2014 году МУГИСО совместно с НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры выпустило серию роликов с уральскими деятелями культуры и искусства о наиболее интересных объектах конструктивизма города под названием «Екатеринбург — жемчужина конструктивизма» (транслировались в кинотеатрах).

Музеи Екатеринбурга также активно участвуют в популяризации, выступают площадками проведения мероприятий и их организаторами. Наиболее регулярна в этом отношении деятельность Музея архитектуры и дизайна УрГАХУ, Музея истории Екатеринбурга (МИЕ), Уральского филиала ГЦСИ-РОСИЗО и Ельцин-центра. Среди вузов Екатеринбурга аналогично можно выделить УрГАХУ, ЕАСИ и УрФУ.

Несмотря на вовлеченность властей и учреждений, опорная группа в круге субъектов продвижения свердловского авангарда — это известные представители научной и культурной сфер. Одним из главных экспертов по екатеринбургскому конструктивизму по праву считается Л. Н. Смирнов. Он выпустил несколько фундаментальных книг об уральском авангарде («Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области», 2008; «Екатеринбург: наследие конструктивизма», 2009; «Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбург», 2015), опубликовал о нем ряд научных статей и всячески содействует его изучению, сохранению и продвижению: регу-

лярно проводит лекции, экскурсии, дает комментарии СМИ и т. д.

Еще одной знаковой фигурой в популяризации конструктивизма является Л. И. Токменинова — старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории УрГАХУ по изучению и эффективному использованию архитектурного наследия Уральского региона, руководитель Уральского центра архитектуры современного движения при УрГАХУ, ориентированного на проблематику архитектурного наследия 1930-х годов. В своих монографиях Л. И. Токменинова задокументировала весомую часть самых знаменитых екатеринбургских памятников конструктивизма («Водонапорная башня УЗТМ», 2011; «Жилой комплекс НКВД», 2012; «Институты физиотерапии и профзаболеваний», 2012; «Дом физкультуры. Спорт-городок Динамо. 1929–1934», 2012; «Дом промышленности и торговли», 2013; «Жилой комплекс „Дом Уралоблсовета“», 2015; «Клуб строителей», 2016).

Заметную роль в популяризации темы свердловского конструктивизма — и особенно его сохранения — играет общественная организация «Реальная история», прежде всего в лице градостроителя Марины Сахаровой, уделяющей особое внимание юридическим формам защиты от разрушения авангардных построек, не имеющих официального статуса памятника архитектуры.

Примечателен опыт и С. Ю. Каменского — директора Центра культуры «Орджоникидзевский» и Музея истории Екатеринбурга (с 2016 года). Он является автором масштабного культурного проекта «Уралмаш: производство будущего», который реализуется с 2015 года и посвящен идентичности микрорайона, исследованию его прошлого и выработке перспектив развития. Так как на Уралмаше сконцентрировано множество конструктивистских построек, они — неотъемлемый объект репрезентации в рамках проекта.

Деятельность архитектора по образованию Полины Ивановой, способствующая популяризации уральского авангарда, имеет разноплановый характер. Она входит в арх-группу Podelniki, к которой в 2013 году на условиях бессрочного поль-

зования перешла культовая конструктивистская постройка Белая башня. Podelniki занимаются ее сохранением, а также имеют цель превратить Белую башню в некую культурную платформу. В 2014 году с целью поиска новой функции для архитектурного памятника был реализован проект «Культурные лаборатории Белой башни». За три месяца работы «Лабораторий» было проведено 22 мероприятия: четырнадцать лекций, четыре выставки, два проекта-перформанса, открылись два клуба. В настоящий момент в башню водят экскурсии, оборудован мини-зал для просмотра фильма о самом сооружении и Уралмаше. В 2013–2014 годах с помощью краудфандинга Podelniki и интернет-видеоканал Roomple создали шестисерийный видеогид по семнадцати конструктивистским памятникам архитектуры. В 2015 году Полина Иванова являлась куратором выставки «От Екатеринбурга к Свердловску. Эволюция города» в рамках «Дней конструктивизма на Урале». В 2016 году она написала серию статей-лонгридов о зданиях конструктивизма для СМИ «ЕТВ». Также Иванова проводит разнообразные экскурсии, включая посвященные авангардной архитектуре.

Привлекает внимание активность урбаниста Никиты Сучкова. Он является автором идеи проведения ежегодного мероприятия «Дни конструктивизма на Урале» и дважды выступил его куратором. Летом 2017 года в здании Уралоблсовета должен появиться уникальный музей экспериментальной двухъярусной квартиры архитектора М. Я. Гинзбурга — Сучков является одним из авторов проекта.

Продвижению конструктивизма способствует и Любовь Дегтева — архитектор, член екатеринбургского филиала Центра прикладной урбанистики. В 2015 году по ее сценарию был снят короткометражный документальный фильм «Мобилизация» о судьбе ДК Профинтерна. В 2016 году она стала куратором выставки «Клуб „Профинтерн“. Семь историй о городе», размещенной в Ельцин-центре. В рамках «Дней конструктивизма на Урале — 2016» Дегтева отвечала за оформление центральной экспозиции.

Также распространением информации о конструктивизме и популяризацией посредством научной и просветительской дея-

тельности занимаются культуролог, кандидат искусствоведения Л. Ю. Салмин; руководитель Научно-просветительского отдела Уральского филиала ГЦСИ-РОСИЗО, кандидат политических наук Д. Е. Москвин; исследовательская группа «Городка чекистов», состоящая из кандидатов философских наук Л. П. Пискуновой, Л. Э. Старостовой и И. В. Янкова. Перечень исследователей, в той или иной мере заинтересованных в уральском конструктивизме, в несколько раз больше, мы выделили только тех, кто ведет в последнее время наиболее активную работу.

Огромный вклад в продвижение конструктивизма вносит издательство TATLIN: подавляющее число современных печатных изданий, посвященных свердловскому авангарду, было выпущено именно им. Его директор, архитектор Э. А. Кубенский, систематически принимает участие в тематических мероприятиях в качестве организатора и эксперта. Следует упомянуть московский Институт медиа, архитектуры и дизайна Strelka — в 2016 году он опубликовал подробные статьи о екатеринбургском авангарде на своем сайте, а также их переводы на ArchDaily. В числе стейкхолдеров можно назвать и фонд «Культурный Транзит» — он помогал в организации таких проектов, как «Культурные лаборатории Белой башни» и выставка о комплексе домов Уралоблсовета в рамках 3-й биеннале.

Ключевую роль в продвижении памятников культурного наследия играют визуальные инструменты, главным образом фотографии. Член союза фотохудожников России Н. Ю. Боченин осуществил фотосъемку практически всех конструктивистских зданий в Екатеринбурге в современном виде, его архив является единственным в своем роде. Кирилл Матвеев, фотограф и архитектор, занимается съемкой авангардных памятников культуры Екатеринбурга с 2013 года и отснял значительную часть объектов. В рамках первых «Дней конструктивизма на Урале» Матвеев представил выставку «Авангардный ракурс». В 2015 году его фотографии легли в основу небольшого фотоальбома-путеводителя «Конструктивизм Екатеринбурга» о восемнадцати самых известных конструктивистских зданиях уральской столицы, часть снимков была отпечатана в виде почтовых открыток.

Еще одно звено субъектов продвижения свердловского авангарда — предприниматели. В Екатеринбурге есть три частные фирмы, которые выпускают продукцию с использованием образов конструктивизма. Бренд ChuKaBrand, основанный в 2015 году к открытию 3-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства, производит украшения по мотивам четырех авангардных зданий. Марка одежды Ghetto в своей первой коллекции в 2015 году представила два товара с конструктивистской символикой, в 2016 году они осуществили коллаборацию с ChuKaBrand. В апреле 2016 года Ghetto провел лекторий на площадке ГЦСИ под названием «Символика Свердловска». Третьим новоиспеченным брендом, равнодушным к авангарду, можно назвать творческий коллектив молодых дизайнеров УААУ, в 2016 году помещавший изображения конструктивистских зданий на открытках, предметах одежды, посуде и аксессуарах.

Важным компонентом популяризации является распространение информации в интернете и, в частности, в социальных сетях. На данный момент можно назвать три активных субъекта, которые специализируются именно на онлайн-продвижении конструктивизма Екатеринбурга: онлайн-проект Александра Козлова «Екатеринбург Наизнанку» (<https://vk.com/insideoutekb>), онлайн-журнал Алексея Грабовского «Свердловск» (<http://svrdlvsk.ru>) и онлайн-проект STALINKI (<https://vk.com/stalinki>).

Анализ перечня субъектов продвижения позволяет утверждать, что в Екатеринбурге сегодня формируется «новое поколение» увлеченных конструктивизмом. Это люди от 20 до 35 лет, по большей части — выпускники и студенты УрГАХУ (Полина Иванова, Евгений Волков, Антонина Савилова, Никита Сучков, Любовь Дегтева, Кирилл Матвеев, Александр Черданцев, Юлия Иохм, Екатерина Вититнева, Екатерина Махнева), а также активисты с интересами в сфере культуры, городской среды и архитектуры (Анастасия Перкина, Анастасия Кандоба, Мария Чуркина, Александр Козлов, Алексей Грабовский).

Необходимо отметить важный факт — большинство каких-либо продуктов (мероприятий, информационной продукции,

товаров и т. д.), связанных с конструктивизмом Екатеринбургa, являются результатом синергии нескольких субъектов продвижения свердловского авангарда либо деятельности стейкхолдера продвижения при поддержке (организационной, ресурсной, финансовой и т. п.) и участии других субъектов. При этом коллаборации могут быть различными как по типам и количеству задействованных субъектов, так и по сценариям распределения ролей и степени вовлеченности. Чтобы обрисовать и проанализировать опыт сотрудничества субъектов продвижения, данные были скомпонованы в таблицу (см. табл. 2). В отношении каждого продукта перечислены все организаторы и инициаторы, однако те, кто не рассматривается нами в данной статье в качестве ключевых субъектов продвижения конструктивизма, выделены курсивом. В графе «при участии» были названы только уже зафиксированные стейкхолдеры популяризации авангарда, которые каким-либо образом способствовали претворению проектов других стейкхолдеров в жизнь. Как мы видим, крупные мероприятия по тематике конструктивизма обычно собирают значительную часть субъектов (в основном из трех групп: представители науки и культуры, государственные органы, музеи). При производстве копродукции, в свою очередь, чаще кооперируются только два-три субъекта. Представители науки и культуры и здесь сохраняют позицию самой активной группы. Именно поэтому практически вся тематическая продукция скорее носит популяризирующий характер, нежели представляет собой коммерческий продукт.

Итак, проведенный анализ позволил выделить основные субъекты продвижения екатеринбургского конструктивизма различного типа (всего на сегодня их около 30), распределенных по восьми условным группам. При этом спектр используемых способов популяризации отличается многообразием: это научно-исследовательская работа (исследования, конференции, научные публикации), культурно-просветительская деятельность (выставочные проекты, лекции, дискуссии, издания, экскурсии, фильмы, видеоролики), коммерческая деятельность (тематическая продукция), информационная деятельность (онлайн-продвижение, освещение в СМИ). Центральным звеном про-

движения авангардного зодчества уральской столицы можно считать именитых представителей науки и культуры, госструктуры выполняют скорее роль их подспорья. Следует обратить внимание и на тот факт, что в Екатеринбурге происходит становление «нового поколения» субъектов продвижения (они составляет почти треть стейкхолдеров), активность которого уже сейчас является более чем внушительной. Изученные данные позволяют сделать вывод, что в целом круг субъектов популяризации представляет собой достаточно консолидированную общность, преобладающее число из них участвует во всех конструктивистско-ориентированных проектах определенного формата. Значимость функционирования субъектов продвижения не подлежит сомнению, тем не менее, его практическая эффективность в отношении целевых аудиторий — предмет, требующий дальнейшего изучения.

Таблица 1. Группы субъектов продвижения

Группа/тип субъектов продвижения	Субъекты продвижения
Государственные органы	МУГИСО НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры СО Управление государственной охраны объектов культурного наследия СО АУИПИК Управление культуры Администрации города Екатеринбурга
Представители науки и культуры	Л. Н. Смирнов Л. И. Токменинова Л. Ю. Салмин Д. Е. Москвин С. Ю. Каменский Никита Сучков Любовь Дегтева
<i>Объединения и организации (подгруппа)</i>	исследовательская группа «Городка чекистов» (Л. П. Пискунова, Л. Э. Старостова, И. В. Янков) арх-группа Podelniki (Полина Иванова, Евгений Волков, Антонина Савилова) общественное движение «Реальная история» (организатор — Марина Сахарова) фонд «Культурный Транзит» ИД TATLIN (директор — Э. А. Кубенский) Институт медиа, архитектуры и дизайна Strelka
Музеи	Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ Музей истории Екатеринбурга Уральский филиал ГЦСИ-РОСИЗО Ельцин-центр
Вузы	УрГАХУ ЕАСИ УрФУ
Фотографы	Н. Ю. Боченин Кирилл Матвеев
Коммерческие бренды	ChuKaBrand (Мария Чуркина, Анастасия Кандоба) Ghetto (Анастасия Перкина, Екатерина Витигнева, Екатерина Махнева) УААУ (Александр Черданцев, Юлия Иохм)
Субъекты онлайн-продвижения	«Екатеринбург Наизнанку» (Александр Козлов) «Свердловск» (Алексей Грабовский) STALINKI

Таблица 2. Опыты коллаборации

Продукт	Задействованные субъекты продвижения	Типы задействованных субъектов
Мероприятия		
Выставка «Клуб «Профинтерн» (2016–2017)	Организаторы: Ельцин-центр; Л. Дегтева	Музеи; представители науки и культуры
Лекторий «Символика Свердловска» (2016)	Организаторы: Ghetto; ГЦСИ При участии Л. Н. Смирнова; Л. Ю. Салмина; Д. Е. Москвина	Коммерческие бренды; музеи; представители науки и культуры
Международная научно-практическая конференция «Конструктивизм Екатеринбург - шаг в 21 век» (2016)	Организаторы: АУИПИК; <i>НОУ ВПО «Институт искусства реставрации»</i> При участии ГЦСИ; Музея архитектуры и дизайна УрГАХУ; Л. Н. Смирнова; Д. Е. Москвина; исследовательской группы «Городка чекистов»	Государственные органы; музеи; представители науки и культуры; объединения и организации
Выставочно-просветительский проект «Дни конструктивизма на Урале» (2015, 2016)	Организаторы: МУГИСО; НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры СО; Управление государственной охраны объектов культурного наследия СО; Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ; Н. Сучков; исследовательская группа «Городка чекистов»; П. Иванова При участии ГЦСИ; Л. Н. Смирнова; Л. Дегтевой; К. Матвеева (участник + была представлена его продукция); ChuKaBrand, Ghetto, ИД TATLIN (была представлена их продукция)	Государственные органы; музеи; представители науки и культуры; объединения и организации; фотографы; коммерческие бренды

<p>3-я Уральская индустриальная биеннале современного искусства (2015): выставка «„Городок чекистов“: от утопии к авангарду» и «Желания. Практики жизни в авангардной архитектуре», международный семинар «Ре-ДК: новые смыслы домов культуры»</p>	<p>Организаторы: ГЦСИ; Управление культуры Екатеринбурга; <i>Минкультуры РФ; Администрация Губернатора СО; Правительство СО; Администрация Екатеринбурга; РОФ «Новое искусство»; Центр поддержки и развития современного искусства ZA ART</i> При участии АУИПИК; МИЕ; УрФУ; фонда «Культурный Транзит»; исследовательской группы «Городка чекистов»; Л. И. Токмениновой; Л. Ю. Салмина; Л. Дегтевой; К. Матвеева, ChuKaBrand, ИД TATLIN (была представлена их продукция)</p>	<p>Музеи; государственные органы; вузы; представители науки и культуры; объединения и организации; фотографы; коммерческие бренды</p>
<p>Международный научный симпозиум «Опыты авангарда: от утопии к повседневности» (2015)</p>	<p>Организаторы: УрФУ; ЕАСИ; Управление культуры Екатеринбурга; ГЦСИ При участии Л. Н. Смирнова; Л. И. Токмениновой; Л. Ю. Салмина; Э. А. Кубенского; Л. Дегтевой</p>	<p>Вузы; государственные органы; музеи; представители науки и культуры</p>
<p>Проект «Культурные лаборатории Белой башни» (2014)</p>	<p>Организаторы: арх-группа Podelniki; ГЦСИ При участии ЕАСИ; фонда «Культурный транзит»; ЦК «Орджоникидзевский»</p>	<p>Объединения и организации; музеи; вузы</p>
Продукция		
<p>Лонгриды о конструктивизме на «ЕТВ» (2016)</p>	<p>Автор: П. Иванова Фотограф: А. Козлов</p>	<p>Представители науки и культуры; субъекты онлайн-продвижения</p>
<p>Линейка товаров (2016)</p>	<p>ChuKaBrand; Ghetto</p>	<p>Коммерческие бренды</p>
<p>Издание «Архитектурный путеводитель по Екатеринбургу 1920–1940» (2015)</p>	<p>Издательство: TATLIN При участии: Л. Н. Смирнова; Л. Ю. Салмина; Л. И. Токмениновой; Н. Ю. Боченина; Музея архитектуры и дизайна УрГАХУ; МИЕ</p>	<p>Представители науки и культуры; объединения и организации; фотографы; музеи</p>

Фотоальбом-путеводитель «Конструктивизм Екатеринбурга» (2015)	Редактор: Н. Сучков Фотограф: К. Матвеев Партнер: арх-группа Podelniki	Представители науки и культуры; объединения и организации; фотографы
Д/ф «Мобилизация» (2015)	Инициаторы: ГЦСИ; <i>фестиваль «КиноПроба»</i> ; Л. Дегтева (в составе творческой группы «Телепорт»)	Музеи; представители науки и культуры
Видеогид по конструктивистским памятникам архитектуры (2013–2014)	Инициаторы: арх-группа Podelniki; <i>Roomple</i> При участии: Л. Н. Смирнова	Представители науки и культуры; объединения и организации
Книги о конструктивизме	Издательства: TATLIN; <i>РОО НИИМК</i> ; «Архитектон»; «Банк культурной информации» Авторы: Л. Н. Смирнов; Л. И. Токменинова; <i>С. Погодин</i>	Представители науки и культуры; объединения и организации

Литература

1. Важенина И. С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 23. С. 2–12.
2. Степанов А. В., Степанова Т. М. Конструктивизм в структуре архитектурно-стилевой айдентики Екатеринбурга // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2014. № 2. С. 5–11.
3. Дни конструктивизма на Урале с 7 октября по 27 ноября 2016 года [Электрон. ресурс]. URL: <http://okn.midural.ru/dni-konstruktivizma-na-urale-s-07-oktyabrya-po-27-noyabrya-2016-goda.html-0> (дата обращения: 10.01.17).
4. Конференция «Конструктивизм Екатеринбурга — шаг в 21 век» [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.resvuz.ru/ekb/index.html> (дата обращения: 10.01.17).

УРАЛМАШ ЗА СКОБКАМИ

В. И. Бархатов, П. Р. Кадыров,
Институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования
Челябинского государственного университета,
Челябинск

РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ НЕОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

На современном этапе развития Россия оказалась в крайне непростой ситуации, для выхода из которой нам необходим переход к новому качеству развития. Сегодня абсолютно очевидно, что экспортно-сырьевая модель социально-экономического развития России неэффективна и возникла потребность в разработке новой модели развития. Наиболее актуальной и эффективной моделью социально-экономического развития на сегодняшний день является модель неоиндустриального развития. В данном исследовании раскрыто понятие неоиндустриализация, а также разработан план мероприятий по реабилитации высвобожденных промышленных территорий индустриального города.

Ключевые слова: неоиндустриализация, структурная трансформация, благосостояние, производственные силы.

Сегодня Россия столкнулась со множеством различного рода проблем. Существующая модель социально-экономического развития страны, просуществовавшая на протяжении последней

четверти века, оказалась неспособна решать накапливающиеся в экономике и в обществе проблемы. Экспортно-ориентированная модель социально-экономического развития сегодня не способна генерировать инновационный путь развития России. Усиливающееся социальное расслоение в обществе, ухудшающаяся мировая политическая обстановка, введение санкций западными странами усугубили и без того существующие проблемы современной России. Наиболее актуальной концепцией социально-экономического развития страны на сегодняшний день является преобразование структуры российской экономики на основе неиндустриальной концепции [1, с. 74].

Одним из многочисленных критериев оценки эффективности, работоспособности и актуальности структурных преобразований российской экономики в рамках неиндустриальной концепции является понятие благосостояние, а точнее — рост благосостояния. Итоговые результаты любых экономических преобразований оцениваются по критериям макро- и микроэкономической стабилизации, но также и по абсолютно реальным показателям изменения материального и духовного благосостояния людей, по их положению в системе социальных отношений. Времена стихийных реформ 1990-х годов, связанных с формированием рыночных отношений, актуализируют сегодня вопросы регулирования социально-экономических процессов, и особое значение здесь приобретает вопрос неравномерного распределения доходов населения, напрямую влияющий на рост благосостояния.

Исходя из вышеопределенного проблемного поля, основной целью данного исследования является раскрытие процесса структурных преобразований российской экономики на основе неиндустриальной концепции развития и демонстрация того, как изменится облик индустриального города при реализации данных структурных преобразований.

В России проблеме разработки новой модели социально-экономического развития уделяется большое внимание. Решением данной проблемы активно занимаются такие ученые, как В. И. Бархатов [1–3], С. Д. Бодрунов [4], С. Ю. Глазьев [5 и др. Основными факторами производства на сегодняшний день ста-

новятся информация и знания, нематериальные интересы становятся доминантой социального развития, тем самым открывая простор для модернизации производственных отношений [2, с. 214]. Профессор С. С. Губанов [6] подробно освещает основные вопросы неоиндустриализации, причины возникновения и особенности преодоления ее последствий, разрабатывая «дорожную карту» неоиндустриализации России и предлагая методы и условия перехода от сырьевой направленности развития экономики к инновационной. Также большой вклад в решение данной проблемы внесли работы Ю. Ш. Капкаева [7–11], в которых данная проблема была рассмотрена с позиции неоиндустриализации России и последующих перспектив развития экономики нашей страны

На современном этапе экономического развития России модернизация должна осуществляться на базе неоиндустриализации. По мнению С. С. Губанова, неоиндустриализация — это приоритетное направление перехода к инновационной экономике. Процесс неоиндустриализации он описывает как исторически закономерный процесс развития производственных сил, который разворачивается после завершения первой фазы индустриализации (электрификации). Вторая фаза индустриализации представляет собой автоматизацию и компьютеризацию производственного аппарата. Благодаря компьютеризации, автоматизированной становится не только рабочая машина, но и управляющая, а производительные силы принимают форму электронной триады: работник — ЭВМ — автоматизированные средства производства [6, с. 76].

Основная цель структурных преобразований российской экономики на основе неоиндустриальной концепции развития заключается в реструктуризации народнохозяйственной системы, функционирующей в соответствии с принципами:

- трудосбережения;
- вертикальной интеграции;
- стратегии управления запасами «точно вовремя»;
- безлюдности;
- безотходности;
- рециркуляции ресурсов;

- воспроизводства человека и здоровой окружающей среды.

Если говорить про качественные и количественные характеристики неоиндустриальных структурных преобразований российской экономики, то в качестве качественной меры данного процесса выступает прогрессивное изменение характера труда и структуры занятости, которое сопровождается сокращением доли физического труда и увеличением доли умственного, а также становлением интеллектуального труда как массового и преобладающего. К количественным показателям данного процесса можно отнести удельный вес автоматизированных и оцифрованных рабочих мест в народном хозяйстве, и в первую очередь — в материальном производстве.

Основным результатом структурных преобразований российской экономики на основе неоиндустриальной концепции развития можно будет считать достижение технотронного уровня развития производительных сил.

Основываясь на теории политэкономии, в основе производительных сил лежит закон экономии живого труда, выполнение которого предполагает объединение государственного и рыночного механизма управления экономикой страны с повышением роли централизованного руководства. Производительные силы — это совокупность всех компонентов, непосредственно принимающих участие в создании материальных благ в процессе производительного труда [2, с. 283]. Наиболее важным в решении вопросов научно-технического развития страны на современном этапе является переход на качественно новые параметры развития производительных сил и развития российской экономики, которые напрямую связаны с успешностью малого и среднего бизнеса. В этих формах и структурах предпринимательской активности могут наиболее полно раскрываться возможности личности как субъекта производства, реализовываться его экономические интересы и, в конечном счете, удовлетворяться как общественные, так и личные потребности человека [3, с. 14].

Социальный результат новой индустриализации воплощается в формировании основ нового общества, для которого на пер-

вом месте стоит воспроизводство человека и качества жизни, а не прибыли. Подъем производительных сил на технотронный уровень развития гарантирует превращение науки в непосредственную производительную силу общества.

Стратегия структурных преобразований российской экономики на основе неоиндустриальной концепции развития — это наиболее актуальная на сегодняшний день стратегия устойчивого развития. Говоря об изменении структуры, не стоит забывать о том, как должен будет измениться облик города, какой облик примут индустриальные города в процессе неоиндустриализации отечественной экономики. Поскольку мы говорим о глобальных изменениях экономики в целом и об изменении подхода к труду и распределению ресурсов, то и подход к качеству жизни в городской среде также изменится. На сегодняшний день в городах индустриального типа существует тенденция к переносу больших промышленных производств и элементов транспортной инфраструктуры за границы городского пространства. Следовательно, в данной ситуации рождается логичный вопрос о том, делать с высвобожденными в процессе неоиндустриальных преобразований нефункционирующими производственными территориями. Ответ кроется в стратегии реабилитации промышленной территории. В процессе разработки данной стратегии был проведен анализ различных терминов, формирующих план мероприятий по реабилитации промышленных территорий. основополагающий термин в данном случае — устойчивое развитие территории. Данный термин появился в результате объединения трех основных измерений, а именно экономического, социального и экологического. Отталкиваясь от современной урбанистической теории, концепция устойчивого развития — это развитие, которое отвечает современным потребностям и не создает угроз возможностям будущих поколений удовлетворять их потребности.

Экономическая составляющая понятия «устойчивое развитие» заключается в оптимальном использовании ограниченных ресурсов, использовании экологичных природо-, энерго- и материалосберегающих технологий, включающих добычу и переработку сырья, создание продукции, соответствующей экологиче-

ским нормам, а также минимизацию неэкологичного способа переработки и уничтожения отходов.

Социальная составляющая понятия «устойчивое развитие» заключается в идее заботы о человеке. Здесь человек рассматривается как соучастник процессов, которые формируют окружающую среду вокруг него. Он может содействовать принятию и реализации решений, а также контролировать их исполнение. Именно с этим связано изменение содержания проектов по изменению городской среды в XXI веке, а именно смещение интересов от города в сторону горожан этого города. В таких проектах наиболее подробно обоснованы строительство парковых, социокультурных, туристических, выставочных объектов, которые активно реализуются в мире.

Экологическая составляющая понятия «устойчивое развитие» заключается в том, что развитие должно обеспечивать целостность биологических и физических природных систем, а в качестве такой системы можно рассмотреть и городскую природу, как уже существующую, так и искусственно созданную. Наиболее важна в данном случае способность данной системы к самовосстановлению и динамической адаптации к различного рода изменениям.

Сегодня все большую актуальность приобретает мысль о том, что для улучшения благосостояния человека необходимо достижение гармонии природы и человека в городской среде, а для достижения гармонии необходимо восстановление участков городской территории, которые после индустриальной эпохи доведены до истощенного состояния.

Сегодня большая часть промышленной территории и архитектурных объектов, привязанных к данной территории, находится непосредственно в городской среде и, как правило, пребывает в неизменном или подвергшемся косметическому ремонту состоянии. Данные объекты строились с целью подчинения человека техногенной среде, превращения человека в один из элементов технической системы. Но сегодня концепция городской среды меняется на противоположную — городская инфраструктура должна строиться вокруг и для человека.

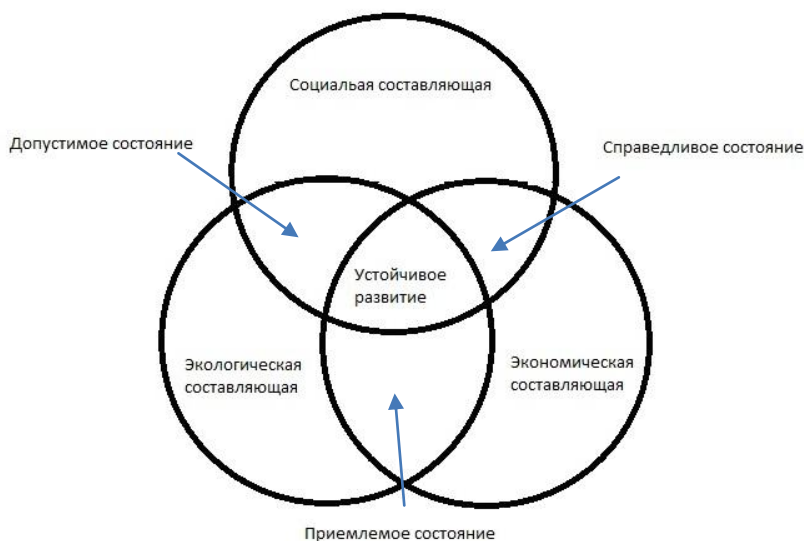

Рис. 1. Составляющие понятия «Устойчивое развитие городской среды»

Для более подробного раскрытия понятия устойчивого развития городской среды необходимо рассмотреть ряд терминов, присущих стратегии реабилитации промышленной территории: конверсия, трансформация и реновация.

Суть понятия реновация, применительно к стратегии реабилитации промышленной территории заключается в

- снижении техногенной нагрузки на окружающую среду;
- компенсации утраченных территорий городских парков за счет создания рекреационных пространств на реорганизуемых хозяйственно-промышленных территориях;
- сохранении образных характеристик постиндустриальной городской среды, способствующих сохранению «преемственных связей поколений».

В качестве основных параметров процесса конверсии промышленной территории можно выделить

- озеленение;
- экологию;
- создание общественных зеленых пространств;
- формирование или совершенствование образа города.

Понятие трансформация почти схоже с понятием реновация. Трансформация в контексте стратегии реабилитации промышленной территории заключается в

- частичный вынос производств за пределы городской черты;
- полную модернизацию существующего производства;
- консервацию территории в том случае, когда она имеет историческую ценность.

Понятие реновация в контексте стратегии реабилитации промышленной территории раскрывается как адаптивное использование зданий, сооружений, комплексов при изменении их функционального назначения. В качестве примера позитивного опыта комплексного подхода к промышленной территории можно привести комплекс газгольдеров в Вене (рис. 2).

Сегодня большинство специалистов солидарны в том, что полноценное существование города или его части возможно только через разнообразие.

Реабилитация нефункционирующих промышленных территорий индустриальных городов Уральского федерального округа является долгосрочным процессом городской среды. Основная идея данного процесса заключается в осуществлении интеграции нефункционирующих промышленных территорий в городское пространство и достижение высоких экологических показателей.

В комплекс мероприятий по реабилитации нефункционирующих промышленных территорий индустриальных городов Уральского федерального округа необходимо включить:

- развитие существующего потенциала промышленной территории, которое будет учитывать исторические и социокультурные параметры города;

Рис. 2. Комплекс газгольдеров, г. Вена

- полную или частичную функциональную трансформацию промышленных объектов и пространств, связанную с требованием преодоления монотонности и монопрофильности;
- экологическую реабилитацию территории;
- гуманизацию пространства как следствие учета образа жизни горожан;
- эстетическое и стилевое разнообразие пространства;
- формирование или интенсификацию визуальных, транспортных и других коммуникаций и смысловых связей с городским окружением.

Только выполнение данного комплекса мероприятий целиком, пусть и в различных пропорциях, даст положительный результат реабилитации нефункционирующих промышленных территорий индустриального города. Абсолютизация одного из направлений в данном случае нецелесообразна.

Задача состоит в обеспечении обратной связи территории по отношению к городу и природе в социальном, экономическом и экологическом плане.

Для определения того, как должен сегодня выглядеть современный, удовлетворяющий современному ритму и качеству жизни город, необходимо рассмотреть основные экономико-культурные модели и проанализировать, возможно ли применение данных концептуальных моделей к развитию того или иного индустриального города.

Модель индустриального города появилась как результат выхода человека за пределы зависимости от природы и создания собственного порядка на основе неуклонного подчинения жизни горожан промышленным целям и циклам. Временной период появления индустриального города — с начала XVIII по конец XX века. Ценности индустриального города заключаются в физическом выражении, а именно в архитектурных объектах, машинах, станках. Структура индустриального города диктуется не социальной составляющей, а потребностями производства. Фактором успеха существования индустриального города является «высота трубы», а знаком социального престижа — степень удаленности дома или места отдыха горожанина от предприятий.

Модель постиндустриального города сформировалась к концу XX века и была ориентирована на финансовые и имиджевые цели. В это время развивалась индустрия услуг; в постиндустриальном городе все больше внимания уделяется сфере распределения и потребления, а не производству. При переносе акцента со сферы производства на сферу распределения и сбыта возрастает роль коммуникаций, в большей степени маркетинговых. Целям маркетинга подчинены и многие культурные проекты, такие как брендинг города, формирование его имиджа, проведение событий разного масштаба и т. п. Исходя из маркетинговых целей, индустриальный город меняет свою структуру: в его центре возникает большое число офисных зданий, а четко структурированное прежде пространство становится размытым и практически нефункциональным. На прежних промышленных территориях возникают моллы, центры искусства или лофты, а сами промышленные объекты вытесняются на периферию города, подальше от центра с его дорогостоящей землей.

Модель неоиндустриального города, города XXI века, формируется сегодня. Феномен неоиндустриального города вызван изменением характера производства, развитием компьютерных технологий, а также переходом к энерго- и ресурсосберегающим технологиям. Модель неоиндустриального города соответствует всем параметрам понятия «устойчивое развитие», так как в основе, идеологии такого города заложены принципы экологизации мышления людей.

В основе идеологии неоиндустриального города лежит интеллект и умственный труд и, как следствие, в центре внимания оказываются исследователи, ученые, креативные работники. Так, наличие слоя фрилансеров, объединяющих дом и место работы, в одних случаях оборачивается снижением транспортной нагрузки, в других — необходимостью создания общественных пространств для встреч, презентаций, деятельности краткосрочных проектных групп и т. п. Другая тенденция — энерго- и ресурсосбережение — приводит к появлению новых архитектурных форм, выглядящих не вполне престижно с точки зрения индустриального и постиндустриального города, а значит, требующих действий по разъяснению, просвещению потребителей. Особой проблемой становится в это время трансформация промышленного наследия, вызывающая ныне большой интерес как у исследователей, так и у общественности.

Модель неоиндустриального города в России только-только начинает формироваться, а деятельность по созданию градостроительных, архитектурных, дизайнерских объектов не стоит на месте.

Литература

1. Бархатов В. И., Дьяченко О. В. Инновационно-креативная экономика как альтернативный путь деиндустриализации экономики России // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 65–79.

2. Бархатов В. И., Журавлева Г. П. Неоэкономика в современной экономической теории. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2011. 327 с.

3. Бархатов В. И., Батманов Д. И., Капкаев Ю. Ш. Проблема развития производительных сил в национальной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 18 (373). С. 9–17.

4. Бодрунов С. Д. Интеграция производства науки и образования и новая индустриализация России // Ведомости. 2014. 19 ноября.

5. Глазьев С. Ю. Об антикризисной стратегии России // Российский экономический журнал. 2009. № 6. С. 3–36.

6. Губанов С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция // Экономист. 2008. № 9.

7. Капкаев Ю. Ш., Добровольский И. П. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11 (366). С. 56–63.

8. Капкаев Ю. Ш. Выбор между благосостоянием и комфортом в контексте устойчивого развития // Материалы конференции «Устойчивое развитие в неустойчивом мире». М: Перо, 2014. С. 27–28.

9. Капкаев Ю. Ш. Роль государства, бизнеса и граждан в достижении социальной справедливости при сохранении экономической эффективности // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция. 2014. С. 385–398.

10. Капкаев Ю. Ш. Особенности распределительной справедливости при формировании институциональной модели социального государства // Социокультурные аспекты развития регионов: сборник научных трудов. Челябинск: НОУ ВПО ЧИЭП им. М. В. Ладощина. 2010. С. 153–159.

11. Зайченко А. В., Капкаев Ю. Ш. Проблемы социально-экономического развития и роста территории // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. № 6 (50). С. 28–35.

В. А. Гудаев, А. С. Славина,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

БИБЛИОТЕКА [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

К началу XXI века из-за массового внедрения компьютеров и широкого распространения информационных технологий библиотеки становятся все менее востребованными среди молодежи, что вызывает необходимость их преобразования. В тексте статьи будут рассмотрены примеры нестандартной трансформации библиотек.

Ключевые слова: Библиотека, трансформация, чайная, книги, произведения, кофе, чтение, культура.

Актуальность данной темы обуславливается тем, что к началу XXI века из-за массового внедрения компьютеров и широкого распространения новых информационных технологий библиотеки становятся все менее и менее востребованными среди молодежи, что вызывает необходимость преобразований.

Это в первую очередь связано с тем, что практически вся информация теперь стала легкодоступной, а ее поиск производится значительно быстрее, чем поиск в реальной библиотеке. При необходимости книгу можно купить в книжных магазинах. Все это приводит к необходимости трансформации библиотек в место, привлекательное для молодежи.

Библиотека, согласно толковому словарю, это «учреждение, собирающее и хранящее произведения печати и письменности для общественного пользования, а также осуществляющее справочно-библиографическую работу» [1].

Существует множество примеров трансформации библиотек в самых разных странах мира. Большинство из них просто приобрели современный дизайн и улучшенную инфраструктуру, а часть претерпела кардинальные изменения.

В Москве (Россия) одна библиотека была объединена с кальян-баром с уютной летней верандой; в этом месте посетите-

лям предлагают не просто почитать их любимые книги в непринужденной обстановке, но также и заказать себе кальян с чаем.

В Одессе (Украина) одна из библиотек трансформировалась в библиотеку на пляже, чтобы отдыхающие могли читать интересующие их книги во время отдыха на свежем воздухе.

В США и многих других странах уже давно и успешно развиваются библиотеки-кафе, в которых читателям предлагается не только читать интересующие их книги, но и выпить чашку кофе, чая, молочный коктейль или что-нибудь другое.

В Великобритании некоторые старые телефонные будки были модернизированы в мини-библиотеки, где проживающие поблизости люди могут брать понравившиеся им книги для чтения дома, в парке или где-нибудь еще.

В Болгарии, Швеции и Израиле некоторые городские и междугородные автобусы были трансформированы в мобильные библиотеки. В таких автобусах пассажиры могут провести время с пользой, читая интересующие их книги во время поездки.

На наш взгляд, один из возможных путей трансформации библиотеки — это совмещение ее с местом для отдыха и досуга.

В ходе трансформации библиотеки будет необходимо изменить ее внутреннюю структуру. Сейчас библиотеки в основном состоят из семи основных отделов:

- отдел читальных залов;
- отдел хранения библиотечных фондов;
- центр визуальной информации;
- отдел абонементов;
- отдел культурных программ;
- отдел информационных технологий;
- отдел комплектования.

Нецелесообразно изменять все отделы библиотеки, следует изменить лишь три из них.

Для начала предлагается преобразовать отдел читальных залов. Молодежи будет гораздо интереснее и приятнее читать книги в уютной для них обстановке, так что можно перестроить читальные залы в небольшие комнаты, интерьер которых будет полностью соответствовать интерьеру комнат, в которых жили

известные писатели, такие как Марк Твен, Лев Толстой, Александр Пушкин и другие. Другие читальные залы можно обновить немного в другой форме, а именно взять интерьер из известных произведений — «Мастер и Маргарита», «Великий Гэтсби», «Рассказы о Шерлоке Холмсе», «Унесенные ветром» и других. Молодежи будет интересно окунуться в атмосферу, в которой писались великие художественные произведения, а также непосредственно в атмосферу некоторых произведений.

Следующий отдел, которого коснется трансформация, будет отдел абонементов. В данном отделе предлагается организовать мини-кухню, читатели могли покупать себе чай, кофе и что-нибудь перекусить. В этой библиотеке-чайной будет самообслуживание клиентов, в отличие от официантского обслуживания в кафе.

Далее изменения должны коснуться деятельности отдела культурных программ. Предлагается разнообразить количество культурных программ для более тесного общения молодых людей, для знакомства их между собой, и активно проводить вечера обсуждений художественных произведений, в том числе по выбору читателей. Также необходимо сделать интерьер данного помещения похожим на малые залы, чтобы разница между ними была незначительной.

Для поддержания интереса читателей и привлечения новых предлагается организовать систему бонусов, которые будут мотивировать молодежь читать больше книг и посещать разные мероприятия. Например, за прочтение пяти книг читатель будет получать значок 5-го ранга, за прочтение десяти — уже 4-го ранга, а за прочтение 25 книг может выдаваться значок 1-го ранга. Также можно поступить с различными мероприятиями, например, выдавать значки другого вида за посещение разных вечерних обсуждений и др. То есть создать систему наград, достижений и бонусов. Например, за то, что у читателя есть несколько значков 3-го ранга, ему можно будет бесплатно брать себе чай или кофе. А за то, что он активно посещает различные мероприятия и выступления местных авторов, ему будет полагаться скидка на продукцию к чаю.

Представляется возможным создать социальную сеть и мобильное приложение, которые соединят все библиотеки города и в которых у пользователей будут отмечаться прочитанные книги, отзывы и «достижения», а также еще много другой информации.

Таким образом, все эти изменения позволят сделать библиотеку более привлекательной для молодежи. Интересный дизайн интерьера, возможность прочитать интересную книгу за кружкой чая и возможность пообщаться о прочтенных книгах будут привлекать молодежь.

При этом важно сохранить саму структуру библиотеки и помнить, что библиотека связана с книгами и знанием. Главной целью библиотеки должно быть получение новых знаний из источников, хранящихся в ней. Производя трансформацию, необходимо придерживаться именно этой цели.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

Е. Д. Дружко, Ю. Ш. Капкаев,
Челябинский государственный университет,
Челябинск

ГАРМОНИЗАЦИЯ РЕКЛАМНОГО И АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА МЕГАПОЛИСОВ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются способы повышения комфортности мест проживания и ежедневного посещения городских жителей. Проводится исследование влияния рекламного пространства на уровень жизни горожан, их здоровье, самочувствие и уровень стресса. Формулируется понятие гармонизация. На основе исследования определяются возможные рамки для наружной рекламы и информационных вывесок, производится сравнение европейских и российских кодексов рекламы. Предлагается использование таргетинга для сбалансированности городской среды.

Ключевые слова: комфортность, рекламное пространство, гармонизация, таргетинг.

Примерно в 60-х годах прошлого века широко осуществлялась освоение индустриальных городов, началась активная систематизация застройки и ее рациональное планирование [1, 20]. Появилась новая типология городских поселений. Тип города определялся в зависимости от размера, населения, специализации и инфраструктуры. Так же в это время появилось много моногородов. Промышленные города развиваются особым образом [2, 260], их развитие зачастую закичивается на одном предприятии и производимой им продукции.

Потенциал любого постиндустриального города очень велик. Городская застройка является индикатором социально-экономических трансформаций. На данный момент изменения заключаются только в модернизации советских строений путем не капитальных, а внешних эмпирических изменений и все более плотной застройки жилых и промышленных кварталов.

Сейчас у населения нет никаких препятствий для переезда в другой город, область или даже страну. Причин для такого решения может быть много: желание сменить обстановку, финансовые трудности, чувство небезопасности или мечта увидеть мир. Человек при выборе места жительства учитывает много критериев. Важно создать в городе комфортную гармоничную среду. Так как требования горожан к качеству жизни постоянно повышаются, городской дизайн преследует социальные цели [3, 223].

Но готовы ли жители постсоветского пространства к изменениям? Постиндустриальный город представляет собой город, в экономике которого преобладает промышленность, но доля населения, занятого в сфере услуг, выше, нежели в промышленном производстве. И чаще всего внутри таких городов нет четкого разделения зон. На урбанистов и архитекторов ложится новая сложная задача по формированию новой структуры мегаполиса. «Мегалополис» в буквальном переводе с греческого означает город завышенных размеров, и зачастую их содержание, взаимодействие экономических процессов, координация и упорядоченность оставляют желать лучшего. Все эти критерии можно объединить и назвать их одним словом — ГАРМОНИЗАЦИЯ.

Визуальный облик городов и его дисгармония оказывают влияние на психологическое состояние здоровья горожан, на их стрессоустойчивость и работоспособность. Учеными доказано, что неблагоприятная визуальная среда в городе является одной из главных причин близорукости, которая встречается в 1,5–2 раза чаще, чем в сельской местности. Баннеры, вывески, объявления поглощают все свободные поверхности и пространства на фасадах домов. Инстинкты, в их прямом понимании, у человека отсутствуют, поэтому это делает поведение индивидуумов пластичным, гибким и разносторонним. Однако отсутствие жестких врожденных программ не отменяет тот факт, что мы существа биосоциальные; существуют чисто биологические факторы, которые определяют многие аспекты нашего поведения. Мы до сих пор реагируем так, как будто живем в дикой природе, где любой незначительный шорох кустов может предупреждать о

смертельной опасности. Современной архитектурной застройке присуща темно-серая, однообразная, грязная атмосфера, которую мы уже почти не замечаем. Но такой облик влияет на нас, наше сознание, неблагоприятно формируя его. Мы не замечаем и не запоминаем, но наш мозг хранит всю получаемую информацию (так, учеными было доказано, что ассоциация с рекламируемым товаром сохраняется в течение трех месяцев).

Большая часть наружной рекламы рассчитана на то, чтобы выбить человека из состояния замкнутости на себе и внутреннего равновесия, негативно влияя на психику человека, что ведет к усталости и раздражительности. Более того, наружная реклама, от которой невозможно укрыться, в какой-то степени зомбирует человека, изменяет его мировоззрение, жизненные принципы. Также возникают агрессивные видимые поля, на которых равномерно рассредоточено большое число одинаковых элементов. Это происходит по той причине, что изображения, полученные правым и левым глазами, трудно слить в единый зрительный образ. Исследования в ряде постсоветских мегаполисов позволяют сказать, что для центральных улиц более характерно хаотичное размещение «рекламы для рекламы», а не для ее потенциальных потребителей. Чаще всего используются малохудожественные поделки и приемы грубого психологического давления и манипулирования. Все это в совокупности превращается в визуальный мусор на улицах города. Такая реклама должна привлечь внимание из всего многообразия, и должна быть усвоена мгновенно. Поэтому существует даже несколько негласных правил для ее оформления (не более семи слов, не более двух картинок, правило контакта и т. д.).

Так как городская застройка всегда находится в тисках глобализации, есть возможность путем практически незначительных перемен преобразовать среду обитания простых городских жителей, очистив ее от медиа-загрязнения. На данный момент в некоторых городах России практикуется создание кодекса рекламы и создание единого стиля для ее оформления. В городах достаточно распространено нарушение рекламного законодательства — от использования рекламодателями мелкого и трудночитаемого шрифта в рекламных плакатах до несоответствия

проекта рекламной конструкции требованиям ее территориального размещения, достоверности рекламных сообщений, их корректности, наличию в них информации, отсутствие которой вводит потребителя в заблуждение. Но речь не пойдет о таких грубых ошибках в построении городской архитектуры и баннеров, размещаемых на улицах.

Нужно говорить о нарушении внешнего архитектурного облика сложившейся застройки и о нарушении требований законодательства РФ об объектах культурного наследия, их охране и использовании. Нужно найти тонкую грань и выстроить правильный баланс между рекламой и архитектурой [4, с. 29]. На исторических зданиях вывески не должны быть слишком длинными, слишком крупными, слишком яркими, слишком объемными. Оформление зданий рекламой может стать отдельным видом искусства. Некоторые считают требования к рекламе и регулированию этой сферы эфемерными, и без каких-то конкретных регламентов обойтись здесь нелегко.

Для примера можно взять опыт многих европейских городов. Цели правового регулирования рекламы в развитых странах носят в основном предупреждающий характер, в связи с чем методы и средства регулирования рекламы направлены на предупреждение правонарушений и сознательное, добровольное соблюдение субъектами рекламного рынка установленных правил. Чем моложе рыночная экономика в стране, тем больше в правовом регулировании рекламы запрещающих и обязывающих норм, жестких мер ответственности, активнее роль государственных органов в регулировании рекламы [5, с. 95]. Задача состоит в том, чтобы сохранить равновесие между архитектурой и бизнесом.

Для того чтобы добиться гармонизации рекламного и архитектурного облика города, предлагается:

1. Создавать типовые брендбуки компаний;
2. Запретить размещение в местах общего пользования штендеров, расклейки объявлений и афиш;
3. Размещать только одну настенную вывеску на одном фасаде здания в одной плоскости и на единой линии с другими на-

стенными вывесками на данном здании в одном цветовом решении;

4. Ввести процент возможной максимально занимаемой площади всех вывесок на одном здании (оптимальным будет 5–10%, в зависимости от размера и облика строения);

5. Обязать содержать рекламные конструкции в надлежащем состоянии (мыть и очищать рекламные конструкции и вывески по мере необходимости, но не реже двух раз в неделю или одного раза в месяц, в зависимости от формата и размера);

6. Запретить размещение какой-либо информации на асфальте или стенах зданий, что на данный момент относится к вандализму и карается штрафом от трех до пяти тысяч рублей;

7. Разработать стандарты с учетом транспортных потоков, туристических маршрутов, архитектурных особенностей;

8. Не допускать фактов отсутствия рекламной информации на рекламной конструкции.

Похожее согласование рекламных конструкций было проведено в Красноярске в 2014 году. Перемены были незначительные, но стали заметны многим жителям города. В городе Химки (Московская область) также приняли концепцию рекламного оформления торговых объектов. Согласно новому документу, в городском округе с целью придания фасадам единого облика предъявляются единые требования к вывескам на зданиях. Члены общественного совета по предпринимательству при мэре Хабаровска предложили разработать единые стандарты для создания наружной рекламы в краевом центре. Разработка кодексов для наружной рекламы в России идет неспешно, но нужно отдать должное тому вниманию, которое ей уделяется.

В Европе стоимость размещения рекламы в разы выше размещения в России. Рекламные вывески выполняются безукоризненно, они идеально вписываются в старинную атмосферу города, которая формировалась тысячелетиями. Иногда даже кажется, что реклама в городе совсем отсутствует. Вывески изготавливаются из металла и дерева, керамики, камня и стекла, не загромождая фасады, а, напротив, подчеркивая стилистику зданий и ни в коем случае не выбиваясь из духа всего города. Также, например, там нет рекламы финансовых услуг, оказы-

ваемых банками, есть только имиджевая реклама, которая удерживается в конкретных рамках. Развитие западноевропейской рекламы началось намного раньше российской, и это видно во многих аспектах. В России тоже имеется множество городов, которые могут похвастаться историческими зданиями и красивыми фасадами. Опыт Германии решили перенять власти Санкт-Петербурга: начиная с 2017 года здесь существенно сократилось количество щитовой рекламы, а основными рекламоносителями в историческом центре города становятся театральные тумбы. Но все же рекламщики никак не хотят расставаться с «сити-форматами».

Интересен в этом контексте такой рекламный механизм, как таргетинг (англ. target — цель), позволяющий выделить целевую аудиторию и показать рекламу именно ей. Нахождение потенциальных или существующих потребителей экономит место распределения рекламы. Благодаря такому способу появляется возможность точной оценки всех показателей рекламной кампании. Речь пойдет о системе анализа аудитории, которая работает на основании обезличенных данных операторов сотовой связи. В режиме реального времени происходит анализ аудитории, находящейся возле цифровых носителей. За доли секунды искусственный интеллект с учетом интересов именно этой аудитории выбирает, какой рекламный ролик показать в настоящий момент. Задача таргетинга довольно проста — нужно показать пользователю персонализированное сообщение. В связи с этим упомянем опыт компании SynapsLabs, которая разработала систему распознавания проезжающих автомобилей и опробовала ее на цифровом суперсайте РуссАутдор. Суть технологии в том, что на расстоянии 150–200 м от конструкции устанавливается камера, передающая информацию о самом автомобиле, а также скорости потока, положении транспортных средств по рядам и другие данные на компьютер, который проводит детальный анализ. Разработчики утверждают, что знают о проезжающих машинах абсолютно все: от марки, модели и госномера до рестайлинга кузова и наличия спортпакета.

В целом же поиски реально работающей технологии таргетинга выглядят перспективными и, скорее всего, рано или позд-

но она будет просчитана. Тогда и случится революция на рынке Out-of-Home.

В заключение можно сказать, что сегодня в России не уделяется должного внимания такой составляющей визуальной среды, как наружная реклама. Информационный переизбыток и хаос создает излишнюю тревожность для жителей регионов. Место проживания и места ежедневного посещения перестают казаться уютными и целостными. Мозг попросту не справляется с таким потоком информации. Когда мозг пытается потребить больше информации, чем способен, это приводит к пагубным последствиям.

В старопромышленных мегаполисах необходимо сформировать новую комфортную среду обитания [6, с. 71]. Перенасыщенный рекламный поток, связанный со стимулированием потребления, приводит к формированию противоречия между пользой от товара или услуги и уровнем затрат на приобретение [7, с. 30]. Окружающая население социально-экономическая среда оказывает существенное влияние на уровень жизни населения [8, с. 56]. Люди вынуждены выбирать между комфортными условиями жизни и растущими количественными параметрами благосостояния [9, с. 27]. Эти комфортные условия необходимо отвоевывать у промышленных компаний, формируя новый облик мегаполисов [10, с. 78]. При этом, конечно, нельзя забывать и о потребностях развивающихся в границах промышленных городов производительных сил [11, с. 9]. Гармонизация интересов бизнеса и населения позволяет обеспечить инвестиционную привлекательность городов [12, с. 118]. Возможности социально-экономического развития основаны на условиях существования коммерческого сектора и жителей территорий [13, с. 28]. При этом экономический рост возможен только при условии социально ответственного поведения всех участников экономических отношений [14, с. 8]. Бизнес становится успешным на долгое время, если он является социально ответственным [15, с. 130]. Именно проявление социальной ответственности позволит гармонизировать рекламный и архитектурный облик современных городов и обеспечить жителям более комфортные условия жизни.

Литература

1. «Город-карта»: стратегии переосмысления и реорганизации городских пространств: региональная молодежная научно-практическая конференция, 26 апреля 2012 г. Екатеринбург: ЕАСИ, 2012. 212 с.
2. Микроурбанизм. Город в деталях. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 347 с.
3. Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», 2009. 311 с.
4. Королева А. А. Современный урбанизм: особенности формообразования // Вопросы культурологии. 2015. № 5/6. С. 28–30.
5. Капкаев Ю. Ш. Формирование эффективной экономической политики в условиях глобализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 15. С. 95–102.
6. Капкаев Ю. Ш. Ресурсы Челябинской области как основа формирования комфортной среды жизнеобеспечения населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 12 (367). С. 71–78.
7. Капкаев Ю. Ш. Противоречия между полезностью и ценностью при рыночном обороте и потреблении товаров и услуг // Труды VII всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2016. С. 30–31.
8. Добровольский И. П., Капкаев Ю. Ш. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11. С. 56–63.
9. Капкаев Ю. Ш. Выбор между благосостоянием и комфортом в контексте устойчивого развития // Материалы конференции «Устойчивое развитие в неустойчивом мире». М: Перо, 2014. С. 27–28.
10. Капкаев Ю. Ш. Борьба за ресурсы среды комфортного проживания между корпорациями и сообществами // Международная научная конференция «Современные хозяйственные от-

ношения: вызовы глобализации», 16–17 октября 2013 года. М.: Перо, 2013. С. 78–81.

11. Бархатов В. И., Батманов Д. И., Капкаев Ю. Ш. Проблемы развития производительных сил в национальной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 18. С. 9–17.

12. Капкаев Ю. Ш. Компенсированное качество жизни и инвестиционная привлекательность территории // Материалы XXXIX научно-практической конференции с международным участием, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Миасс: Геотур, 2015. С. 118–124.

13. Зайченко А. В., Капкаев Ю. Ш. Проблемы социально-экономического развития и роста территории // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. № 6 (50). С. 28–35.

14. Исаева А. С., Капкаев Ю. Ш. Коммерциализация социальной ответственности как условие роста экономики РФ // Human Progress. 2016. Т. 2. № 3. С. 8.

15. Дьяченко О. В., Капкаев Ю. Ш. Корпоративная социальная ответственность как фактор успешности // Российской управление: формирование парадигмы — от заимствованных моделей к национальному опыту: научная конференция. М.: Российский экономический университет им. В. В. Плеханова. 2014. С. 130–132.

Е. С. Емельянова, А. А. Стариков,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

КУЛЬТУРНЫЙ РЕБРЕНДИНГ ГОРОДА

В статье представлены такие понятия, как «бренд города», «ребрендинг города», «геокультура», «культурный бренд», которые помогают определить суть культурного ребрендинга города, направленного на изменение отношения людей к городу и создание его культурной привлекательности. Культурный ребрендинг представляется как переосмысление образа территории путем обращения к наследию конструктивизма. Рассматривается возможность преобразования конструктивизма в символ Екатеринбурга, необходимость популяризации архитектурных объектов, возрождения их культурной и социальной значимости.

Ключевые слова: бренд, брендинг, культурный ребрендинг, конструктивизм.

Социокультурная специфика, заключающаяся в практиках городской повседневности, «символичности» территорий, поведенческих моделях взаимодействия власти и общества, определяет жизнь городов.

Екатеринбург, будучи российским мегаполисом, является не только административным, промышленным, научным центром, но и городом с богатой историей, со значительным культурным наследием и необычным географическим положением. От того, насколько использует свой культурный потенциал город, зависит его инвестиционная привлекательность, а значит, и уровень жизни, а территориальная индивидуальность и узнаваемость лежат в основе положительной репутации города [1].

Сделать город привлекательным — культурно и инвестиционно — одна из целей, которую преследует культурный ребрендинг. Прежде чем поговорим о ребрендинге, обратимся к таким понятиям, как «бренд» и «брендинг».

Бренд города — это «городская идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценно-

стях, образах, и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [2, с. 41].

Бренд города проявляется в городской среде и повседневной жизни. Так, городская среда определяет восприятие города жителями и создает городские смыслы, которые «врастают» в городскую среду и вновь заставляют менять представления жителей о городе [2, с. 39].

Бренд как нельзя лучше передает красоту, смысл, конкурентные преимущества и уникальность города, благодаря чему он становится знаменит и любим. Брендинг города — это процесс создания осознанного и целенаправленного формирования бренда города [2, с. 42].

Любая территория, будь то город или район, может быть репрезентована как геокультурный бренд, где геокультура — это не только процесс и результаты развития географических образов, но и «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов [3].

Наряду с городским пространством, инфраструктурой и сферой управления, на выращивание бренда в этой среде направлена культурная жизнь города. Она играет важную роль в развитии места, а потому культурный брендинг во многом определяет имидж города.

«Культурный бренд» входит в состав бренда территории. Здесь мы подразумеваем его определение «культурный» как основанный на результатах творчества (архитектура, музыка, литература, театр) [4].

Опираясь на отношение архитектуры и идентичности, можно сказать, что архитектурный ландшафт выступает неотъемлемой частью повседневной жизни. В то же время архитектура неразрывно связана с образной составляющей, что дает основания для ее символической репрезентации [3].

Как мы выяснили, брендинг создает особое впечатление о городе. Ребрендинг, в свою очередь, направлен на изменение уже существующего бренда. Поскольку ребрендинг полностью не искореняет старый бренд, но помогает ему эволюционировать, стать более привлекательным и эмоциональным [5], поче-

му бы не обратиться к наследию конструктивизма, имеющему историческую и культурную значимость для Екатеринбурга?

Наличие примечательных и неповторимых архитектурных объектов делает город «жемчужиной конструктивизма», что, несомненно, может выступать в качестве бренда города. Зачем создавать новые объекты и придавать им особый смысл в погоне за впечатляющим образом? Можно популяризировать культурное наследие, возродив значимость образов, бывших когда-то «лицом» города. Активные репрезентации бренда архитектуры конструктивизма сегодня, возможно, привлекут к нему большее внимание и помогут стать основополагающей брендом города в будущем.

Так, гостиница «Исеть», бывшая некогда общежитием для офицеров НКВД, в 2015 году стала площадкой для третьей Уральской индустриальной биеннале. Белую башню пытаются превратить в живую функциональную площадку с помощью проекта «Культурные лаборатории Белой башни». В бывшем Клубе им. Дзержинского сегодня пребывает Музей истории и археологии Урала. В ЦК «Орджоникидзеvский» (бывшей фабрике-кухне) проводятся выставки, мастер-классы, междисциплинарные научно-практические мероприятия, посвященные культуре города. Здесь же расположен вуз — Екатеринбургская академия современного искусства [6].

Администрация города Екатеринбурга совместно с издательством TATLIN представили посетителям официального портала Екатеринбурга маршруты по объектам конструктивизма и лучшие архитектурные практики столицы Урала с 2003 по 2015 годы [7].

Эти и многие другие проекты призваны придать жизнь объектам конструктивизма, возродить и подчеркнуть их культурную и социальную значимость.

Во многом благодаря «новой волне» исследователей конструктивизм превращается в повод для гордости за Екатеринбург. Если первое поколение исследователей было сосредоточено на архивной работе, то второе поколение не только пробудило интерес, но и превратило конструктивизм в важный ресурс культурного развития. Впервые в городе восстановление истории

места было через взгляд горожан. История архитектуры и истории людей — дорога не только к сохранению, но и превращению конструктивизма в главный символ города [8].

Переосмысление образа Екатеринбурга через призму истории архитектуры и историй людей — таким мы видим процесс культурного ребрендинга города.

Литература

1. Газалиева Н. И. Ребрендинг в маркетинге территорий [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rebranding-v-marketinge-territoriy> (дата обращения: 07.07.2017).

2. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2001. 160 с.

3. «Город невест»? Брендинг территорий и региональные идентичности: материалы всероссийской научной конференции / под ред. М. Ю. Тимофеева. Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2013. 115 с.

4. Гуляев И. И., Лиховец К. В. Культурный брендинг и теоретические основы территориального брендинга [Электрон. ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/article/6946/pdf> (дата обращения: 10.07.2017).

5. Ребрендинг: цели, задачи, этапы [Электрон. ресурс]. URL: http://www.nazaykin.ru/_br_rebranding.htm (дата обращения: 10.07.2017).

6. Екатеринбург 2018 / Конструктивизм Екатеринбурга [Электрон. ресурс]. URL: <http://welcome2018.com/cities/ekaterinburg/constructivism-ekaterinburg> (дата обращения: 11.07.2017).

7. Официальный портал Екатеринбурга [Электрон. ресурс]. URL: https://екатеринбург.рф/дляработы/гиз/маршруты_и_практики#photo=020292ed7d8175ae7e711976b1891710 (дата обращения: 15.07.2017).

8. Москвин Д. Е. Почему Екатеринбург полюбил конструктивизм. Жители «городка чекистов» оказались интереснее его

архитектуры [Электрон. ресурс]. URL:
<https://momenty.org/people/i163859> (дата обращения: 15.07.2017).

Экскурсия Дмитрия Москвина (справа) «Уралмаш между “наследием” и “утопией”». На переднем плане — Сергей Стариков

К. И. Иванов, А. С. Славина,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЕЕ [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

В современном обществе наблюдается низкий уровень заинтересованности людей в посещении музеев и выставок, что может быть связано со многими причинами (нехватка времени, интереса и т.п.). Поэтому многие музеи стали применять новые методы организации экспозиционного пространства с целью привлечения большего числа посетителей. Один из этих методов — использование цифровых технологий в экспозиционном пространстве музея. В данной статье описывается опыт использования цифровых технологий на примере некоторых популярных музеев и выставок.

Ключевые слова: музей, цифровые технологии, мультимедиа, экспозиционное пространство, выставки.

Согласно определению, данному на сайте международного совета музеев, музей — это открытое для общественности некоммерческое учреждение, которое приобретает, исследует, хранит и демонстрирует материальное и нематериальное наследие человечества и его окружающей среды в целях изучения и образования [1]. Музей — это мост между культурами, мост между прошлым, настоящим и будущим. Одной из задач музеев в современном мире является приобщение человека к культуре и традициям других народов. Культура и искусство — та основа, на которой строится цивилизация, а музей — один из кирпичиков в этой слаженной системе ценностей. Тем не менее, на рубеже веков наблюдаются тенденции потери интереса к музейным экспозициям в целом [2].

В современном обществе люди стали реже посещать музеи. Всероссийский центр изучения общественного мнения 19 мая 2017 года представил данные исследования о популярности музеев и международной акции «Ночь музеев» в нашей стране. По результатам опроса выяснилось, что больше половины россиян последний раз были в музее несколько лет назад [3].

В связи с понижением интереса у людей к музеям у последних возникает необходимость использования новых методов организации экспозиционного пространства, усиления аттрактивности и информативности музейного предмета. Один из таких методов — интеграция цифровых технологий в музейное пространство, использование различных мультимедийных инсталляций. Использование средств мультимедиа в деятельности современных музеев является одной из наиболее перспективных тенденций развития музейного пространства [4, с. 170], Применение цифровых технологий в музейной экспозиции имеет ряд преимуществ:

- **Расширение информационного пространства экспозиции в условиях ограничения размеров помещений.** Цифровые технологии открывают новые уровни размещения информации об экспонате.

- **Усиление аттрактивности экспозиции.** Цифровые технологии предоставляют возможности творческого использования компьютерной техники и информационного потенциала музейного предмета, позволяют реализовать разнообразные творческие идеи сценариста экспозиции, наполнить экспозиционное пространство визуально-выразительными интерактивными элементами, что является привлекательным для современного посетителя.

- **Повышение доступности информации.** Значительная часть посетителей экспозиции производит осмотр без услуг экскурсовода, в результате чего одиночному посетителю в ряде случаев понятен не весь демонстрируемый материал. Цифровые средства позволяют комментировать, представлять предмет в контексте виртуального пространства, которое дает возможность воспроизвести атмосферу времени существования предмета.

- **Поддержание качества музейного сервиса на мировом уровне.** Цифровые технологии по причине новизны интересны сами по себе. В связи с этим на современном этапе для посетителя привлекательным является как само оборудование, так и наполняющее его содержание (контент). Оригинальные музейные проекты с использованием цифровых технологий вы-

зывают интерес, способствуют продвижению позитивного имиджа музея.

- Повышение степени использования населением информационных технологий в повседневной жизни. Информационные технологии окружают и сопровождают современного человека, во многом определяют его отношение к отдельным предметам действительности. Умение использовать цифровые технологии становится для современного человека необходимым навыком. Таким образом, посещая экспозицию, включающую цифровые средства, посетитель расширяет свои знания в сфере пользования современной цифровой техникой [5, с. 56].

Для организации пространства музейной экспозиции используются следующие виды цифрового оборудования:

- средства отображения информации (проекторы, плазменные и ЖК-панели, интерактивные доски, фоторамки для электронных фотографий, видеокубы, светодиодные экраны, псевдоголограммы и др.);

- средства озвучивания помещения;
- средства аудио- и видеоконференцсвязи;
- средства обработки и передачи сигналов;
- средства управления функционалом комплекса

[5, с. 58].

Рассмотрим несколько примеров использования цифровых технологий в музеях.

Музей Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге в своем экспозиционном пространстве использует цифровые технологии, работа которых направлена на усиление восприятия у посетителя, по принципу иммерсивного пространства. Экспозиция гармонично дополнена аудио- и видеосопровождением, что делает ее максимально эффектной. Каждый зал музея оснащен мониторами, проекторами и аудиотехникой, которые воспроизводят записи и материалы времен, о которых рассказывает экспозиция, что позволяет посетителю максимально погрузиться в атмосферу эпохи [6].

Музей истории Екатеринбурга — один из старейших музеев города. В нем имеется 3D-кинотеатр, мультимедийная книга по истории Екатеринбурга и интерактивная доска с наскальной жи-

вописью. Медиакнига Realbook — это мультимедийная книга, обложка которой стилизована под очертания уральских гор, а на ее страницах можно увидеть Екатеринбург XVIII и XXI веков, то, каким он и его сооружения были раньше, и каковы они сейчас. Изображение проецируется на книгу с помощью специального проектора. В зале «Археология. Праистория» имеется интерактивная сенсорная доска, на которой посетитель может нарисовать по точкам фрагменты Северной писаницы или создать свое собственное наскальное изображение. Рядом с интерактивной панелью находится киоск, где доступен большой объем информации об археологических экспедициях, находках и археологических коллекциях екатеринбургских музеев [7].

Хорошим примером выставки, использующей цифровые технологии, является выставка Van Gogh Alive. Выставка располагается в нескольких широких комнатах, в которых на пол, стены и потолок проецируются изображения произведений художника, создается иммерсивное пространство. В начале выставки расположены информационные панели, на которых рассказывается о Ван Гоге и его творчестве [8]. Выставка использует уникальную систему SENSORY4: специальная программная система, управляемая мощными компьютерами, контролирует до 40 проекторов с высоким разрешением и цифровую систему объемного звучания [9].

Также многие музеи предоставляют возможность совершать виртуальные экскурсии по своим экспозиционным залам на своих сайтах. Например, на сайте Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина посетитель имеет возможность просматривать залы музея в виртуальном панорамном режиме. Этот режим представляет собой высококачественную фотопанораму, снабженную аудиогuidaми и текстовыми пояснениями к залам и экспонатам. Также эту виртуальную экскурсию можно совершить в режиме виртуальной реальности с использованием очков Cardboard VR и мобильного устройства. Сами очки выступают в роли рамки, внутри которой экраном виртуальной реальности служит экран смартфона со специальной программой. В обоих режимах доступны функции перемещения между пятью зданиями, внутри каждого — между этажа-

ми, залами и точками обзора в зале, функции вызова аудиосопровождения к залу и экспонату [10].

Подводя итоги, стоит сказать, что музейное пространство в XXI веке стало именно той сферой, в которой наблюдается творческий, оригинальный подход к использованию цифровых технологий. Конечно, не стоит считать, что «музей будущего» сводится к виртуальному или цифровому музею [5, с. 61], тем не менее музеи XXI века продолжают развиваться и интегрировать цифровые технологии в свою деятельность.

Литература

1. The World Museum Community [Электрон. ресурс]. URL: <http://icom.museum> (дата обращения: 18.06.2017).

2. Плытник Е. Г. Международный день музеев и «Ночь музеев» как средства укрепления роли музеев в современном обществе // Искусство и культура. 2013. № 3 (11). С. 74–78.

3. ВЦИОМ [Электрон. ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

4. Клементьева Н. В., Перминова К. В. Мультимедиа технологии в деятельности музеев (на примере музеев Кировской области) // Актуальные вопросы современной науки и образования. 2016. С. 170–174.

5. Смирнова Т. А. Музей в 21 веке: интеграция цифровых технологий в экспозиционное пространство // Информационное общество. 2012. № 4. С. 55–61.

6. Ельцин-центр [Электрон. ресурс]. URL: <http://yeltsin.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

7. Ascreenim [Электрон. ресурс]. URL: <http://ascreenim.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

8. Van Gogh Alive — The Experience [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.vangoghologna.it> (дата обращения: 18.06.2017).

9. Grande Exhibitions [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.grandeexhibitions.com> (дата обращения: 18.06.2017).

10. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.arts-museum.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

Ю. Ш. Капкаев, В. В. Лешинина,
Челябинский государственный университет,
Челябинск

РАЗВИТИЕ «ГИБКОЙ» ЗАНЯТОСТИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Развитие индустриальных городов сегодня зависит от рынка труда, который с каждым годом становится более динамичным. На мобильность внутри страны оказывает влияние международная мобильность, так как происходит приток иностранных граждан в РФ как в качестве высоко-, так и малоквалифицированной рабочей силы. Следовательно, вопросы, связанные с привлечением молодых специалистов, актуальны и требуют особого внимания. В статье раскрыты конкретные проблемы использования трудовых ресурсов и их мобильности. Приведены основные пункты создания привлекательных условий труда для отечественных и высококвалифицированных иностранных специалистов.

Ключевые слова: индустриальные регионы, мобильность, рабочая сила, человеческий капитал.

В условиях новой парадигмы развития индустриальных городов необходимо в первую очередь разобраться в перспективах использования рабочей силы. При этом отдельно необходимо разобраться в вопросах трансформации взаимоотношений с высококвалифицированными специалистами. Особенности формирования человеческого потенциала [1] оказывают существенное влияние на культурное будущее российских городов, обеспечивая социально-экономическое развитие (в том числе моноотраслевых территорий) [2].

Правильное определение трендов развития рабочей силы позволяет определить условия повышения качества жизни и обеспечить рост благосостояния [3]. Именно благосостояние — основа культурного будущего, поскольку человек обеспеченный необходимым уровнем качества жизни способен к саморазвитию. В свою очередь саморазвитие создает условия для роста уровня жизни [4]. Полноценно сформированный человеческий капитал является основным ресурсом социально-

экономического развития территории [5]. В этом контексте особую актуальность в современных условиях приобретает вопрос инвестиционной привлекательности территорий, основанной на качестве жизни [6]. Особую роль в развитии инвестиционной активности и привлекательности играет местное самоуправление [7], создающее условия для интереса бизнеса, в том числе за счет формирования адекватной структуры рабочей силы. В то же время важнейшее значение для того, как будет сформирован человеческий потенциал, имеет государственная экономическая политика, включающая развитие образования, здравоохранения, культуры [8].

Концепция устойчивого развития формирует противоречие между комфортными условиями проживания и условиями формирования благосостояния [9], основанными на интенсивном использовании всех видов ресурсов территории проживания [10] для обеспечения роста ее конкурентоспособности [11]. С одной стороны, ресурсы формируют перспективы развития регионов, а с другой — создают условия для полноценной и комфортной жизни населения [12].

Такое противоречие может быть разрешено за счет развития мобильности рабочей силы, что позволит, привлекая квалифицированных работников, развивать экономический потенциал городов. При этом важно учитывать необходимость инновационного подхода к формируемой структуре экономики и промышленности [13].

На основании анализа теоретических подходов к перспективам развития условий формирования человеческого потенциала рассмотрим конкретные проблемы использования трудовых ресурсов и их мобильности.

Качество трудовых ресурсов определяется путем анализа интеллектуального «багажа» человека, уровня приобретенных знаний в социально-экономической, научно-технической и культурной сферах. Кроме того, для характеристики качества трудовых ресурсов важен уровень образования, который непосредственно влияет на степень квалификации и способность принимать нестандартные, креативные решения.

Чем большими знаниями, возможностями обладает человек, тем выше миграционная готовность, то есть готовность ради интересной, высокооплачиваемой работы поменять место жительства. Подобные случаи встречаются с каждым годом все чаще, что приводит не только к региональным, но и межгосударственным миграциям. Рабочие, которые обладают высокой профессиональной квалификацией, в условиях нарастающей глобализации все больше востребованы на рынках труда во всем мире. Что касается российского рынка труда, то сегодня востребованы работники индустриальной сферы. В современной России мобильность рабочей силы на рынке труда определяется многими факторами, среди которых неудовлетворенность заработной платой, возрастной и половой факторы, образование, неадекватная оценка специфического человеческого капитала, изменение вида занятости, экономический спад фирмы и др. Многие работники в поисках трудоустройства меняют место жительства, а те, кто не в состоянии это сделать, работают вахтовыми методами. В результате этого происходит сглаживание многих факторов, сдерживающих миграционные устремления.

В связи с развитием рынка труда многие сферы подстраиваются под тенденцию развития, в том числе и индустриальная сфера. Рабочая сила перестает быть стабильной и стационарной, в некоторых моментах это связано с экономической ситуацией в стране. Поэтому промышленность требует и нового подхода к пониманию рабочей силы, основанного на мобильности.

Молодых людей все больше привлекает свободная работа, не приковывающая к рабочему месту, отсутствие жесткого графика, комфортные условия работы в удобном для них месте и в удобное время. Крупные промышленные предприятия не подпадают под данную категорию и теряют привлекательность для молодых специалистов. Поэтому предприятия в некоторых отраслях должны подстраиваться под особенности современного рынка труда и, в частности, под работника.

Во времена СССР существовала практика распределения квалифицированных работников, в которой ключевую роль играло государство, а не личное желание работника. Государство платило за образование и по окончании обучения требовало

реализации трудового потенциала в определенном месте. Государство направляло людей в небольшие города, на строящиеся предприятия и регулировало наличие квалифицированных кадров равномерно по всей территории страны. Вся мобильность страны зависела лишь от государства, рабочие кадры, выросшие в промышленных районах, чаще всего там и оставались, независимо от того, большой это был промышленный город или моногород с одним предприятием. Во многом вся семья была привязана к предприятию.

Сегодня рынок рабочей силы складывается обратным образом. Сегодня мобильность молодежи очень высока, и в первую очередь это связано с независимостью и свободой выбора. Перед молодыми людьми все дороги открыты. Поэтому они полностью свободны в выборе места обучения и города дальнейшего проживания. Сдерживающие факторы минимальны и не существует значимых барьеров при переезде в другие города, регионы, страны. Высокая мобильность приводит к оттоку наиболее талантливых и способных людей из небольших населенных пунктов. Поэтому такая мобильность крайне негативно влияет на развитие промышленного района.

Уровень образования стал играть ключевую роль при приеме на работу на промышленное предприятие. Если раньше основную роль играл опыт, нарабатываемый со временем, и человека, независимо от уровня его образования, можно было научить работать на станке, то сегодня с внедрением высокотехнологичных станков без специализированного образования работа на таком станке невозможна.

В поисках качественного и доступного образования молодые люди уезжают в другие города и, устроившись там, не всегда возвращаются в родные места, где не видят перспектив. Особенно часто подобная ситуация происходит, когда молодые люди переезжают обучаться в крупные, развитые города.

В некоторых случаях для предотвращения оттока молодого поколения администрация города выдает целевое направление на обучение, то есть обучающиеся должны будут отучиться в высшем учебном заведении и вернуться в город, но такие направления даются крайне редко и в ограниченном количестве.

Бюджет небольших городов не всегда способен финансировать обучение студентов, даже с учетом того, что они через несколько лет могли бы послужить двигателем экономического развития в данном городе. Подобное финансирование осуществляется в крупных или закрытых городах для удержания специалистов.

Поэтому промышленные районы должны пересмотреть свой подход к развитию человеческого капитала, учитывая фактор мобильности и отрицательные аспекты, которые мы рассмотрели выше. На повышение мобильности рабочей силы внутри страны оказывает влияние приток работников из стран с неразвитой экономикой. Малоквалифицированные работники готовы выполнять трудоемкую работу за более низкую заработную плату. Многие подрядные работы реализуются за счет привлеченных работников, что влечет за собой выгоды от применения дешевой, выносливой рабочей силы, которая в некоторых случаях оказывается эффективней и результативней своих собственных кадров, и недостатки, которые проявляются в том, что собственные рабочие не обеспечены работой и в ее поисках могут уезжать на другие места.

С развитием международной мобильности у предприятий появляется возможность привлечения квалифицированных иностранных специалистов для разного типа работ. Российское правительство подхватило тенденцию развития иностранной рабочей силы и, способствуя ей, вводит льготы для специалистов в области IT-технологий. Некоторые предприятия, в частности Челябинский металлургический комбинат, Троицкая ГРЭС, привлекают инженеров из Китая, что способствует развитию предприятий.

Предприятия, работающие с высокими технологиями, могут предоставлять сотрудникам возможность работать в удаленном доступе. Такой тип работы поможет привлекать специалистов, находящихся в разных точках мира. С другой стороны, можно говорить о развитии городской инфраструктуры для фрилансинга, то есть создании для свободной рабочей силы возможностей развиваться как на площадках предприятия, так и в свободной зоне. Особенно актуален такой тип работы для профессионалов в сфере высоких технологий. Используя данное направление,

предприятие, во-первых, привлекает новых квалифицированных специалистов, во-вторых, экономит на затратах, связанных с содержанием офисных центров.

Говоря о развитии промышленности в форме неоиндустриализации, следует отметить, что промышленная политика включает в свой состав, кроме разработки и общей стратегии, целевые и инновационные приоритеты, в которые входит создание условий труда в соответствии с последними мировыми тенденциями, создание штата высококвалифицированной отечественной и международной рабочей силы.

Литература

1. Капкаев Ю. Ш. Институциональные границы финансирования условий формирования человеческого потенциала // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 32 (247). С. 39–47.

2. Капкаев Ю. Ш. Институциональные подходы к формированию стратегии социально-экономического развития моноотраслевых регионов // «Топорковские чтения»: сборник докладов международной научной конференции. Рудный: Рудненский индустриальный институт, 2008. С. 117–124.

3. Капкаев Ю. Ш. Социально-экономическое развитие как механизм формирования институциональных условий повышения качества жизни и роста благосостояния населения // Ключевые проблемы качества жизни: материалы Международной научной конференции (Челябинск, 25 мая 2006 г.). М: Университет РАО, 2006. С. 103–106.

4. Добровольский И. П., Капкаев Ю. Ш. Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11 (366). С. 56–63.

5. Зайченко А. В., Капкаев Ю. Ш. Проблемы социально-экономического развития и роста территории // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. № 6 (50). С. 28–35.

6. Капкаев Ю. Ш. Компенсированное качество жизни и инвестиционная привлекательность территории // Материалы XXXIX научно-практической конференции с международным

участием, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Миасс: Геотур, 2015. С. 118–124.

7. Капкаев Ю. Ш. Местное самоуправление как форма регулирования социально-экономического развития территории // Сборник кратких сообщений XXIII Российской школы по проблемам науки и технологий. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. С. 422–427.

8. Капкаев Ю. Ш. Цикличность подходов к экономической политике и движение к социальному государству // Материалы Международной научно-практической конференции «Экономическая политика: на пути к новой парадигме». В 2-х т. Том 1. М.: Доброе слово. 2013. С. 156–166.

9. Капкаев Ю. Ш. Выбор между благосостоянием и комфортом в контексте устойчивого развития // Материалы конференции «Устойчивое развитие в неустойчивом мире». М.: Перо, 2014. С. 27–28.

10. Капкаев Ю. Ш. Борьба за ресурсы среды комфортного проживания между корпорациями и сообществами // Международная научная конференция «Современные хозяйственные отношения: вызовы глобализации», 16–17 октября 2013 года. М.: Перо, 2013. С. 78–81.

11. Исаева А. С., Капкаев Ю. Ш. Перспективы повышения конкурентоспособности регионов в условиях санкций и снижения цены на нефть // Россия в меняющемся мире: социально-экономические, политические и гуманитарные ориентиры: материалы международной молодежной конференции. М.: ИИЦ «АТИСО», 2015. С. 42–46.

12. Капкаев Ю. Ш. Ресурсы Челябинской области как основа формирования комфортной среды жизнеобеспечения населения // Челябинского государственного университета. 2015. № 12 (367). С. 71–78.

13. Сенчикова Е. А., Капкаев Ю. Ш. Инновационное развитие экономики // Теория и практика управления: ответы на вызовы инновационного развития: сборник научных статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и молодых ученых. М.: Палеотип, 2013. С. 60–62 .

Клюшкин И. В.
Ленинградский государственный университет,
Санкт-Петербург

ЗАПОЛЯРНЫЙ ГОРОД АПАТИТЫ: ПРОДВИЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Статья посвящена истории и проблемам, с которыми сталкивается продвижение современного искусства в условиях постиндустриального города. Возникнув как любительское объединение, сообщество художников поставило своей задачей познакомить заполярного зрителя с современным, актуальным, альтернативным искусством. К настоящему моменту возникла институция, которая объединяет различные гуманитарные направления.

Ключевые слова: современное искусство, постиндустриальный город, объединения художников.

В октябре 2016 года исполнилось 25 лет первой частной галерее Заполярья — Галерее «М». Если рассматривать появление галереи в общем контексте развития российского искусства девяностых годов XX века, то ее открытие было вполне закономерным. Основные кадры, имеющие отношение к изобразительному творчеству, в начале 1950-х годов были сосредоточены в Мурманске, но постепенно и в других городах Мурманской области появлялись люди с художественным образованием.

Одним из центров был район Хибинских гор, где рядом выросли два города — Кировск и Апатиты. Города небольшие, в свои лучшие годы Кировск насчитывал около 50 тыс., а Апатиты — 100 тыс. жителей.

Здесь на различных предприятиях работали художники, которые не только занимались оформительской работой, но предавались и художественному творчеству. Довольно часто они с успехом показывали свои живописные и графические произведения на областных и зональных и республиканских выставках. Уместно вспомнить трагически погибшего, недооцененного и очень выразительного мастера Анатолия Бондаренко, продолжавшего традиции «Бубнового валета». Особую страницу в ис-

тории хибинского искусства вписал Николай Макаров, представитель «наивного» искусства, естественно, мало ценимого современниками при жизни художника. К своему стыду, одним из этих современников был и автор этих строк.

Почему же художники, которые в основном работали в области декоративно-оформительского искусства, занимались еще живописью и графикой?

Ответ на этот вопрос можно найти у известного культуролога Юрия Лотмана: «Искусство — воссоздает принципиально новый уровень действительности, который отличается от нее резким увеличением свободы... Подлинная сущность человека не может раскрыться в реальности. Искусство переносит человека в мир свободы и тем самым раскрывает возможность его поступков» [1, с. 236].

Скорее всего, именно ощущение свободы двигало людьми, которые занимались искусством при социализме.

Во второй половине 1970-х годов в хибинских городах появилась новая волна художников, в основном выпускников художественных училищ и вузов различных российских городов. Это позволило поднять профессиональный уровень не только местных, но и мурманских выставок.

Довольно часто по количеству участников мурманских выставок художники Кировска и Апатитов были на втором месте после художников областного центра. В это время на выставках демонстрировали свои произведения Валерий Кувшинов, Александр Теофилактов, Владимир Помянтовский, Сергей Цыганков, Александр Горбарук, Владимир Копейкин, Валерий Хохлов, Надежда Каллистратова, Игорь Ключкин, Анатолий Бондаренко, Марина Юнусова, Ксения Хохлова, Юрий Шангинов.

Теоретически при определенной консолидации художественных сил мог бы получиться довольно сильный художественный коллектив. Но этого не случилось. Новый импульс художественной деятельности в Хибинах дали те изменения в общественной жизни, которые произошли в СССР после 1985 года. В этом году в СССР началась перестройка. Властями было принято «Положение о любительском объединении и клубе по интересам» (1986). Одним из первых любительских объединений,

возникших в Апатитах, стало творческое объединение «Мастер». Название было навеяно легендарным романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автор этих строк был избран первым руководителем объединения. Само возникновение этой структуры говорило о том, что в СССР начинают проявляться ростки гражданского общества.

Объединение «Мастер» организовывало выставки, читались лекции о новых и забытых направлениях в искусстве, на городских праздниках проводились перформансы и инсталляции. Художественная жизнь была достаточно активна. Появлялись новые художники, вносящие своими работами разнообразие в выставочную деятельность. Тогда общественным организациям было разрешено реализовывать свою продукцию.

При объединении работала художественная галерея, где местные художники довольно успешно продавали свои работы. Часть выручки мы отчисляли в Российский фонд культуры. Тем самым возникла ситуация, описанная, например, Анной Демшиной: «Самоорганизация, как форма институционализации искусства, оказывается для художников альтернативным и продуктивным способом для привлечения внимания к собственному творчеству (персоне) и к актуальным проблемам современного общества; используемые при этом так называемые партизанские методы деятельности актуализуют как современные (кураторские), так и классические, могут совмещаться с легальной деятельностью в легитимных союзах и мероприятиях» [2, с. 36].

Именно так все и происходило. Творческое объединение «Мастер» являлось организатором довольно интересных проектов. Наиболее запомнились: «Соц-арт», где очень сильно заявил о себе мурманский график Евгений Ситник, а также выставка «Хорошая живопись из Петербурга».

Но вскоре галерея при объединении превратилась в заурядный художественный салон, а большинство художников занималось изготовлением картинок на продажу, потакая вкусам подчас невзыскательной публики. Всем было ясно, что объединение «Мастер» в глубоком кризисе. А тут случился август 1991 года.

Так случилось, что три художника — Игорь Ключкин, Александр Терещук, Игорь Чайковский — оказались 19 августа 1991 года в Апатитах. Путч, фантастические слухи, ощущение тоски и бесперспективности... Тем не менее социальные потрясения вызвали у художников естественную реакцию — была создана целая серия работ, в которых деятели искусства выразили свое отношение к происшедшим событиям. Так родилась выставка «Живопись времен переворота», и этой выставкой была открыта новая арт-структура: Общество с ограниченной ответственностью «Галерея „М“» с уставным капиталом в 1000 рублей. Это была первая частная галерея в советском Заполярье.

Первая выставка прозвучала довольно сильно и оказалась востребованной: в феврале 1992 года она демонстрировалась в Мурманском художественном музее, а в августе этого же года, в первую годовщину путча, ее увидели посетители Государственного музея политической истории России в Санкт-Петербурге. В последнем случае было предложено интересное экспозиционное решение. Картины художников Галереи «М» демонстрировались на фоне огромной картины «Взятие Зимнего» размером 4 на 18 метров. Происходил очень интересный семиотический диалог двух художественных объектов: путч 1991 года на фоне путча 1917 года. Пять работ художников с тех пор хранятся в коллекции Музея политической истории России.

На первом этапе деятельности у галереи были спонсоры — местные предприниматели. Галерея довольно часто меняла помещения. Городская администрация проявляла интерес и внимание. Евгений Вайнштейн, глава города Апатиты в те годы, не раз посещал вернисажи Галереи «М», и вообще общая атмосфера была полна ожиданий и оптимизма. Это создавало предпосылки к активной творческой и выставочной деятельности. В подтверждение этих слов процитируем еще раз Анну Демшину: «Художественная культура, как неотъемлемая часть претерпевающей кризис духовной культуры, используя новые стратегии для трансляции духовного опыта, может тем самым способствовать его сохранению и приумножению, в частности через продуманное применение в музейно-выставочной деятельности современных коммуникативных, маркетинговых стратегий, сохра-

няющих «искусство» как особую форму духовного опыта» [2, с. 36].

Но вскоре у спонсоров галереи появились финансовые проблемы, так что несколько лет спустя галерея стала муниципальной, войдя в структуру городского Дворца культуры им. В. А. Егорова в виде выставочного отдела. Но бренд галереи сохранился. Параллельно этому, как и во всей России, в городе Апатиты происходил процесс постиндустриализации. Закрывались градообразующие предприятия, началась миграция населения в южные регионы страны. Менялся социальный состав города, все меньше становилось технической интеллигенции, основного «потребителя» визуальных искусств.

Но до сих пор функционирует Кольский научный центр Российской академии наук, сотрудники которого активно поддерживают деятельность галереи. Работа галереи продолжалась в новых социально-экономических условиях. Директором Галереи «М» стал один из ее основателей — Игорь Чайковский. Устраивались выставки не только в Апатитах, но и в других городах России: Мончегорске, Полярных Зорях, Пскове, Канда-лакше. Художники активно выставлялись в Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии. За 25 лет работы галереи было проведено более 250 выставок. Для многих ныне известных мурманских художников именно галерея стала стартовой площадкой, откуда они вышли на орбиту своей арт-деятельности. К примеру, в Галерее «М» прошли первые выставки Алены Злобиной и Дмитрия Малышева. Кроме того, галерея стала площадкой, на которой жители провинциального города могли познакомиться с образцами современного актуального и альтернативного искусства.

Проводились выставки российских и петербургских художников различных творческих направлений. Иногда они были не очень понятны зрителю, привыкшему к обилию пейзажей, похожих на раскрашенные фотографии, но тем самым Галерея «М» выполняла просветительскую функцию, показывая, что в современном мире могут существовать самые разные художественные стилистики. Кроме того, при активной поддержке участников творческого объединения были изданы альбомы худож-

ников Галереи «М» Александра Герштейна, Николая Владимировича, Игоря Чайковского, а также буклеты галереи к двадцати- и двадцатипятилетнему юбилеям.

Более десяти выставок в год проводила галерея. Вспомним самые удачные и выразительные экспозиции галереи:

- «15 картин Андрея Беккера»;
- «БУМАГА.RU» (сочинские художники Олег Корчагин, Игорь Максименко, Ольга Егорова);
- выставка Ульриха Тулля (Германия);
- выставка молодых мурманских художников Максима Драницина, Алексея Сидорова, Евгения Шнайдера, Дмитрия Новицкого;
- выставка галереи «Грот» (Петергоф);
- выставка сочинского художника Олега Корчагина «Mail-art»;
- «Живописный драйв»;
- юбилейная выставка Ирины Ситдиковой;
- «Абстрактная теория цвета» (выставка, посвященная абстракционизму как культурологическому и художественному явлению);
- юбилейная выставка Александра Герштейна, на которой художник прокомментировал свои картины «гариками» Игоря Губермана;
- «Пропавший художник» (посвящена безвременно ушедшему Виктору Кузнецову);
- «Друзей моих прекрасные черты» (Юрий Городишенин и Александр Терещук);
- выставка плаката по результатам конкурса «Холокост»;
- юбилейная выставка Игоря Клюшкина «Игра в ДизайнЪ»;
- выставка плаката «100 лет Черному Квадрату»;
- юбилейная выставка Юрия Коновалова.

Постепенно вокруг Галереи «М» создавались различные культурные институции. Вернисажи превращались в перформансы, лекции, мастер-классы. «Культурное пространство города выступает ареной взаимодействия различных субкультур.

Это позволяет сохранять передаваемые из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее ценности, нормы, образцы поведения, которые наилучшим образом способствует воспроизведение городского образа жизни», — этот тезис Г. Руткиной и Е. Кудриной довольно точно описывает ситуацию сложившуюся в постиндустриальном городе Апатиты [3, с. 203].

Сейчас творческое объединение апатитских художников Галерея «М» насчитывает около двадцати участников. Это художники разных возрастов, разных стилистических предпочтений, разной профессиональной выучки. Деятельность Галереи «М» создавала в Апатитах культурную среду, объединяла людей, интересующихся изобразительным искусством, просвещая, информируя и знакомя с проявлениями современного искусства. Не случайно директор Мурманского областного художественного музея О. А. Евтюкова на открытии выставки «XXV лет Галереи „М“» говорила о том, как завидовали мурманские художники тому, что в Апатитах появилась галерея, в которой сами художники организуют всю деятельность. Так сложилось, что в здании бывшего музея- библиотеки треста «Апатитстрой» возник достаточно уникальный культурный центр. Эта институция не только объединяет различные культурные направления, но и сохраняет и транслирует культурные коды, которые создают гуманитарную основу жизни заполярного города.

Здесь работают библиотека, Галерея «М», краеведческий музей, различные любительские объединения народного искусства, любительский театр, клуб бардовской песни, детская галерея под руководством Ксении Колобовой, проводятся устные выпуски журнала «Тиетта» Геологического института Кольского научного центра РАН. Между ними существует взаимный контакт, и это помогает расширять художественный кругозор друг друга. Безусловно, галерея смогла существовать четверть века лишь потому, что разные люди, на протяжении 25 лет в Апатитах занимавшиеся культурой, поддерживали ее.

Литература

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992, 256 с.

2. Демшина А. Ю. Визуальные искусства в ситуации глобализации культур: институционный аспект. СПб.: Астарион, 2010, 123 с.

3. Рукша Г. Л., Кудрина Е. Л. Мегаполис как социально-культурное явление // Вестник КГУКИ. 2011. № 4 (17-2). С. 199–204.

С. Р. Кузнецов, А. С. Славина,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ВОЗМОЖНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ

Индустриальные города возникали вокруг заводов, так как людей в короткий срок нужно было обеспечить жильем. Для этого подошла массовая типовая застройка. Исследования, проводимые в сфере психологии среды, показали, что монотонные серые дома вводят людей в состояние тоски, утомления, повышают уровень стресса и т. д.

Сегодня современная архитектура может предоставить нашему вниманию большее разнообразие форм и цветовых решений. Помимо этого для украшения фасадов зданий применяется такой самостоятельный жанр современного искусства, как граффити.

В статье описан опыт оформления и преобразования городского пространства с помощью граффити, а также представлены результаты исследования мнения горожан о меняющемся таким образом визуальном облике мегаполиса.

Ключевые слова: индустриальный город, граффити, настенная живопись, облик города, психология среды.

Сегодня мы живем в урбанизированном мире. Интенсивное развитие города усложняет его образ. Города меняются, приобретая новый статус, возникают новые символические качества их архитектурной среды, из чего следует, что визуальный образ города является непрерывным, развивающимся во времени явлением, зависящим от множества факторов.

Решающим фактором для развития и основания индустриальных городов в начале прошлого века являлось строительство крупных заводов по всей территории страны. И, следовательно, скорое обеспечение рабочей силы жильем.

Как раз большую часть жилого фонда современных городов составляет массовая типовая застройка. Например, в Москве не менее 80% зданий и сооружений составляют панельные

железобетонные дома, более половины (58,1%) которых были возведены в 1956–1985 годах, 35,4% жилья в столице было построено в период с 1986 по 2010 год. Типовая застройка характеризуется примитивной планировочной структурой, скудным набором пространственных решений и функций [1, с. 66].

Таким образом, советские градостроительные проекты опирались прежде всего на перспективы развития промышленности [2].

Тем не менее, давно известно, что форма зданий и цветовое оформление тонко влияют на человеческий мозг. Отсутствие уникальных строений и однотипные, серые дома оказывают негативное влияние на психологическое здоровье человека. Такая атмосфера давит на людей, вводит их в состояние тоски, повышает уровень стресса, депрессии, утомления, ухудшает настроение [3].

В тоже время для благополучия психологического состояния человеку необходимо разнообразие форм и цветовой палитры пространства, не разрушающее архитектурной и визуальной целостности города. Стиль жилого комплекса и, в частности, цвет его фасада являются важным фактором, привлекающим определенную целевую аудиторию [4].

В итоге отношение к месту формируется через сложный синтез исторических, пространственных, социальных и культурных факторов. Как точно замечает О. И. Генисаретский, «каждому типу пространства соответствует определенное состояние сознания; и, напротив, каждое состояние сознания раскрывается в какой-то специфической пространственности» [цит. по: 5, с. 168].

В России только недавно начали применять в оформлении фасадов зданий яркие цвета. Сегодня практически все застройщики стремятся предоставить большее разнообразие форм и цветовых решений. Одним из ярких примеров этого является группа PRINZIP, возводящая в Екатеринбурге жилой комплекс «Малевич».

Также альтернативой для создания визуального образа современного города является самостоятельный жанр

современного искусства — граффити. Сегодня граффити в оформлении фасадов применяется в единичных случаях, хотя спрос на это начинает заметно расти.

Как в центральных, так и в спальных районах расписанные фасады воспринимаются очень позитивно в виду своей редкости — каждый «нескучный» фасад становится достопримечательностью всего микрорайона и превращает обычный дом в арт-объект.

К примеру, в столице Бельгии Брюсселе на стенах города выполнены сотни граффити в единой стилистической манере комиксов; эту идею всецело поддерживает правительство, ежегодно выделяющее на рисунки деньги из бюджета страны. Сегодня это уже стало интересной туристической достопримечательностью.

В России группа компаний государственно-частного партнерства в сфере ЖКХ «Арт-Фасад» создала декоративные росписи на торцах домов в жилом комплексе «Вена» (Кудрово, Ленинградская область); сейчас там можно увидеть репродукции картин «Портрет Адели Блох-Бауэр I» и «Поцелуй» австрийского художника Густава Климта. В квартале «Лондон» входные групп домов украшены картинами с видами на Тауэрский мост. В жилом комплексе «GreenЛандия» (поселок Мурино, Ленинградская область) на стенах домов запланировано нарисовать окна, за каждым из которых можно будет рассмотреть огромное количество мелких деталей. Цель художников — создать комфортную для людей атмосферу. Расписанные фасады всегда воспринимаются очень позитивно, дома с такими картинами становятся достопримечательностью всего микрорайона [1, с. 67–68].

В Екатеринбурге на сегодняшний день существует большое количество граффити-работ, в том числе те, которые с 2010 года появляются в рамках фестиваля «Стенография» (фестиваль уличного искусства «Стенография» — это ежегодное мероприятие, которое проводится агентством StreetArt при поддержке Администрации Екатеринбурга).

Однако, по данным опроса 2014 года, проведенного среди жителей Москвы, граффити людям чаще не нравятся (46%

респондентов). Тех же, кто полагает, что граффити украшают город, набралось 37%. Между тем за запрет граффити выступают только 5% опрошенных, 73% полагают, что райтерам просто следует получать разрешение властей, 14% — что никаких разрешений не нужно, граффити должны быть повсеместно [6].

Опрос в Екатеринбурге показал иное отношение к граффити: половина (54,7%) опрошенных видят в этом только положительную сторону, треть (35,8%) относится нейтрально, остальные же (9,5%) высказались отрицательно. С вопросом «Украшают ли граффити облик города?» мы получили примерно те же результаты (50,5% — да, 40% — возможно, 9,5% — нет). Две трети (66,3%) опрошенных хотели бы видеть больше граффити на улицах города.

Из результатов этих опросов можно сделать вывод, что существует различие в отношении жителей двух городов к настенной живописи и в видении образа города в будущем. В Москве большая часть опрошенных отрицательно относится к такому виду художественной живописи, в большинстве своем усматривая в нем вандализм. В Екатеринбурге, наоборот, люди больше склонны одобрять граффити, отмечая при этом то, что настенная живопись должна быть свободна в своих проявлениях, но и не загрязнять облик города.

Настенная живопись в крупных городах используется все чаще. Она добавляет разнообразия улицам современного города, а также способствует улучшению психологического здоровья населения и становится его достопримечательностью, тем самым создавая новый визуальный образ города.

Литература

1. Бондарева Н. О. Гармонизация архитектурного пространства города Челябинска посредством граффити // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2015. Т. 1, № 4 (11). С. 66–68.

2. Журавлева Н. И. Екатеринбург: постиндустриальные ориентиры индустриального города // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4.

3. Мухамедьянова Г. С. Влияние архитектуры зданий на психику человека // Электронный журнал Novainfo.ru. 2016. № 57-2. URL: <http://novainfo.ru/article/9798> (дата обращения: 14.05.2017).

4. Архсовет Москвы [Электрон. ресурс]. URL: <http://archsovet.msk.ru/article/gorod/psihologiya-gorodskogo-prostranstva> (дата обращения: 14.05.2017).

5. Мельникова С. В. Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) / С. В. Мельникова, О. С. Поршнева // Электронный научный архив УрФУ. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf> (дата обращения: 14.05.2017).

6. Москвичи о граффити [Электрон. ресурс]. URL: <http://fom.ru/gorodskie-proekty/11787> (дата обращения: 14.05.2017).

О. Ю. Латышев,
Мариинская галерея им. М.Д. Шаповаленко,
Москва

Е. А. Байер,
Азовский центр помощи детям,
Азов

В. Н. Ильин,
Детский дом г. Воронежа,
Воронеж

ПАРТИЦИПАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ЮНЫХ ГОРОЖАН КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению путей формирования партициптивной культуры юных горожан. Цель исследования — разработать и апробировать механизм воздействия туризма и краеведения на качество детско-юношеской партиципации. Объект исследования — пути формирования партициптивной культуры детей и юношества в городском социуме. В статье уделено внимание формам соприкосновения юных горожан с будущими профессиями архитекторов, конструкторов, преобразователей родного города в различных профессиональных ипостасях. Одним из оснований существенного повышения партиципации в сознании подрастающего поколения видится демонстрация им перспектив переосмысления архитектурного ландшафта, придания району своего проживания новых оригинальных очертаний и культурных доминант.

Ключевые слова: партиципация, партициптивная культура, дети, юношество, туризм, краеведение, образование.

Участвуя в интересной, содержательной конференции «Открытый город: через вовлеченность — к изменениям», мы уже имели честь поддержать развитие темы партициптивной культуры. В первую очередь речь шла о формировании последней в команде преобразователей городского ландшафта [1]. Мы полагаем, что атмосфера всеобщего взаимного участия, предупредительности и взаимовыручки, в которой переосмысливался, переосмысливался тот или иной город, имеет объективную самостоя-

тельную ценность, и желательно, чтобы она продолжала сохраняться и приумножаться тогда, когда в городе окажется уже много новых жителей. Широкую известность имеет тот факт, что в советскую эпоху, во время многочисленных комсомольских строек, значительное количество градостроителей по окончании строительства оставалось жить в построенных ими городах. И в этом случае они могли распространять добросовестно выработанное качество участия не только на растущее число своих коллег, но и на новых жителей других профессий. В данном же случае мы стремимся уделить внимание возникновению participative культуры следующих поколений горожан — появившихся на свет собственно в недавно построенном или ныне преобразуемом городе. Мы понимаем, что мышление юных горожан по своим возрастным особенностям — преимущественно конкретное. Поэтому в наименьшей степени следует ожидать от них возникновения участия только на фоне словесного убеждения в том, как хорошо любить родной город, как важно его беречь и делать еще красивее, помогая в этом своим землякам. Значительно большей эффективности, на наш взгляд, можно достигнуть в результате практического воздействия на качество детско-юношеской участия со стороны туризма и краеведения. Каким образом это может воплотиться в реальность? Ведь в настоящий момент тенденции далеко не однозначны, скорее — даже разнонаправлены. Позвольте привести три ведущих аргумента:

1. Широкая доступность качественной рекламной продукции туристического содержания во многом способствует формированию представления у детей и юношества о том, что в мире много красивых городов, и родной город — далеко не самый красивый и интересный.

2. Ориентация многих современных учебников и учебных пособий на выдающиеся образцы зарубежного искусства и архитектуры, дворцово-парковых ансамблей и охраняемых природных ландшафтов также часто способствует возникновению представления о своем городе как об «аутсайдере» в данном ряду.

3. Объективной предпосылкой формирования холодного, отчужденного отношения к городу, в котором ребенок или юноша родился и проживает, нельзя не назвать и однотипность архитектурного ландшафта, сложившегося в советскую эпоху, избыливающего сомнительными по качеству художественного содержания оформительскими элементами. Многие города, бурное развитие которых пришлось на 1960-е — 1980-е годы, удручающе похожи друг на друга.

Преломить, трансформировать, направить в позитивное русло сложившуюся тенденцию нигилистического отношения детей, подростков и юношества к своему городу в равной мере и трудно, и необходимо. Этому может способствовать сочетание увлекательных городских и региональных туристических маршрутов, предлагаемых учащимся школ и студентам, с введением в практику работы школ, лицеев и гимназий дополнительных учебных часов в образовательной области «краеведение». Мы осознаем, насколько такое пожелание трудновыполнимо в данное время, когда во многих школах существует острый недостаток часов для проведения уроков по ключевым предметам. Напротив, есть случаи финансирования уроков краеведения «отдельной строкой», к примеру, курс «Кубановедения» на территории Краснодарского края. Это дает надежду на сохранение культурной памяти как достояния последующих поколений.

Особый случай представляют собой города, на идейную доминанту облика которых накладывает особый отпечаток постиндустриальная эпоха. Это и мегаполисы, и районные центры, как правило новые, историко-краеведческая составляющая ландшафта которых пока еще достаточно скудна. Сведения же, представлявшие собой особую ценность в советское время, могли не только утратить свое авторитетное звучание, но и перейти в сугубо сатирический контекст. В этом случае представляется целесообразным сделать акцент на туризм — как реальный, так и виртуальный, чтобы у юных горожан начали рождаться идеи — каким образом переосмыслить увиденное в других городах и странах так, чтобы на основе этого возникли технологические и дизайнерские решения для преобразования родного города.

Все чаще ученые и конструкторы черпают идеи у детей и молодежи во время конкурсов и фестивалей технического творчества. Воспитание детей в духе изобретательства, преобразования окружающей действительности может сыграть значительную роль и в повышении уровня их партиципативной культуры. Именно сегодняшним детям предстоит в скором времени задумываться над тем, как сочетать потребности эргономичности и достойного дизайна в процессе трансформации облика родного города с усилением режима энергосбережения и охраны природных ресурсов в целом. Вполне возможно, например, что в дальнейшем именно нынешние дети коренным образом изменят идеологию дизайна внешних поверхностей зданий. Так, постоянный рост разнообразия расцветок панелей солнечных батарей может побудить будущих архитекторов прибегать к их использованию при оформлении многоцветных фасадов домов, а появление гибких солнечных панелей, в свою очередь, позволит принимать более смелые и неординарные решения в создании чрезвычайно разнообразных по конфигурации зданий. В то же время снижение расходов по статье энергоснабжения может придавать таким сооружениям популярность, равно как и городу, в котором они построены. При этом стараниями нового поколения архитекторов может существенно измениться и ландшафт города в целом. Если они сочтут возможным отказаться от идеи сберегать изначальную форму параллелепипеда абсолютно у всех однотипных зданий района советской постройки, то даже без появления каких-либо новых архитектурных сооружений размах преобразовательской фантазии будет вполне ощутим при переосмыслении внешнего облика девяти-, двенадцати-, шестнадцати и двадцатичетырехэтажных зданий.

Рост партиципативной культуры юных горожан, усвоивших уроки, преподнесенные маршрутами городского туризма, может привести к возникновению у них и принципиально новых идей. Например, их может вдохновить технология построения здания Yas Viceroy Hotel, под которым проходит трасса автогонок «Формула-1» Yas Marina Circuit на искусственном острове в Абу-Даби [2]. Сверхпрочные стекла, использованные при облицовке стен данного отеля, позволяют выдерживать многочис-

ленные пустынные бури, одновременно они испещрены «пикселями», посредством которых поверхность здания может регулярно менять свою окраску. Вполне возможно, что, идя подобным путем, нынешние юные горожане — будущие архитекторы и конструкторы помогут снять одну из социальных проблем, которая наиболее остро встала в городах постсоветского пространства, вошедших в пору девяностых годов, а также предупредить ее появление в будущем. Она заключалась в том, что на фасадах зданий, которые подлежали капитальному ремонту, размещались крупноформатные рекламные плакаты. С одной стороны, это было хорошо тем, что зарабатывались деньги на ремонт, с другой стороны, это было плохо потому, что большое количество жителей на длительный срок лишалось естественного освещения своих квартир, а также лестничных клеток. Развитие технологии, использованной при остеклении *Yas Viceroy Hotel* позволит сочетать естественную освещенность внутреннего пространства зданий, выполнение гигиенических требований по данному профилю, а также использование *всей* внешней поверхности здания — как для размещения вербальной и невербальной информации рекламного характера, так и для реализации дополнительных дизайнерских разработок при формировании целостного внешнего облика здания.

Участие сегодняшних детей и юношества в освоении туристических маршрутов, где производится демонстрация объектов дополненной реальности, также может способствовать выработке ими в дальнейшем ярких и убедительных конструкторских решений, способных кардинально изменить ландшафт городов, построенных или существенно расширенных в советский период развития. Мы отдаем себе отчет в том, что в годы социалистического строительства осуществлялось немало «приписок», то есть существенного завышения реально достигнутых показателей в отчетной документации, в том числе и собственно строительной. Это выразилось в заведомом снижении качества, например, секций домов для крупнопанельного строительства. Поэтому у нас нет полных оснований надеяться на то, что эти здания могут просуществовать на протяжении всего отведенного им срока службы. Более того, мы не вправе предполагать, что

эти дома выдержат надстройку хотя бы нескольких этажей. И все же лицезрение необычных городских ландшафтов во время реальных путешествий или просмотра фильмов может помочь будущим архитекторам внести в такие сооружения новые доминанты дизайна. Если в настоящий момент нам доводится встречаться с дополненной реальностью преимущественно в сфере моделирования, то в дальнейшем созданные таким образом модели смогут занять место конструктивных элементов здания, придавая ему иные очертания, «повышая» визуально его этажность, создавая дополнительные привлекательные элементы, приводящие облик здания в целом в гармонию с окружающим архитектурным ландшафтом.

Ярким примером применения дополненной реальности при создании праздничной атмосферы и существенного обогащения внешнего облика архитектурных комплексов может служить ежегодное проведение в Санкт-Петербурге, в акватории Невы, феерического праздника «Алые паруса» [3], приуроченного к выпускному вечеру юных горожан. В ряде случаев этот праздник совпадает с проходящим здесь же европейским саммитом, что указывает на присутствие весьма взыскательного зрителя на каждом из таких театрализованных действ. Одним из неотъемлемых элементов оформления представления «Алые паруса» является лазерное шоу, где использованы лучи многокилометровой длины, рассчитанные и на густой туман, и на непрекращающийся ливень. Юные жители и гости Санкт-Петербурга, имеющие амбиции архитекторов, конструкторов и строителей, также могут с воодушевлением отнестись к идее использования лазерной техники для органичного дополнения создаваемых или реконструируемых ими зданий. Это может касаться и сооружений советской поры, не предназначенной для принципиального изменения внешнего облика строительными средствами, однако достаточно применимых для реализации смелых проектов реконструкции с лазеросодержащей дополненной реальностью. Композиция из лазерных лучей, стоимость продуцирования которых год от года становится все ниже, могут без вреда для живущих в доме людей реализоваться на его крыше, как правило — плоской и довольно-таки удобной для размещения соответ-

вующей аппаратуры. Таким образом может складываться впечатление о практически бесконечной «этажности» весьма скромного по высоте сооружения, к тому же — преподносимое в динамике плавно перетекающих друг в друга форм, цветов и объемов. Например, это могут быть световые фонтаны, полезные для зрения световые газеты. И в то же время детям необходимо уже сейчас знать, что исключения должны составлять только крупноформатные экраны, на которых происходит действие, способное отвлекать водителей проезжающих мимо автомобилей.

Детям, живущим в сейсмически неустойчивых районах страны, приходится видеть страдания людей, несущих значительные потери разного рода. Наряду с умением сострадать такая обстановка накладывает серьезный отпечаток и на формирование характера растущего человека в целом. Рождается мечта — обезопасить родных и близких, равно как и всех окружающих от непредсказуемых воздействий стихии. В данной среде вполне ожидаемо «вращивание» будущего архитектора, озадаченного проектированием и построением сейсмостойких сооружений, или партициптивно ангажированной личности, которая будет с возрастающей инициативностью участвовать в процессе превращения своего города или района в сейсмически безопасный.

Можно сделать некоторые выводы:

1. Формирование партициптивной культуры юных горожан в значительной мере сопряжено с уровнем их заинтересованности в плодах своего преобразовательского труда. Из этого может следовать, что при тактичном и дальновидном подходе со стороны педагогов патриципация в структуре личности будущих архитекторов и конструкторов может поступательно развиваться в условиях вовлечения детей, подростков и юношества сначала в обсуждение реальных проектов преобразования родного города, а затем — по мере обеспечения безопасности для подрастающего поколения — и собственно в реконструкционный процесс.

2. Мудрый педагог или руководитель строительной практики будет прислушиваться к инициативе юных, дискутировать

с ними, находить свежие, перспективные акценты, тактично правлять в случае очевидных промахов по недостатку опыта в юности, и шаг за шагом двигаться к практическому результату — внесению новых культурных доминант в облик преобразуемого города или района.

3. Чем сложнее, смелее технологии строительства и реконструкции архитектурных сооружений, тем с большим азартом, рвением и — в конечном итоге — проявлением партиципации подойдут к процессу преобразования городского ландшафта дети, подростки, юноши и девушки.

Мы понимаем, что затронутая в статье тема может стать предметом новой разветвленной и продуктивной дискуссии, надежду на возникновение которой и выражаем здесь, и приглашаем делиться с нами своими соображениями — за которые заранее признательны — по адресу papa888@list.ru.

Литература

1. Программа IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Открытый город: через вовлеченность — к изменениям» (Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г.). Секция 2. Вызовы времени и метаморфозы ментальности горожан (Электрон. ресурс). URL: <http://lektsii.org/13-40671.html> (дата обращения: 15.06.2017).

2. Abu Dhabi — Yas Marina Formula One Circuit (Электрон. ресурс). URL: <http://abovav.com/abu-dhabi-yas-marina-formula-one-circuit> (дата обращения: 15.06.2017).

3. Алые паруса 2016. Пиротехническое и лазерное шоу (Электрон. ресурс). URL: <https://ok.ru/video/86600714857> (дата обращения: 15.06.2017).

А. А. Лядова, С. А. Меркушев,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь

КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ И РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье анализируются возможности использования культурных инноваций в развитии функциональной структуры городов Пермского края. Демонстрируются основные результаты рассмотрения для всех городов региона. На их основе выявляется культурно-инновационная система «Центр — Периферия». Данная система сопоставляется с аналогичной административно-географической системой, выявленной на основе анализа системы расселения и территориальной организации органов местного самоуправления Пермского края.

Ключевые слова: культурные инновации, система «Центр—Периферия», трансформация функциональной структуры городов, культурное пространство, Пермский край.

Города Пермского края, как и большинства регионов России, в последние десятилетия переживают разные стадии трансформации функциональной структуры [1]. По нашему мнению, для данного процесса характерны следующие возможные варианты итога: 1) обогащение структуры новыми современными функциями (с утратой или без каких-либо иных функций); 2) обогащение структуры новыми традиционными функциями (с утратой или без каких-либо иных функций); 3) сохранение прежней структуры неизменной; 4) утрата структурой современных функций с сохранением традиционных; 5) утрата структурой современных функций без сохранения традиционных.

Современная российская действительность показывает, что преобладает тенденция полного сокращения функциональной базы, что приводит к депрессивным состояниям, а это в свою очередь влечет за собой снижение уровня и качества жизни горожан.

Функциональная структура города зависит от его административного статуса, людности и степени развития специализированных функций. В результате могут формироваться совершенно разные функциональные типы городов. Не смотря на это, процессы централизации в стране ставят в более выигрышное положение города — региональные центры и города, приближенные к ним, снижая при этом шансы успешного развития городов, являющихся географической периферией региона.

В этих условиях возникает необходимость поиска возможностей для развития вопреки существующему административно-географическому положению (АГП), возможностей использования и наращивания потенциала в какой-либо из сфер жизнедеятельности общества, реализация которого позволит формировать свою систему «центр — периферия» (далее Ц—П) в соответствии с универсальной моделью Ц—П [2] (рис. 1). Потенциал может быть обнаружен в разных сферах, в том числе в сфере культуры (особенно важно, если он является инновационным). При этом надо понимать, что функции, основанные на потенциале культуры, не могут решить все проблемы городского образования.

Так как культура может участвовать в развитии городов и даже районов, то она по сути становится частью инновационной сферы. Изучение культурных инноваций фактически становится новым направлением для изучения, которое обладает своей спецификой, отличной от хорошо изученных экономических инноваций. Культурным инновациям, на наш взгляд, присущи следующие измеряемые признаки: изменение формы; изменение содержания (мировая премьера не исполнявшегося ранее произведения); воздействие на сообщество; создание альтернативных направлений развития культуры, обусловленное комплексностью инновационной деятельности и широтой взглядов инноваторов (постройка нового здания/реконструкция). Главная их существенная черта — привлечение наибольшего числа людей, которое и является основной характеристикой эффективности их применения. Как и среди экономических, в культурных инновациях можно выделить базисные, улучшающие, микроинновации, псевдоинновации и антиинновации [3].

Наши представления об инновационном потенциале и инновационности (способности создавать инновации) в сфере культуры подробно излагались в предшествующих статьях [4; 5]. Результатом рассчитанных показателей стала выявленная система Ц—П культурной сферы Пермского края. Достоинством данной методики является то, что благодаря формализации становится возможным сравнения сферы культуры с остальными сферами общества. Что в итоге можно будет использовать для разработки мер культурной и социально-экономической политики. В данном случае мы провели сопоставление со сложившейся административно-географической системой Ц—П (рис. 2).

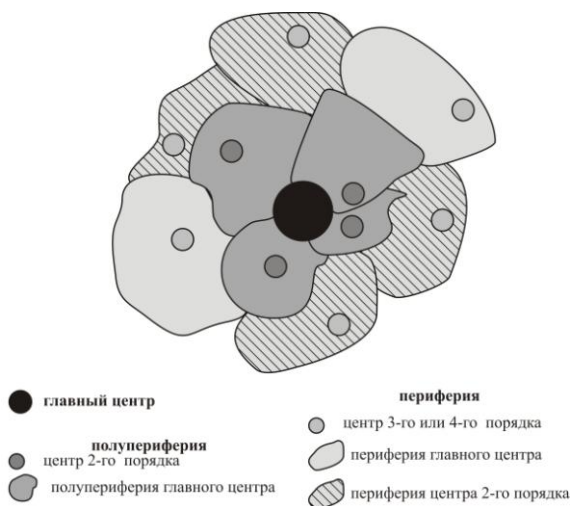

Рис. 1. Структура системы «Центр–Периферия» территориальной системы

Общим результатом сопоставления является то, что сфера культуры нестрого подчиняется идеальному, географическому строению системы Ц—П. Иными словами, центры культуры 2-го и 3-го порядка Пермского края (следующие после главного центра — Перми) возникли на географической периферии, где их не должно быть. Такими центрами стали города Чайковский и Лысьва. Только город Краснокамск подчиняется данной зако-

номерности. Отличает данные центры также активное использование своего культурного потенциала на основе культурных инноваций. В результате сопоставления были получены следующие содержательные выводы.

1. Культурно-инновационный потенциал сосредоточен в географическом и культурном центре региона. Им является Пермская агломерация вместе с ядром — г. Пермь и примыкающий г. Краснокамск. К внешним городам-спутникам относятся Добрянка, Нытва и Кунгур [6]. Отличает данный центр и широкое применение культурных инноваций. Только Пермь и Краснокамск отличаются разнообразием сфер культурной деятельности. Остальные центры фактически можно назвать «монокультурными городами», а именно такими, где культурная сфера формируется благодаря деятельности одного-двух объектов культуры (чаще всего это музеи, например, в Нытве им является музей ложки и т. д.). Влияние АГП среди данных городов в наибольшей степени проявляется в Перми, Краснокамске и Кунгуре (особенно комплексно — в последнем). В них особенно проявилось обогащение функциональной структуры новыми функциями за счет сферы культуры. В целом же негативной тенденцией развития данной территории является отсутствие базовых инноваций (постройка новых объектов, реконструкция существующих и так далее), при том что здесь создается более 60% все инноваций в сфере культуры края. Отличает данные города и общий тренд социально-экономического развития — качество жизни и среды жизнедеятельности достаточно высокие по сравнению с другими территориями Пермского края.

Тяготеющие к Пермской агломерации города Чермоз, Оханск и Оса мы отнесли к внешней полупериферии административно-географической системы. Ее отличительная особенность — низкий инновационный потенциал культуры и еще большее усиление «монокультурности».

2. Город Чайковский был создан последним в Пермском крае. Его роль в культурной сфере края отличается тем, что он создавался как культурный (музыкальный, художественный и театральный) центр, а не просто очередной промышленный город края. В результате он является вторым центром сферы куль-

туры региона за пределами города Перми, отличающимся высоким уровнем создания инноваций. Уникальность потенциала культуры и создание новых функций и культурных инноваций обусловлены географической близостью удмуртского туристического и промышленного центра — г. Воткинск, который связан с именем П. И. Чайковского.

3. На севере края формируется вторая агломерация региона — Березниковско-Соликамская (в ее составе и г. Усолье). Особенность ее заключается в том, что, находясь на географической периферии и являясь вторым в крае местом притяжения населения, данная территория отличается высоким культурным потенциалом с низким уровнем инновационности. Низкая инновационность и периферийность усугубляются тем, что данная агломерация находится в транспортном тупике, а у функциональной структуры наблюдается сильный перекося в сторону промышленных функций [7]. В целом это не способствует изменениям в сфере культуры и ее влиянию.

4. Наиболее длительная «история» смены и (или) обогащения функциональной структуры, в том числе за счет культурной сферы, существует в Кизеловско-Губахинской и Лысьвенско-Чусовской зональной системе расселения в восточной части края. Данная система расселения занимает главным образом территорию «горнозаводской цивилизации» [7] и в то же время является депрессивной частью региона [8]. Развитие данной части края связано с комплексным подходом, и развитие дополнительных функций с помощью сферы культуры должно происходить в целом параллельно с общими изменениями, а не быть самоцелью. Хотя можно отметить, что в некоторых городах (Лысьва, Губаха) сфера культуры играет важную роль благодаря высокому потенциалу театральной сферы и его успешной инновационной работе, в целом развитие функций усугублено низким качеством жизни и среды [7].

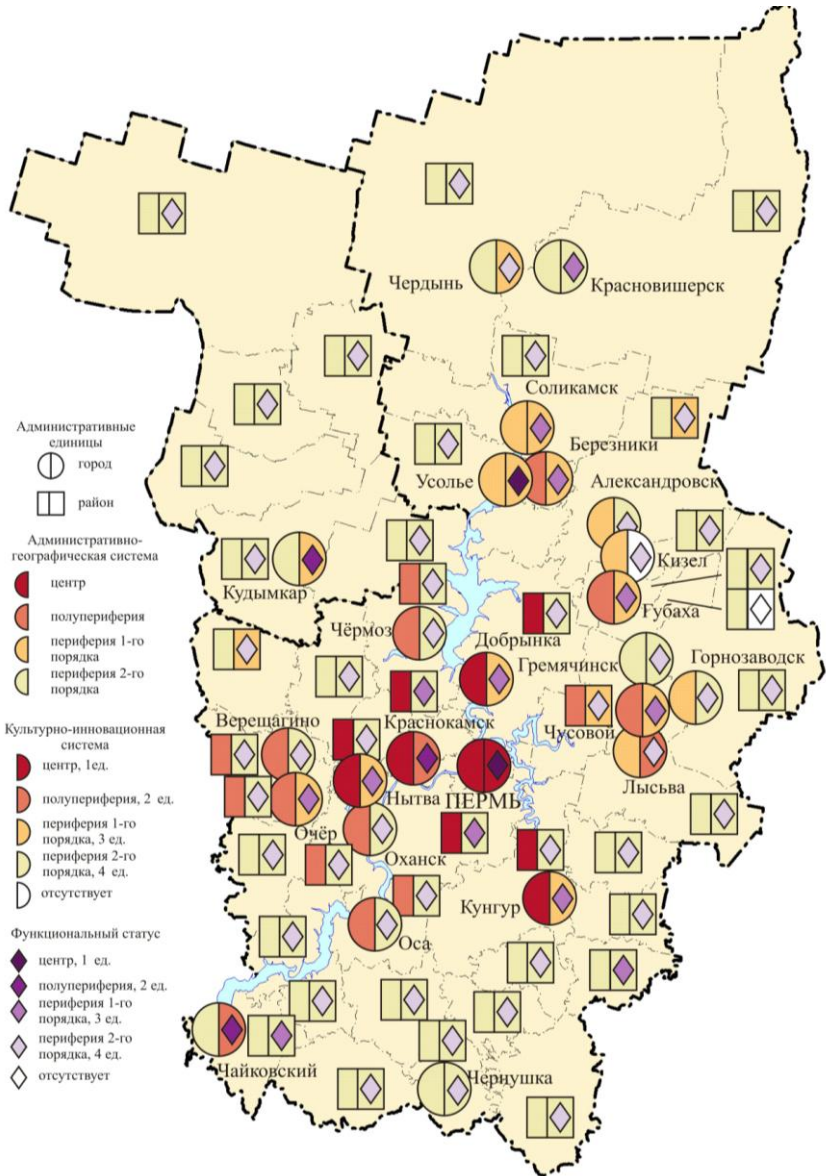

Рис. 2. Положение городов Пермского края в административно-географической и культурно-инновационной системах Ц—П

5. Остальные центры региона (за исключением столицы бывшего субъекта Федерации — Кудымкара) отличает низкий уровень качества жизни, ограниченность функциональной базы всех сфер и очень слабые возможности использования сферы культуры в развитии.

Таким образом, для обоснования возможных направлений инновационного развития сферы культуры в городах края необходимо учитывать следующие факторы: положение города в административно-географической системе; наличие историко-культурного наследия (культурного потенциала); степень развития объектов и направлений культуры, особенно сочетающих в себе несколько сфер; наличие опыта культурной деятельности и возможности по вовлечению местного сообщества. Сложившиеся в Пермском крае административно-географическая и культурно-инновационная системы Ц—П в большинстве случаев не совпадают. В каждом конкретном случае подобного рода несовпадения должны являться предметом всестороннего анализа для принятия эффективных управленческих решений по поиску новых направлений развития городов региона, укреплению и диверсификации их функциональной базы, повышению качества среды и жизни населения.

Литература

1. Обедков А. П. Эволюция городской сети и трансформация урбанистической структуры российского Севера // География и регион. Т II: Социально-экономическая география. Пермь, 2015. С. 40–47.
2. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств. От Большого взрыва до наших дней: инновационно-синергетический подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 272 с.
3. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004. 448 с.
4. Лядова А. А. Методика оценки культурных инноваций: территориальный аспект // Научное мнение. 2014. № 10. С. 130–135.

5. Лядова А. А., Меркушев С. А. Роль музыкальной составляющей культурных инноваций в функциональной трансформации муниципальных образований // *Ars Administrandi*. 2015. № 1. С. 95–112.

6. Пермская область. Комплексная схема районной планировки: проект. Т. 4. СПб.: Научно-проектная фирма «Энко», 1997.

7. Меркушев С. А. Среда как ограничитель и стимулятор реализации туристского потенциала территории // *Географический вестник*. 2010. № 1 (12). С. 13–22.

8. Иванов А. В. О «горнозаводской цивилизации» // *Новый компаньон*. 2009. № 34. С. 12–13.

9. Кузнецова Э. Р., Киселева Л. Г., Меркушев С. А. Функциональная трансформация старопромышленных депрессивных территорий: опыт, проблемы, направления // *География и регион*. Т II: Социально-экономическая география. Пермь, 2015. С. 276–282.

Анисья Лядова

А. А. Маляр,
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета,
Новокузнецк

ТЕЛО РАБОЧЕГО В НОВОКУЗНЕЦКЕ: ОТ БИОПОЛИТИКИ К ОБМЕНУ

Новокузнецк, конструируемый в 1930-х годах как социалистическая утопия модерна, идеальная индустриальная машина (Кузнецкстрой), в 1990–2000-х годах претерпел тотальный упадок ключевых городских производств (черная металлургия, угледобыча) и разрушение соответствующих культурных структур.

В фокусе данной публикации — культурные процессы, происходящие в данном контексте с культурным производством рабочего тела — его дисциплинаризацией, визуализацией, и, наконец, современным включением его в логику и экономику символического обмена в качестве генерального означающего.

Ключевые слова: индустриальный город, тело рабочего, соцгород, биополитика, символический обмен.

Цель данной публикации — представление случая индустриального города (Новокузнецка) в контексте проблематики социальных феноменов тела (в частности — тела Рабочего) как символического объекта и как объекта управления телами в городском и региональном культурном пространстве. Исторические границы нашего анализа охватывают стадии индустриального и [после]индустриального состояний Новокузнецка, на протяжении смены которых (с 1930-х по 2010-е годы) мы наблюдаем, как более ранние модели тела рабочего вытесняются, переозначаются и архаизируются поздними, порождая в итоге локальные культурные структуры, предъявленные Новокузнецком нам, исследователям, и в исходном, и, зачастую, в травестированном виде. В контексте настоящего эпитет «постиндустриальный» для Новокузнецка означает не иную социально-экономическую формацию, но — буквально — [после]индустриальное, индустриальное, пережившее своеобразную символическую смерть.

Разнородность теоретических посылок работы соответствует эклектичности эмпирических данных; так, аналитические выводы опираются на ряд предшествующих исследований, выполненных автором и его исследовательской командой в Новокузнецком филиале Кемеровского государственного университета, а также на элементы городской картографии и топонимики, визуальные и материальные артефакты, публичные городские медиа-дискурсы.

Случай Новокузнецка описывался в гуманитарных исследованиях не единожды — как модернистский и архитектурный проект «соцгорода» [1], как промышленный моногород [2], как пространство брендинга [3; 4]. Попытаемся сместить фокус исследования Новокузнецка в область разворачиваемых в нем культурных практик, связанных с телом и телесностью рабочего.

Новокузнецк индустриальный: контекст

Новокузнецк — относительно крупный город юга Кемеровской области, агломерированный с промышленно близкими Прокопьевском, Мысками, Осинниками. Данное территориальное образование составляет Кузбасс, то есть Кузнецкий угольный бассейн. «Кузбасс» используется как основа идентификации горожан, аналог «своей» территории, большей частью совпадающей с югом Кемеровской области: городское и региональное сообщества называют и представляют себя другим через индустриально определяемые локации.

Будучи в 1970–1980-х годах одним из главных промышленных центров Советского Союза, новокузнецкая экономика до сих пор является индустриально ориентированной: черная металлургия и угледобыча, по данным государственного комитета статистики за 2016 год, суммарно дают более 85% объема городского производства в денежном эквиваленте. Из более чем семидесяти угольных шахт Кемеровской области 25 являются местами работы новокузнецчан.

Картография Новокузнецка отражает две волны его индустриально ориентированной застройки (рис. 1):

- застройка 1930-х годов (Кузнецкстрой), связанная со строительством Кузнецкого металлургического комбината (КМК, сейчас — Новокузнецкий металлургический комбинат) и сформировавшая современное ядро Центрального района через триаду объектов «КМК — железнодорожный вокзал — соцгород»;

- застройка 1960-х годов, связанная со строительством гигантского Западно-Сибирского металлургического комбината (ЗСМК или, в локальном дискурсе, Запсиб). Топологически и символически строительство Запсиба было значительно более масштабным: комбинат обеспечил появление двух новых «спальных» районов, а его промышленные территории сами заняли площади размером с крупный городской район. В отличие от КМК, интегрированного в городское пространство, Запсиб функционировал как квазигород — символическое пространство, параллельное городскому, имеющее автономные инфраструктурные системы. До сих пор неформальное название «Запсиб» носят одновременно комбинат и Заводский городской район, а самый молодой район, Новоильинский, до 2000-х годов делился жителями на «ЗСМКовскую» и «КМКовскую» стороны в зависимости от того, где работали новоселы, получившие или купившие квартиру «через завод».

Период постсоветских трансформаций новокузнецкая экономика перенесла весьма болезненно — до 2000-х годов продолжались процессы децентрализации комбинатов КМК и ЗСМК в агломераты относительно автономных организаций и последующая скупка приватизированных производств. Символы культурной интерпретации экономических событий 1990-х годов — протестное шахтерское движение конца 1980-х — 1992 года и «рельсовые войны» (шахтерские забастовки 1998 года, сопровождавшиеся перекрытием железной дороги).

Рис. 1. Фрагмент карты Новокузнецка. Обозначены КМК (малая эмблема) и ЗСМК (большая эмблема)

Коммуна и тело рабочего: символическое отчуждение

Первая волна индустриализации, в том числе создание соцгорода, была стандартна для ранней советской урбанистики. Архитектура соцгорода предполагала ряды трехэтажных зданий («десять каменных громадин» [5, с. 10]) для частного проживания строителей и рабочих; квартиры маленькой площади (норма — $4,6 \text{ м}^2$ на человека) были, однако, альтернативой барачным застройкам с нормой 2 м^2 на человека. Е. Полянская в 1931 году описывает их следующим образом: «Система изолированных квартир в три комнаты с коридорчиком, кухней, ванной комнатой и уборной. Фактически в каждой из трех комнат помещаются отдельные семьи» [там же].

В биополитическом отношении соцгород 1930-х годов скорее выступал вынужденной системой общежития в тяжелых условиях, нежели системой коммунизации тела на идеологической

основе, и новокузнецкий соцгород представлялся альтернативой не мещанской организации быта досоветского времени, а барачному быту работников (альтернативную капиталистическую логику модернистской архитектуры см., например, у Бюхли [6, с. 144–154]).

По оценкам Полянской, Кузнецкстрой (включавший, кроме «соцгорода», районы барачной и частной застройки) на 96% обеспечивал рабочих общественным питанием, но показатели санитарного состояния, обеспечения медицинским обслуживанием и детскими учреждениями были значительно ниже. В целом биополитический образец предполагал совместное проживание нескольких десятков человек с вынесенными за пределы дома функциями обеспечения пищей и гигиены, распределенными по нескольким кварталам тела-коммуны (образцовая общественная «Баня № 1» в черте соцгорода функционирует до сих пор). В качестве дискурсивного формата он применялся до конца 1990-х — местные издания по истории промышленных комбинатов неизбежно включают перечисление количества работающих и планируемых к открытию «записибовских» или «кмковских» столовых, больниц, санаториев, общежитий.

Вероятно, в условиях отсутствия частной, приватной телесности тело рабочего претерпевает отчуждение и возвращается (представляется) в качестве визуального эстетического образца. Мы обнаруживаем два режима репрезентации тела советского человека: во-первых, апелляция к античным телесным образцам — репрессивным, как показывает, в частности, Е. Толстик [7]; во-вторых, драматизация тела в жанрах конструктивистской монументальной живописи и скульптуры, пастишем которой являются современные граффити на стенах соцгорода, в частности — портрет В. Маяковского. Первый режим опирается на традиции советской парковой скульптуры и уже в наше время возвращает в пространство соцгорода ностальгически ориентированный Парк советской скульптуры (рис. 2), второй представляет монументальное, обезличенное трагическое тело рабочего (рис. 3).

Рис. 2. Фрагмент парка советской скульптуры в 2017 году (проект П. Клепикова; фото А. Маляр)

В настоящее время тело рабочего в Новокузнецке (и почти на всей территории Кузбасса) визуально представлено артефактами исключительно второго режима. Так, в центре Новокузнецка оформляют вход в городской сад парные скульптуры сталеваров 1936 года (рис. 4). Скульптуры значительно больше человеческого роста и находятся на постаментах, возвышаясь над входящими в парк *отдыхающими*. Лица сталеваров скрыты, семиотика тела (согнутая фигура, хватка инструмента, упор ног) напоминает праздно публике о тяжелом, изнурительном рабочем труде — далее мы увидим, как коннотации классовой вины и жертвенности закрепились в формате фотографического кано-на шахтера.

Итак, отчужденное тело рабочего возвращается в качестве символического объекта — не героического строителя коммунизма, но трагического, жертвенного, обвиняющего тела.

Рис. 3. Панно «Шахтерский труд» (создано художественной группой руководством В. Лукьянчикова; источник фото — www.kuzpress.ru)

Рис. 4. Скульптуры сталеваров (скульптор А. Сузиков; фото А. Маляр)

Коллективное тело-комбинат

Волна индустриализации 1960-х годов ставит комбинат ЗСМК в центр топологии социального пространства и сети социальных отношений. В отличие от Кузнецкстроя, обеспечивающего минимальные требования телесного благополучия, новый комбинат, возводимый в «сытые» годы, к 1970-м годам сформировал систему тотальной телесной *заботы*: сеть заводских столовых (используемых в том числе для покупки еды для дома); производство продуктов питания (выращивание овощей, ведомственные животноводческие фермы и рыбные хозяйства); обеспечение индивидуальным благоустроенным жильем в масштабах уже не кварталов, а районов; ведомственные больницы, поликлиники и зубоврачебные кабинеты (последние — также на территории комбината); система детских лагерей; систематическое (часто — ежегодное) оздоровление работников в санаториях и домах отдыха; обеспечение рабочих земельными наделами для выращивания картофеля и организация выездов на них. В 1990-х годах «через завод» распределяли даже суточных инку-

баторских цыплят для выращивания сначала в городских квартирах, а позже, летом — на дачных участках. Пронизывающая город система служебного транспорта завершала параллельное Новокузнецку пространство.

По контрасту с высокой текучестью кадров на Кузнецкстрое, комбинат обеспечивал длительное время службы на одном рабочем месте, сопряженное с заселением жилых кварталов в 1970–1980-х годах по цеховому принципу и (часто) выделением дачных участков в одних и тех же дачных товариществах, формируя новый тип рабочего тела — окруженный институциональной заботой на всем протяжении жизни, интегрированный в систему последовательных трудовых коллективов (бригада — цех — комбинат). Любопытными элементами этого этапа являются, во-первых, частичная приватизация биополитических технологий, их репликация на уровне ячейки-бригады, во-вторых — фантазматические патримониальные отношения между рабочим и комбинатом.

Так, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, с началом упадка централизованной заботы, возникают стихийные практики нетрадиционного лечения и духовных практик в рамках трудовых ячеек (автору известны минимум два подобных случая), совместного обеспечения питанием с помощью коллективных заказов и выездов (рыбалка, собирательство ягод и грибов); уже в 2000-х годах в части трудовых коллективов практиковалось копчение или консервирование продуктов на рабочих местах, выращивание там же дачной рассады (подробнее о роли пищи в конструировании совместных пространств см. у Р. Барта [8, с. 192–206]). Отметим интеграцию практик в трудовую жизнь коллектива: для их исполнения привлекаются служебный транспорт и помещения, ролевое распределение отражает служебную иерархию.

Патримониальность отношений становится очевидной в ходе деиндустриализации конца 1990-х — 2000-х годов. Смена собственников, дробление производств, изменение организационной структуры переживается как развал / распад / смерть центрального организующего порядка, фантазматического комбината-Отца: «У города нет будущего, все развалили и продали»

(фрагмент интернет-опроса); «Эх, какие громадные были комбинаты — и Запсиб, и КМК. Это теперь и тот, и другой развалили, объединение придумали... Жалко очень» (из статьи о новокузнецанах); «Сволочи, такое предприятие развалили!», «Эх. Такой комбинат развалили. Столько людей на обочину», «Убивать заводы в Кузбассе — вот последнее развлечение власти!», «КМК ударно развалили, теперь твоя очередь, Запсиб!» (комментарии интернет-пользователей к различным новостям).

Актанты в этом дискурсе, как правило, отсутствуют — комбинаты «развалили», «продали» неназываемые силы, в то время как процессы 1990-х годов артикулируются как «разворовали», часто — с указанием фамилий «разворовавших». Отметим откровенно топологическую семантику «развала» — деструкция тела-комбината осмысляется как его рассредоточение в пространстве, раз-единение. Функциональная роль комбинатов в культурном поле города становится очевидной после того, как их *распад=развал* запускает семантику смерти уже в контексте Новокузнецка — он представляется не как «умирающий» город, вызывающий к действиям по его оживлению, но как уже [давно] умерший объект, смерть которого — наличный факт.

Процесс амбивалентен — он объединяет запрет публичной артикуляции смерти и представление Новокузнецка как поля постмортальной метафорики. Так, проективное исследование К. С. Таракановской, проведенное в 2016 году в рамках подготовки бакалаврской работы (выборочная совокупность включила 317 учащихся одиннадцатых классов новокузнецких школ), показало отчетливое преобладание в молодежной среде ассоциаций Новокузнецка с фильмами апокалиптической и постапокалиптической тематики: Новокузнецк — это место, где смерть уже произошла.

Тело шахтера: человек из другого места и символический обмен

Описание следующего этапа представления тела рабочего в [после]индустриальном Новокузнецке требует от нас смены ракурсов обзора: во-первых, топологического масштаба (речь идет о Новокузнецке как о репрезентанте городов Кузбасса), во-

вторых, мы возвращаемся от исследования коллективного тела к дискретному приватному телу, а именно — к телу Шахтера как ключевого символического объекта 1990–2010-х годов.

Активная деятельность шахтерского движения и «рельсовые войны», выступающие до сих пор основой политической капитализации региональной власти (которая «успокоила» шахтеров), проблематизировала в социальных исследованиях политическую и культурную субъектность шахтеров: могут ли они быть субъектами желаний, требований, воззваний [9; 10]? Насколько самостоятельными (в политтехнологической трактовке) являлась их протестная деятельность [11]? Завершением дискурсивной экспликации этих процессов явился визуальный канон фотографического представления шахтеров (он, конечно, не уникален для Кузбасса и используется в ряде угольных регионов, см. рис. 5, 6).

Рис 5. Типичное изображение шахтеров
(источник фото — <http://nk-tv.com>)

Канон предполагает, что шахтеры находятся в шахте или только что вышли из нее; фронтальный ракурс съемки сопровождается прямым взглядом на смотрящего, тела дублируются оболочкой угольной пыли, оставляя нетронутыми глаза. Семио-

тическая и феноменологическая роль Шахтера в каноне — человек, который *вышел из другого места*, и *смотрит*. Безусловно, требовательность, воззвательность взгляда Шахтера к смотрящему на фотографию продуцирована отчасти их уже утраченным политическим статусом — мы наблюдаем травестирирование требовательно сидящих на рельсах шахтеров конца 1990-х.

Рис. 6. Изобразительный канон в качестве фотографического фона на городском празднике в 2017 г. (источник фото — www.city-n.ru)

Этот семиотический статус позволяет телу шахтера участвовать в процессе архаизации региональных отношений власти и культурных структур, обнаружить которых становится возможно с помощью антропологических механизмов. Исследование того, каким образом ключевые промышленные события — крупные аварии на кузбасских шахтах — интегрируются в культурную среду и публичный дискурс, вскрывает потлачевый механизм, в ходе которого *тела шахтеров* символически обмениваются в сериях-«реваншах» неэквивалентных дарообменов на «компенсации» сообществу в финансовом, материальном и ду-

ховном эквивалентах [12] (подробнее о принципах потлачевого дарообмена см. у М. Мосса [13] и М. Годелье [14]).

Потлачевый обмен поддерживает систему региональных дискурсивных табу в авариях (в частности, запрет на героические нарративы об авариях, на политические и экономические требования от лица шахтеров, на дискурсы коллективной травмы) и властных отношений, так как региональная власть конституирует Другого перед обществом, выступая посредником обмена. Экономическая валидизация тел обеспечивается их отчуждением, в том числе как капиталистическое исчисляемое, операционально редуцированное тело [15, с. 57–67].

Последнее утверждение выглядит не более чем локальной гипотезой, если не упомянуть аналогичный потлачевый обмен последних лет, конституируемый откровенно политически — публичную *раздачу* жителям городов Кузбасса областной властью *вещей* — средств биополитической заботы (ранее — угля, домашних животных, овощей, в последние годы — велосипедов и палок для скандинавской ходьбы). Избыточность реваншей в вещественном и в функциональном эквивалентах (за 2015–2016 годы жители получили 10 тысяч велосипедов и 25 тысяч пар палок, поводы *раздач* становились все более скромными, а полезность даров — все менее очевидной) расширяет объяснительные возможности нашей исследовательской модели.

Литература

1. Лизогуб П. П. Формирование территории города Новокузнецка и его районирование (1940-х гг.) // Кузнецкая старина. Новокузнецк. 2008. Вып. 10. С. 106–139.

2. Урбан О. А. Социальные трансформации в условиях структурной перестройки базовых отраслей промышленности в Кемеровской области (начало 1990-х — 2010 гг.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2011. 393 с.

3. Рещикова И. П. Шахтерская территория как региональный бренд // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 119–125.

4. Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт, журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5 С. 29–41.
5. Полянская Е. М. Быт рабочих на Кузнецкстрое // Советское краеведение. 1931. № 10. С. 6–11.
6. Бюхли В. Антропология архитектуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 288 с.
7. Толстик Е. Репрессивный конструкт гармоничности // Визуальное (как) насилие: сборник научных трудов. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2007. С. 110–126.
8. Барт Р. Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
9. Козина И. М. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 485–502.
10. Левчик Д. А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 111–119.
11. Климов И. А. Шахтеры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. 1999. Т. 8. № 3. С. 133–152.
12. Маляр А. А. Тело шахтера в дискурсивной традиции угольного региона // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 162–170.
13. Мосс М. Общества, обмен, личность. М.: Книжный дом «Университет», 2011. 416 с.
14. Годелье М. Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007. 295 с.
15. Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. 448 с.

М. В. Ненахова,
Екатеринбургская академия современного искусства,
г. Екатеринбург

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ЗА И ПРОТИВ

Культура — неотъемлемая духовная часть жизни общества. Однако сегодня культура стала не способом самовыражения личности, а легким способом заработать деньги. В этих условиях учреждения культуры переводят свою деятельность на коммерческие рельсы, используя такие явления, как спонсорство, меценатство и гранты. Люди искусства вынуждены делать из искусства шоу с целью завлечь людей и продать произведение как можно выгоднее. Однако превращение искусства исключительно в источник дохода подрывает деятельность, мотивацию и возможности культурного роста.

В тексте статьи будет представлен один из возможных выходов из этой ситуации.

Ключевые слова: массовая культура, коммерциализация, экономический кризис, меценатство, гранты, спонсорство, шоу.

Культура — все те материальные и духовные ценности, которые созданы человеком [1]. Она помогает воспитывать духовно богатое, нравственное, эстетически развитое интеллектуальное поколение. Сфера культуры, казалось бы, предназначена для духовного обогащения и самовыражения человека. Но в современном мире искусство и культура в целом стали не столько способом самовыражения личности, сколько легким способом получения денег. Также культура становится массовой.

Понятие «массовая культура» давно стало неотъемлемой частью нашей жизни, характеризующей современное общество — общество потребления, в котором даже искусство стало предметом коммерческой выгоды, превратившись в «продукт массовой культуры» [2].

Как же могла произойти такая трансформация важнейшей сферы общественной и личной жизни человека? Главными причинами этого стали переход на рыночные отношения при отсутствии полноценного финансирования деятельности учреждений

культуры и искусства, а также изменение потребностей населения в услугах учреждений культуры.

В сложившихся условиях учреждения культуры продолжают работать, переводя свою деятельность на коммерческие рельсы. В связи с этим все больше развивается такое явление, как коммерциализация культуры. Коммерциализация — это превращение чего-либо в источник дохода.

По ведомственной структуре расходов федерального бюджета на 2017 год из общей суммы в 16241 млрд руб. на культуру выделено 93 млрд руб. В 2018 году на культуру планируется выделить 82 млрд руб., а в 2019 году — 72 млрд руб.! [3]

Государство год за годом уменьшает сумму средств, выделяемых на культуру. Это показывает то, что культура стоит далеко не на первом месте у государства.

По распределению бюджетных ассигнований расходов бюджета города на 2017 год видно следующее: из всего бюджета, составляющего 34 млрд. руб., на культуру выделяется всего 2,8% [4].

Достоинством коммерциализации является появление у учреждений культуры возможности активно привлекать внебюджетные средства для реализации авторских культурных и социокультурных проектов, на реконструкцию зданий, приобретение и настройку музыкальных инструментов за счет спонсоров, грантов.

Рассмотрим такие явления, как меценатство, гранты и спонсорство.

Меценатство — добровольная безвозмездная материальная помощь деятелям культуры, культурным учреждениям и акциям со стороны богатых и влиятельных покровителей. Материальная поддержка тех или иных деятелей культуры может служить достижению разнообразных целей: экономических, политических, идеологических [5, с. 8].

Гранты в сфере культуры — безвозмездная финансовая помощь, оказываемая с целью поддержки профессионального развития и совершенствования материально-технической базы учреждений культурно-досугового типа.

Заявка на грант представляет собой последовательный план действий с указанием подробного описания проекта, его географии, исполнителей, статей расходов, механизма оценок и ожидаемых результатов. Получение грантовой поддержки обязывает учреждение культуры в установленные сроки представить полный отчет о реализации средств [6].

Активность меценатов способствовала возникновению спонсоров. Главное отличие спонсорства от меценатства — получение выгоды для обеих сторон, что является обязательным элементом спонсорства. Иногда спонсорская поддержка оказывается для создания некоего благотворительного проекта и привлечения благотворителей [5, с. 15–16].

Спонсорство в культуре — своего рода реклама, продвижение своего бренда через какие-либо мероприятия в сфере культуры.

Рассмотрим отрицательную сторону коммерциализации.

Своеобразная работа музыкантов, художников, танцоров и др. — создание и поддержание культуры общества. Однако из-за коммерциализации они вынуждены зарабатывать дополни-

тельно, учитывая условия нынешнего экономического кризиса. Культура — одна из сфер жизни общества, на которой стало возможным заработать.

Продолжая тему превращения искусства в «продукт массовой культуры», стоит отметить, что деятелям искусства приходится думать не только о первоначальной идее, посыле, которые они вкладывают в свои творения. Они вынуждены задумываться и о том, чтобы публике это понравилось. Приходится делать из искусства шоу с целью завлечь публику и продать произведение как можно выгоднее.

Также в настоящее время государство очень слабо финансирует муниципальные автономные учреждения культуры, вследствие чего последним приходится прибегать к предоставлению различных платных услуг, таких как сдача помещений в аренду, взимание платы за вход на мероприятия и т. д. Учреждения культуры не имеют достаточно средств для реставрации и поддержания зданий в надлежащем состоянии. Это видно на примере состояния крыльца КДЦ «На Варшавской».

Из-за экономического кризиса в стране люди не имеют достаточно времени и средств, чтоб ходить в музеи, театры и т. д.

Коммерциализация в таких сферах жизни, как экономика, может помочь поддержанию и развитию их деятельности. Однако превращение искусства исключительно в источник дохода подрывает деятельность, мотивацию и возможности культурного роста.

Одним из возможных решений может стать создание сайта, который объединил бы бедствующие учреждения культуры и людей, ищущих материальной поддержки своих проектов, с меценатами, грантодателями и спонсорами.

Литература

1. Национальная философская энциклопедия [Электрон. ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/kultura.html> (дата обращения: 18.06.2017).

2. Тукбаева Е. Достоинства и недостатки массовой культуры [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2013/03/12/185> (дата обращения: 18.06.2017).

3. Федеральный закон от 19 декабря 2016 года № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

4. Бюджет 2017–2019 годов [Электрон. ресурс]. URL: <http://финансы.екатеринбург.рф/byudjet-2017-2019gg> (дата обращения: 18.06.2017).

5. Васюкова Т. Ю. Практики меценатства и спонсорства в сфере культуры Екатеринбурга: социокультурный анализ. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2016. С. 77.

6. Справочник руководителя учреждения культуры [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.cultmanager.ru> (дата обращения: 18.06.2017).

Е. Н. Панасенко,
Екатеринбургская академия современного искусства,
г. Екатеринбург

РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО [ПОСТ]ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В данной статье рассмотрены проблемы развития рекреационного пространства [пост]индустриального города. Освещается актуальность улучшения экологической обстановки в городах мира. Также рассмотрены предпринимаемые меры по развитию рекреационных зон современного города.

Ключевые слова: рекреационное пространство, актуальность, городская рекреационная среда, экология, Шанхай, Уралмаш, векторы развития.

XXI век — время постиндустриальной эпохи. На смену индустриальному городу, созданному вокруг одного или нескольких производств, пришло время постиндустриального города. Основной целью при строительстве индустриальных городов была полная унификация всех благ для всех жителей в равной степени. Сегодня стали учитываться интересы социальных групп с разными финансовыми возможностями или с разной формой занятости. При этом в эпоху постиндустриальных городов мероприятия по улучшению окружающей среды, благоустройству, озеленению городов и населенных мест становятся все актуальнее. Доказательством может служить то, что 2017 год был объявлен годом экологии.

На сегодняшний день, по данным МИА «Россия сегодня», в рейтинг самых грязных регионов России входят следующие регионы:

1. Иркутская область;
2. Курганская область;
3. Ленинградская область;
4. Московская область;
5. Оренбургская область;
6. Свердловская область;

7. Тверская область;
8. Челябинская область;
9. Еврейская автономная область;
10. Республика Бурятия [1].

Как видим из перечня, Свердловская область входит в этот рейтинг, занимая 6 место. Это связано с рядом причин:

- большое количество промышленных предприятий на территории Екатеринбурга и городов Свердловской области загрязняют окружающую среду;
- идет рост личного автопарка, что, с одной стороны, приводит к загазованности атмосферы, а с другой — к вырубке деревьев и уничтожению газонов для организации парковки в городах;
- происходит постоянное сокращение и уничтожение лесных массивов, связанных с освоением и застройкой новых территорий [2, с. 98]. Для повышения конкурентоспособности туристической деятельности города, организации мест отдыха горожан создаются рекреационные зоны — места «отдыха и восстановления сил человека» [3, с. 675].

Существует множество видов рекреационных пространств. Это парки, скверы, городские площади, аллеи, бульвары, сады, а также набережные, открытые эспланады памятных мест, фрагменты естественного природного ландшафта, дворовые территории жилых комплексов. На сегодняшний день к ним присоединяются крытые переходы, аркады, пассажи, пространства между домами, пешеходные улицы.

Для повышения экологического качества жизни и создания комфортной городской среды в современном мире применяются разные подходы:

- «озеленение» зданий;
- подземное строительство;
- превращение промышленных зон в экологически сбалансированные территории;
- преобразования в структуре производственных территорий с увеличением компонента природного ландшафта;
- создание объектов ландшафтной архитектуры, требующих минимальных затрат на обслуживание;

- появление и развитие мини-парков, тематических садов уровня здание-группа зданий;
- использование экологически чистых строительных материалов.

Одним из ярких примеров развития рекреационных зон является город Шанхай. Необычный парк — Houtan Park (рис. 1). На месте этого парка на берегу реки Хуанпу находилась заброшенная промышленная зона. Специалисты из компании Turenscape решили не трогать заросли камыша, сделав их главным элементом парка. При создании Houtan Park камышовые заросли очистили, вокруг них были созданы площадки, пешеходные дорожки, беседки и другие элементы парковой инфраструктуры — все построено на сваях. Очищение берега Хуанпу от мусора привело к появлению водных растений, свойственных уже более чистой воде – кувшинок, лилий, некоторых видов водорослей. Этот процесс положительно сказался на экологии реки, сделав Хуанпу относительно чистой.

Рис. 1. Houtan Park (фото: Kongjian Yu [4])

Еще одним примером может служить проект рекультивации заброшенного карьера. «Межконтинентальная шанхайская страна чудес Шимао» — отель, спроектированный на склонах котлована. Этажи отеля спускаются вдоль обрыва на глубину 100 метров к расположенному там искусственному озеру (рис. 2).

Рис. 2. Межконтинентальная шанхайская страна чудес Шимао (источник: WorldPix.ru [4])

Еще одна из важных тенденций современной архитектуры Шанхая — использование вертикальных поверхностей для озеленения и создания рекреационных пространств. Вертикальное озеленение фасадов зданий — один из способов экологизации городской среды в условиях недостатка озелененных пространств и плотной застройки. Ярким примером использования технологий вертикального озеленения в Шанхае является здание Музея естественной истории (рис. 3), спроектированное компанией Perkins+Will под руководством архитектора Ральфа Джонсона. Крыша музея полностью покрыта газоном, а часть стен — вертикальным озеленением. Связь с природой, простота, идея традиций — так можно сформулировать основные принципы авторов проекта [3, с. 2220-2221].

Рис. 3. Музей естественной истории (фото: James and Connor Steinkamp [4])

Выделяют следующие проблемы при развитии рекреационного пространства города:

- строительство новых зданий на территории охранных зон без сохранения природных объектов;
- потеря озелененных внутриквартальных зон в связи с точечной застройкой;
- неточное обозначение границ зеленых зон при разработке генерального плана города [4, с. 98].

Помимо перечисленного, уменьшается количество самих рекреационных зон, что приводит к ухудшению экологической обстановки. Для их сохранения можно проводить следующие мероприятия:

- фестивали, на которых продаются растения для посадки на территории городов;
- собрания граждан с целью сбора информации по улучшению городских зон отдыха;
- проведение праздников и развлекательных программ по развитию зеленых зон;
- проведение выставок творческих работ для поощрения стремления людей развивать рекреационные зоны;
- проведение платных концертов, средства которых идут на развитие рекреационных зон;

- проведение развлекательных экскурсий для детей по образцово-рекреационным зонам с целью развития любви к природе.

Создание рекреационного пространства является ключевой задачей современного города. Актуальным становится организация искусственной, «интерьерной» среды города. Сегодня рекреационная среда — это не только отдых, но и место получения новых впечатлений. Новые рекреационные пространства обогащают планировочную структуру города, формируя при этом его новый облик.

Литература

1. Кряжев А. Названы самые чистые и грязные регионы России [Электрон. ресурс] URL: https://gia.ru/ecology_news/20170309/1489598409.html (дата обращения 14.05.2017).

2. Миллер Е. М. Основные проблемы рекреационных зон в структуре города [Электрон. ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27538971> (дата обращения 14.05.2017).

3. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.

4. Мищенко А. С. Современные тенденции формирования ландшафтно-рекреационных пространств в условиях мегаполиса на примере города Шанхая [Электрон. ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25571830> (дата обращения 14.05.2017).

А. В. Прокофьева,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОРОДСКИХ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ (НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМИ)

В статье представлен анализ городских публичных пространств, их основных характеристик и протекающих в них социальных процессов в контексте выполняемых ими социальных функций. Показана актуальность данной проблематики в российских условиях. Основной акцент сделан на рассмотрении социальных функций публичных пространств, направленных на развитие коллективности и взаимодействие различных групп. Анализ опирается на результаты проведенных в г. Перми эмпирических исследований.

Ключевые слова: публичные пространства, социология города, городская среда, социальные функции городских публичных пространств

Публичные пространства в современных городах зачастую рассматриваются как основа для формирования территориальной идентичности, пространства для «диалога» и публичной жизни. Публичные пространства — это своеобразные анклав, в которых протекает ряд важнейших социальных процессов, связанных с жизнью города. В связи с этим говорят о необходимости создания и развития существующей в каждом конкретном городе системы публичных пространств.

В фокусе исследования — ключевые характеристики городских публичных пространств с точки зрения выполняемых ими социальных функций. Одна из основных проблем, которую публичные пространства могут разрешать, — это анонимность и отчужденность, являющиеся неотъемлемыми спутниками жизни в городе. Таким образом, публичное пространство представляется скорее не местом с определенными признаками (зачастую отличающимися в разных странах, поскольку они определяются законодательством), а средством для развития коллективности.

Самоорганизация, которую способны индивиды проявлять в публичных пространствах, способствует развитию чувства сопричастности и приобщения, проявлению автономности в противовес тенденциям к атомизации и разрушению общностей. Теоретико-методологической базой избраны подходы американских социологов Р. Сеннета, Л. Лофланд и Ш. Зукин с их акцентом на понимании публичных пространств как мест встреч незнакомцев. В качестве эмпирического материала выступают результаты двух авторских исследований, проведенных в 2016 году с использованием комплекса методов сбора данных: «Социальные функции публичных пространств г. Перми» (экспертные интервью, включенное наблюдение) и «Использование парка им. Чехова г. Перми его посетителями» (формализованный опрос, включенное наблюдение, ментальные карты парка, созданные посетителями).

Следует отметить, что в социологии существует несколько различных подходов к пониманию публичной жизни в зависимости от того, на какой из ее сторон делается акцент. *Первый* из этих подходов понимает публичность как пространство встреч свободных граждан и выработки ими единой точки зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся их частных интересов. Данное «течение» ассоциируется с именами Ханны Арендт и Юргена Хабермаса и связано в первую очередь с политикой и выработкой политических решений. Если для Ю. Хабермаса публичное пространство — это любое пространство, где могут протекать публичные дебаты, то для Х. Арендт идеалом публичного пространства выступают античная греческая агора или римский форум. Таким образом, это могут быть как кафе и чайные дома (места зарождения публичных дебатов), так и городские площади и бульвары (места сбора граждан для привлечения максимального внимания общественности к той или иной проблеме). Хотя указанный подход и не является центральным для проведенного анализа публичных пространств, однако поднимает ряд проблем и выступает для них объяснительной моделью.

В области урбанистической экспертизы имеется опыт исследований пригодности публичных пространств для политиче-

ских выступлений и выражения гражданской позиции с опорой на методологический аппарат для оценки walkability («пешеходности», пригодности для пешеходов). Сама необходимость проведения экспертизы уже указывает на разницу в содержании понятий «общественное место», которое представлено в законодательных актах, и понятие «публичное пространство». В соответствии с выделенными исследователями критериями степень «публичности» общественного места возрастает там, где интенсивнее пешеходный поток и выше транспортная и пешеходная доступность, где больше предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг, тогда как места с преобладанием административных зданий, наоборот, создают «зону тишины» [1]. Подобную проблему во взаимодействии с властями г. Перми при согласовании места проведения общественных акций в защиту животных описывает один из информантов: в двух из трех случаев место проведения акции было перенесено в общественное место, в котором, по мнению организаторов, практически не бывает людей. *«Если это акция не „про Крым“, то велика вероятность, что сошлют куда-нибудь (имеется в виду, согласуют малолюдное место для проведения). <...> Хочешь выразить свою волю — иди к ДК Солдатова, где никого нет!»*

Активно «оккупированные» людьми для выражения своей гражданской позиции площади и улицы в разных странах и городах мира становятся, таким образом, средой для протекания классических форм общественно-политической жизни. Все еще актуальной является потребность в общественных пространствах формата многотысячной площади, способных выполнять *функцию площадки для выражения общественной и политической воли*. Именно в реализации данной функции наблюдается ряд проблем. По замечанию О. Паченкова, практика защиты таких пространств от посягательств разных частных групп «представляет собой злоупотребление тезисом о публичном характере городских пространств, догматически (и политически) последовательно противопоставляемому не столько приватности, сколько партикулярным интересам конкретных социальных групп, и ведет к деградации публичной жизни в городах. Под прикрытием принимаемого на веру тезиса о гомогенности некой городской

„публики“ горожанам фактически отказывают в праве на использование общественных пространств; их единоличным пользователем оказывается государственная и городская власть, объявившая себя единственным легитимным представителем абстрактной „общественности“. „Общественными“ событиями, которые могут проходить в публичных пространствах города, соответственно, считаются лишь те, которые организованы властями (парады, демонстрации, официальные карнавалы и т. п.) или санкционированы ею. От остальных горожан это пространство надежно и жестко охраняется» [2]. Все вышесказанное выводит нас на проблемы постсоветских городов, избыточно общественных местами, но почти лишенных публичных пространств.

Второй подход, ключевой для нас, носит скорее культурный характер, поскольку акцент в нем делается в первую очередь на возможностях и способах свободного взаимодействия между незнакомыми людьми, а публичность рассматривается как «социабельность» — общительность, способность или склонность к завязыванию связей с другими людьми. Эта традиция понимает публичную сферу как пространство, где имеют место «множественные незапланированные взаимодействия», где незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга. Этот подход связывают обычно с именем Ричарда Сеннета и Лин Лофланд, которые в свою очередь ссылаются на драматургическую социологию Ирвинга Гофмана. Двух указанных авторов, и косвенно И. Гофмана, который напрямую городом не занимался, но чьи работы являются теоретико-методологической основой для Сеннета и Лофланд, объединяет позиция в рассмотрении публичных пространств в рамках континуума «публичное — приватное». В рамках данной дихотомии (в случае Лофланд трихотомии: публичная — местно-локальная — приватная) они отмечают кризис публичной сферы в современных городах. Для больших городов характерна «тирания интимности», когда индивиды погружаются в уютную интимность соседской общины. Концепции, описывающие большой город как сферу отчуждения, анонимности, отношений, обозначенных Ф. Теннисом понятием *Gesellschaft*, в обще-

ственном сознании приобретают характер алармистских. В силу того, что город в общественном сознании становится клишированным символом безличностного, люди, запуганные мифом о разобщенности, страшными сказками о бездушной, жестокой городской толпе, стремятся создать для себя некое сообщество на основе порожденной ими же коллективной личности, стремятся вернуться к отношениям типа *Gemeinschaft*, которые, на их взгляд, будут процветать в таких сообществах. Именно *Gemeinschaft* Сеннет характеризует как деструктивную, поскольку в итоге люди теряют умение взаимодействовать с индивидами за пределами своей «домашней группы» как гражданин с гражданином, не погружаясь в «личные, интимные отношения». Деструктивная *Gemeinschaft* формирует в индивидах, к ней принадлежащих, чувство недоверия к чужакам, стремление к закрытости и замыканию в рамках общины [3, с. 392]. Кроме того, сила эмоциональных связей приводит к тому, что если отношения в общности начинают носить конфликтный характер, то значительно повышается острота конфликтов и агрессивность поведения. Данное обстоятельство накладывает на городские публичные пространства двойные требования: с одной стороны, решать проблему отчужденности и анонимности в больших городах, с другой — становиться коммуникационной площадкой, где люди смогут взаимодействовать не только в рамках «мы-групп», но и с незнакомцами. Смерть городских публичных пространств привела к тому, что люди разучились коммуницировать с незнакомцами, они остаются индифферентными молчаливыми чужаками, не интересующимися друг другом и не вступающими во взаимодействие без крайней нужды. Они также не способны открываться друг другу как граждане, горожане, соблюдая необходимую дистанцию и «цивилизованную корректность», «вежливое невнимание», как называл его И. Гофман.

Схожие проблемы ставит и Л. Лофланд, описывая ситуацию «захвата» публичных пространств и создания внутри публичной сферы «пузырей» частного, в которых царят отношения *приватного* и *местно-локального* характера (отношения выделены в соответствии с ее различением трех вышеупомянутых сфер). Так, она использует понятие «путешествующая стая» (*traveling*

pack), под которой подразумевается достаточно большая группа хорошо знающих друг друга и имеющих устойчивую идентификацию с группой людей, которые могут создавать «пузыри» частного в публичном пространстве. Их достаточное число и тесные личные связи между собой создают ситуацию защиты и взаимной поддержки, порождающей самоуверенность, таким образом, их поведение может существенным образом отличаться от поведения других людей, находящихся в этом пространстве. Несомненно, их самоуверенное поведение «как дома» может зависеть от количества других людей и групп в данном пространстве, наличия и степени строгости правил поведения в нем. Однако при достаточном числе членов такой «путешествующей стаи» складывается ситуация, исключающая потребность в беспокоействе об установлении собственной идентичности, а также взаимодействии с незнакомыми людьми по общим для публичной сферы правилам [4]. Эти группы создают «пузыри частного» внутри публичных пространств, что приводит к размыванию правил поведения в данных пространствах, кризису публичной сферы и распространению идеологии антиурбанизма. Отсюда внимание и Сеннета и Лофланд к проблемам отчуждения человека в условиях взаимодействия с «чужаками» (в культурном смысле этого слова, то есть иными культурно) в публичной сфере. Из указанного рассмотрения вытекает акцентирование внимания на специфических проблемах городских публичных пространств и тех характеристиках, которыми они должны обладать, чтобы не стать антропопустынями с «пузырями частного». Ключевым моментом в этом процессе становится способность выйти за пределы своей зоны комфорта (из своего «пузыря частности») и открыться чужаку, при этом оставаясь гражданином.

Интересно, что в качестве примера Л. Лофланд приводит группу подростков, ведущих себя по «своим собственным правилам» в здании аэропорта. В рамках проведенного нами исследования данная возрастная группа скорее попадала в категорию тех, кто вынужден покидать изначально предназначенные для них пространства, когда они оказываются востребованными другими. Обратимся к двум примерам — специализированном

Экстрим-парке и парке районного значения, в котором специально выделена зона для занятий спортом, включающая экстрим-площадку.

В 2009 году в Перми построили Экстрим-парк, считающийся первым парком такого типа в России. Парк, несмотря на целый ряд проблем с поддержанием его в функциональном состоянии (отсутствие сезонных уборок и капитального ремонта) активно используется подростками и молодежью, занимающейся экстремальными видами спорта. Маркирование парка данной группой как «своего» также интересным образом обозначилось в ситуации, выявленной в ходе неструктурированного наблюдения. Если в будние дни кроме самих скейтбордистов в парке было мало других людей (родители с детьми гуляли в парковой зоне, которая по отношению к экстрим-парку является периферийной, знакомство с культурой данной субкультурной группы и наблюдение за «другими» по сути отсутствовало), то в выходные картина менялась. Парк был востребован разными группами населения, в том числе родителями с маленькими детьми, которые на трехколесных велосипедах, роликах, самокатах, катались в «бассейне» (специализированная зона в конструкции парка). Показательная реплика в разговоре двух подростков — «завсегдатаев» парка: «Я вообще против, чтобы родители приводили сюда маленьких детей»; другой подросток сказал малышке, катающейся на трехколесном велосипеде в «бассейне»: «Девочка, не катайся здесь».

Но если в Экстрим-парке, специализированном для спортивной деятельности пространстве, подростки продолжают оставаться доминирующей публикой, небольшую экстрим-зону в парке имени Чехова они в конечном итоге покинули. Ситуация изменения «назначения» экстрим-площадки началась с ее переноса на другое место в парке в связи с установкой платных детских аттракционов (отдельного внимания требует проблема коммерциализации публичных пространств, но на ней сейчас мы останавливаться не будем). Новое пространство для площадки стало значительно меньше, о чем свидетельствуют рекреационные данные наблюдений и ментальных карт парка. Наблюдения показали, что близость (совмещение на одной площадке

рампы для катания, баскетбольной площадки и тренажеров) объектов экстрим-площадки мешает заниматься на ней большому числу людей. Например, баскетболисты и скейтеры не могут находиться на ней одновременно, так как мешают друг другу. Такой комментарий к своей ментальной карте парка дает один из подростков: *«Обидно одно, что там кольца неудобные. Тут кольцо одно стоит, мы ходили поиграть иногда, и рампы очень мешают поиграть. И смысла в этом кольце нет. Оно стоит, но тут рампы. Получается, мяч кидаешь, и он кому-нибудь прилетает в голову или в тебя врезаются»*. У молодых людей присутствует ностальгический мотив сравнения старой экстрим-площадки (на которой собирались компанией друзей и т. д.) с новой, перенесенной, в связи с чем она потеряла свое значение как места встреч и времяпрепровождения. *«Здесь была раньше экстрим-зона, на велосипедах катались, на роликах катались, на скейтбордах. Сейчас ее убрали сюда (показывает на ее нынешнее расположение). Там места — не провернуться. Там расстояние от рампы до рампы — не провернуться, там некоторые падают. Я там не бываю, но некоторые все еще катаются»*.

Помимо согласования интересов подростков, занимающихся разными видами спорта, еще более сложной проблемой является оккупация данной зоны детьми младшего школьного возраста, поскольку парк больше стал ориентироваться на родителей с маленькими детьми. Можно было наблюдать интересный пример рефрейминга пространства, когда рампы экстрим-площадки использовались ими как горки для катания, уличные тренажеры — как аттракцион и т. п. В данном случае внимание маленьких детей и их родителей к площадке связано с тем, что там им интереснее, в том числе потому, что можно наблюдать за более взрослыми детьми. Показательным является комментарий информанта из группы взрослых с детьми и пожилых к ментальной карте: *«Вот этот тренировочный комплекс (имеется в виду экстрим-площадка). Эта площадка, это очевидно, что-то новое. Мне очень нравится. Еще бы на ней катались... Маленький спортивный комплекс здесь есть (тренажеры)... Это вот интересная штука, даже просто с внучкой посидеть и посмот-*

реть, как другие занимаются». Таким образом, несмотря на то, что экстрим-площадка в парке Чехова сейчас не так активно используется подростками и молодежью, привлечь к ней данную группу необходимо, так как это не только удовлетворит потребности этой возрастной группы, но и создаст площадку для наблюдения и взаимодействия маленьких детей с более взрослыми. Возвращаясь к анализу социальных функций публичных пространств, в контексте анализа подобных ситуаций стоит говорить о *коммуникационной* и *социализирующей* функциях. Публичные пространства исполняют роль обучающей, наблюдательной площадки, на которой люди видят и изучают друг друга, получают представление о том, какие есть социальные группы, образцы поведения и т. п. Особенно это принципиально для молодых людей, для которых публичные пространства — одна из площадок *социализации* [5, с. 63]. Толерантность, способность воспринимать это «городское разнообразие» формируется тогда, когда различные городские публики имеют возможность пребывать в этих «открытых» местах совместно и на равных и наблюдать за повседневным поведением друг друга, а в некоторых случаях и разделять определенные занятия.

Другая тесно связанная с вышеуказанными социальная функция публичного пространства — функция поддержания общественной безопасности, подробно описанная Дж. Джейкобс. Безопасность при этом обеспечивается самими людьми (не имеются в виду полиция и т. п.). Люди присматривают друг за другом, за детьми, таким образом начинает работать социальный контроль публичного пространства, отсутствие которого часто и повышает риски городской жизни. В таких условиях снижаются некоторые негативные эффекты городской анонимности. Так, Джейкобс приводит пример: люди на улице друг друга не знают, но внимательно смотрят вокруг. В случае, если кто-то начинает вести себя неприемлемо с точки зрения окружающих, нарушает какие-то (не)писанные правила, на него сразу обратят внимание и соответствующим образомотреагируют на поведение. Так, по наблюдениям Джейкобс, когда взрослый мужчина начинает приставать к маленькой девочке, это сразу замечают и начинают возмущаться владельцы близлежащих ла-

вочек и сидящие на скамейках пожилые люди, которые при этом не знают ни мужчину, ни девочку, ни друг друга [6, с. 285].

Также тесно связана с описанными социальная функция *нивелирования проблемы анонимности* городского образа жизни. Данная черта была выделена и проблематизирована в работе представителя чикагской школы Л. Вирта «Урбанизм как образ жизни». Анонимный мир города воспринимается как рискогенный, мир криминала и столкновения с неожиданным, внушающим страх. В данном случае городские публичные пространства могут выполнять *информационную и коммуникационную функцию*, поскольку поставляют нам информацию о «других», разнообразном городском населении, и позволяют людям, говоря словами Джейн Джейкобс, «найти общий язык тротуара» [7, с. 49]. В градостроительной практике стран Европы и Северной Америки система городских публичных пространств создается в значительной мере для *снижения рисков и депрессивных эффектов городской среды*, от которых страдают городские статистические показатели. Они играют в городах не просто декоративно-прикладную роль, но и экологическую и психологическую. Так, наши эксперты отмечали в интервью значимость публичных пространств для образа жизни крупного города: *«...территория должна быть озелененная. Как человеку жить без природы, в камне жить? Мы потом получим поколение самоубийц»; «Нас учили, что архитектор — он обязан создать идеальную среду для жизни граждан. Он организывает пространство, чтобы комфортно было в нем жить, отдыхать... Рекреационная функция... Каждую неделю человеку нужно куда-то выбраться, просто душой отдохнуть»; «...это же и психологическое воздействие. В сквере, парке, тебе уютно, спокойно, не так жарко. Тем самым эмоционально отдыхаешь».*

Площади, улицы, парки и аллеи становятся знаковыми местами города, функционируют как «места памяти», участвуя тем самым в *формировании городской идентичности*, а также становясь элементом *бренда города*. Укрепление территориальной идентичности происходит не через абстрактную любовь к городу, но через объединяющую силу конкретных практик, которые разные группы осуществляют в городских общественных про-

странствах. Публичные пространства также могут становиться социокультурным ресурсом территории, местом притяжения не только коренных жителей, но и туристов и гостей города. В зависимости от того, как социальные отношения определяют и закрепляют отношение к месту, Л. Лофланд выделяет три типа «мест» или локусов: домашние территории, «знакомые» места/пути/тропы и «памятные» места. Именно последние интересуют нас в первую очередь, поскольку связаны с элементами коллективной памяти (храм, публичный парк, площадь и т. п.). При этом некоторые из новых проектируемых и созданных публичных мест сочетают в себе функционал места памяти и рекреационной зоны (один из экспертов рассказывал о создании по заказу Медицинского университета им. Е. А. Вагнера проекта, который сочетал в себе мемориал в память о медиках, погибших в войнах, и место общения студентов). Кроме того, местами коллективной памяти являются пространства, появившиеся еще в годы советской градостроительной практики, при этом встает вопрос о согласовании между собой позиций разных публик, каждая из которых является носителем собственной специфической памяти и потому имеет отличное от других представление о назначении и содержании публичных пространств. В ходе исследования пожеланий посетителей парка им. Чехова относительно улучшения его работы (как в формализованном опросе, так и в комментариях к ментальным картам) выявился мотив, связанный с ностальгическими воспоминаниями о детстве, которое прошло в парке. Ими описывались объекты, ранее существовавшие в парке: карусель «Лодочки», которые «летают до неба», большая деревянная горка — «центр притяжения всего микрорайона», детское кафе «Лукоморье» с «фресками с сюжетами из сказки Пушкина», металлический забор, «который своими руками ковали после работы сотрудники завода Камкабель, придававший парку старинности», деревянный скульптурный городок (дядька Черномор и другие), летняя танцплощадка. Все объекты характеризуются как «дорогие сердцу», как те, которых «лично не хватает». Довольно любопытными на фоне этих воспоминаний кажутся зафиксированные в опросе требования более молодого поколения жителей микрорайона вернуть

столь же «родные сердцу» турники, которые убрали из парка. Не только разные группы посетителей публичных пространств, но каждое новое поколение будет наделять его собственными смыслами. Одна из участниц исследования следующим образом прокомментировала данную ситуацию: *«Хотя я понимаю, что когда создавали новое, что-то перечеркнули старое, а насобирали что-то новое... Я не представляю, как это все может вернуться, так как здесь уже так все спроектировано. Это просто дорогие моему сердцу воспоминания. И понимаю, что тут появились объекты, которые стали дорогими им»*. Интересной задачей представляется необходимость согласования этих различных интересов.

Результаты, полученные в ходе исследований публичных пространств Перми, отчасти вписываются в общемировые тенденции. Для интерпретации многих выявленных черт можно использовать с определенными оговорками объяснительные модели, выработанные как в зарубежной, так и в отечественной урбанистике. Однако, по замечаниям экспертов, ситуация с публичными пространствами в Москве и Санкт-Петербурге схожа с ситуацией в ряде зарубежных стран и выглядит более позитивно, тогда как ситуация с публичными пространствами в г. Перми сопряжена с рядом сложностей и проблем и представляется противоречивой. С одной стороны, отмечается отсутствие системности в застройке, несоответствие ее ряду требований; неоднозначное положение с малыми публичными пространствами (дворы и придомовые территории); в основном поддерживаются в функционирующем состоянии (в некоторых случаях реконструируются) публичные пространства, созданные еще в советские времена; сами жители города неответственно относятся к сохранению публичных пространств; представители власти отмечают неспособность применить зарубежный опыт именно в области дизайна среды (использование мобильной мебели, новых дизайнерских и архитектурных решений) в российских условиях. С другой стороны, есть положительный опыт создания публичных пространств, в том числе по инициативе жителей, депутатов, вузов, используются новые подходы к планировке общественных зон озеленения, городскими активистами внедря-

ется успешный зарубежный и российский опыт. Помимо создания собственными силами парков и скверов, жители готовы проявлять инициативу по сохранению и поддержанию публичных пространств в функциональном состоянии, если городские власти по каким-то причинам не могут это делать. Одним из примеров является самоорганизация молодежи, катающейся в Экстрим-парке, по проведению субботников и необходимого ремонта (сварочные работы и т. п.), поскольку парк не был поставлен на баланс города и в нем не осуществлялся капитальный ремонт и сезонная уборка.

Для успешного функционирования публичных пространств более удачной стратегией является создание полифункциональных и трансформируемых общественных пространств. Принципы полифункциональности и трансформируемости в г. Перми осуществляются в первую очередь не за счет создания физической среды, а за счет различного событийного наполнения. Все эксперты отметили, что для того, чтобы публичные пространства работали, мало создать их дизайн, важно привлекать в них различные социальные группы. Для этого требуется проводить отдельные мероприятия по информационному оповещению и событийному наполнению. Снижение эффективности функционирования публичных пространств, а также их дисфункциональность могут быть связаны как с низким уровнем транспортной (пешеходной) доступности, так и с отсутствием должной инфраструктуры. В основном публичные пространства г. Перми носят открытый характер (они могут быть «оккупированы» различными «публиками»), за исключением специализированных мест (Экстрим-парк), в которых есть некоторые предпосылки для возможных конфликтов между разными публиками (подростки, занимающиеся экстремальными видами спорта, и родители с маленькими детьми).

У городских публичных пространств Перми есть прекрасный потенциал для функционирования в качестве креативных площадок, мест для сплочения людей, возможности наблюдать «Других» людей из других культурных групп с различными интересами. Однако реализация этого потенциала связана со способностью всех участников процесса быть открытыми друг дру-

гу. Как выразился один из экспертов, *«не надо эмулировать заинтересованность в другом человеке, надо реально найти в нем что-то интересное»*. Именно в данном случае будут открываться возможности для городского социального творчества, реализации «права на город» всеми участниками социального процесса. При таком многостороннем взаимодействии будут создаваться востребованные, успешные и эффективно функционирующие публичные пространства.

Литература

1. Иванов П. Московские урбанисты провели экспертизу общественных пространств для Amnesty International [Электрон. ресурс]. URL: <http://urbanurban.ru/blog/space/426/Moskovskie-urbanisty-proveli-ekspertizu-obschestvennykh-prostranstv-dlya-Amnesty-International> (дата обращения: 15.06.2015.)

2. Паченков О. В. «Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo-117-2012/16566-publichnoe-prostranstvo-goroda-pered-licom-vyzovov-sovremennostimobilnost-i-zloupotreblenie-publichnostyu.html> (дата обращения: 15.06.2016)

3. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.

4. Lofland L. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1998.

5. Желнина А. Малая Садовая улица в Санкт Петербурге: опыт становления публичного пространства // *Communitas*. 2006. № 1. С. 53–71

6. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

7. Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // *Лабораториум*. 2011. № 2. С. 48–69

К. А. Рукавишников,
Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТОВОМ ОСВЕЩЕНИИ МЕГАПОЛИСА

В данной статье рассмотрены существующие технологии и способы использования цифро-световых технологий в оформлении и освещении города. Показано развитие осветительных приборов в XX–XXI веках. Названы преимущества светодиодных осветительных приборов. Показан опыт Москвы и Екатеринбурга в работе с такими технологиями, их применение и примеры. Косвенно выявлена проблема внедрения цифро-световых приборов в повседневную и культурную жизнь города.

Ключевые слова: световое оформление, мегаполис, цифровые технологии, ночной город, проекторы, безопасность, светодиодное освещение.

Огромное значение в жизни ночного города имеет освещение. В темное время суток различные осветительные приборы не только освещают нам путь, но и «оживляют» город, повышая уровень комфорта, улучшая его архитектурно-художественные качества в вечерне-ночное время, придают зданиям нарядный вид, подчеркивают художественные особенности здания и создают единый, запоминающийся образ, наполняют его красками, делая наше пребывание на улицах более комфортным и безопасным.

Световые технологии развиваются уже многие десятилетия от банальной лампы накаливания, изобретенной в XIX веке, до высокоточных проекторов, оснащенных системами линз, светодиодов и ламп, передающих абсолютно любые статичные и динамические изображения. За этот период данные технологии стали применяться во многих сферах жизни, но не так часто и не с той пользой, как могли бы. У этих технологий огромный потенциал, который можно использовать на благо города. Они могут стать инструментом создания абсолютно новых областей искусства, служить отражением настроения города, создавать

правильную атмосферу, а также обезопасить и упростить нашу повседневную жизнь.

XXI век ознаменовался развитием новых технологий светодиодного освещения, которые по своей эффективности существенно опережают лампы накаливания и люминесцентное оборудование. К преимуществам светодиодных осветительных приборов можно отнести: энергоэффективность и экономичность, экологичность и безопасность, стабильность и длительность работы, качество цветопередачи, интеллектуальная управляемость. Все эти качества наталкивают на мысль, что нужно усиленно развивать и популяризировать использование светодиодных световых приборов.

Направление архитектурного освещения зародилось в США после Первой мировой войны. Тогда Манхэттен — престижный район Нью-Йорка — буквально преобразился: Манхэттен — это «новый город света и цвета, сказочная страна ночи, город освещенных воздушных замков, которые тронуты кистью световых импрессионистов», — писала газета *New York Times* в 1925 году. И теперь его улицы ночью переливаются и пестрят яркими красками архитектурного, рекламного и просто уличного освещения. Там можно увидеть очень многие виды осветительных приборов, как, например, неоновые и ксеноновые лампы, светодиодные и даже обычные лампы накаливания. И все это используется лучшим образом.

В Россию процедура интеграции световых приборов в оформление фасадов зданий пришла позже. Рассмотрим несколько примеров полезного применения света в повседневной жизни.

В Москве начали практиковать установку более безопасных современных пешеходных переходов со светодиодной подсветкой. В современном обществе существует такая проблема. Люди, идущие по улице, очень часто смотрят вниз, в экран своего телефона. Забывая посмотреть на сигнал светофора и не удостоверившись в безопасности своего движения, они выходят на проезжую часть, создавая тем самым аварийные ситуации и подвергая опасности свою жизнь и жизнь водителей. К тому же яркие светодиодные полосы с тактильной поверхностью явля-

ются дополнительным акцентом, привлекающим внимание детей, а также пожилых и слабовидящих пешеходов, находящихся в группе повышенного риска на дороге [1].

Рис. 1. Пешеходный переход со светодиодной полосой безопасности

Новые системы оборудованы так называемыми тактильными светодиодными полосами безопасности. Они устанавливаются непосредственно перед пешеходным переходом и программируются на синхронную работу со светофором. Система не боится воды и грязи, работает при температуре от -30 до $+50$, ударопрочная и износостойкая. Такие пешеходные переходы — это тестовый проект правительства Москвы, и решение о распространении подобных светофоров будет принято по итогам обсуждения с жителями города, так что надеемся встретить эту инновацию и в других городах России.

В Екатеринбурге 8 января 2017 года была официально введена в эксплуатацию башня «Исеть». Это 52-этажный жилой небоскреб высотой 209 метров, находящийся в центре города. Вся башня оснащена современной системой светодиодной подсветки. Работой над проектом занимались компании, которые

делали подобные медиа-фасады для олимпийских объектов в Шанхае и современных небоскребов в Европе. Такой гигант не может быть просто темным силуэтом, он должен создавать динамику, оживлять ночной город. В Екатеринбурге у зданий больше нет такой подсветки, это уникальный для нашего города проект.

Для освещения «Исети» использовано почти четыре тысячи светодиодов и галогенных ламп.

Геометрия фасада «Исети», который состоит из угловатых зубьев, сверху напоминает шестеренку, на каждом из зубцов которой стоят светодиодные ленты — по 106 светильников в высоту на каждом. Конструкторы посчитали это оптимальным количеством светильников для создания объемно-пространственного восприятия и получения возможности изображать какую-то картинку на фасаде. Помимо этого, есть еще 360 светильников в нижней части здания и 64 светильника освещают зубья короны на самом верху.

Чтобы осветить такой крупный объект, требуются большие энергозатраты, однако авторы уверяют, что если подсветку использовать с умом и включать на полную мощность только раз в день, это не обойдется дорого, тем более диоды потребляют в десять раз меньше энергии, чем аналогичные стандартные лампы [2].

Начало 2017 года жителям Екатеринбурга запомнилось современным световым шоу на здании городской администрации. В день открытия ледового городка на площади 1905-го года на здание мэрии проецировалось световое представление со множеством сюжетов. Каждый день с 29 декабря по 8 января включительно с 18 до 23 часов продукт огромной команды, которая трудилась над созданием роликов, радовал горожан. Выбор здания, то есть мэппинг — это прежде всего работа с архитектурой, когда при помощи света создается впечатление, что детали фасада двигаются, крутятся. Здание мэрии — прекрасное место, поскольку в нем есть много деталей. Изображение формировали 56 проекторов. Такого рода шоу популярны уже несколько лет. В Москве даже проводится международный фестиваль. Второе световое шоу для жителей Екатеринбурга было запущено не-

сколькими днями раньше на Плотинке — на восточном фасаде здания Уральского государственного колледжа имени И. И. Ползунова в новогодние праздники транслировались анимационные истории под новогодние песни из советского кино [3].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что световые технологии в России, хотя и остаются на уровень ниже, чем в США, но развиваются, постепенно внедряются в нашу жизнь, делая ее проще, интереснее и безопаснее. Будущее наступает, а вслед за ним возникает более современное общество, жизнь которого будет наполнена яркими красками культурных событий, прекрасными впечатлениями и воспоминаниями.

Литература

1. В Москве появился первый пешеходный переход с подсветкой [Электрон. ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/news/gorod-v-moskve-poyavilsya-pervyy-peshehodnyy-perehod-s-podsvetkoj> (дата обращения: 22.06.2017).

2. В Екатеринбурге включили подсветку на башне «Исеть» [Электрон. ресурс]. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-431427.html (дата обращения: 22.06.2017).

3. В Новый год центр Екатеринбурга украсили световые шоу [Электрон. ресурс]. URL: <http://eburg.mk.ru/articles/2017/01/01/v-novyy-god-centr-ekaterinburga-ukrasili-svetovye-shou.html> (дата обращения: 22.06.2017).

В. С. Спирина,
Челябинский энергетический колледж им. С. М. Кирова,
Челябинск

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА И ПРОБЛЕМА УТИЛИЗАЦИИ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ¹

В статье дается оценка загрязнения территории города Челябинска и рассматриваются способы решения данной проблемы.

Ключевые слова: экология, бытовые отходы, свалка, рекультивация.

В современной России культурная политика включает целый комплекс стратегий, мероприятий и программ по самым разным направлениям. В саму сферу культуры вовлекаются практически все сегменты общества, включая науку и образование, искусство и культурное наследие, национальные традиции и экологию. Указами Президента России каждый новый год обретает особый культурный статус. Так, 2012 год был годом российской истории, 2014-й — годом культуры, 2015-й — годом литературы, 2016-й — годом российского кино, 2017-й — годом экологии [1; 2]. Таким образом, экология органично включена в состав отечественной культуры. Рассмотрим одну из локальных проблем региональной культуры — проблему утилизации твердых бытовых отходов на примере города Челябинска.

Город Челябинск является крупным культурным и промышленным центром России, столицей Южного Урала. Культурная жизнь города Челябинска протекает насыщенно и разнообразно. Работают театры и концертные залы, музеи и библиотеки, организуются яркие культурные события. В этих условиях экологическая проблема становится наиболее острой и актуальной. Челябинск является промышленным городом с большим количеством заводов, экологическая ситуация в городе остра. В рейтинге экологического развития городов России, составлен-

¹ Научный руководитель: Ткачук О. А., преподаватель Челябинского энергетического колледжа им. С. М. Кирова

ном Министерством природных ресурсов и экологии РФ, Челябинск занял 70 место из 94.

В отчете министерства экологии Челябинской области за 2015 год указано, что уровень загрязнения воздуха в Челябинске по индексу загрязнения атмосферного воздуха оценивается как «высокий».

В черте города расположены несколько озер: Смолино, Первое и Второе, Синеглазово и Шершнёвское водохранилище. Шершнёвское водохранилище — источник питьевой воды для челябинцев — является, согласно отчету Росприроднадзора, «очень загрязненным», а качество исходной воды не соответствует нормам ни в одной взятой пробе в 2015 году. Пробы воды, взятые на всех водоемах Челябинска в августе 2016 года, не соответствуют нормативам, а купание на всех водоемах Челябинска, согласно рекомендациям Роспотребнадзора, является опасным.

Основными источниками загрязнения почвы являются промышленные и бытовые отходы, а также автотранспорт.

В Челябинске крайне сложная ситуация со складированием бытовых отходов, так как городская свалка, официально закрытая в 1992 году, продолжает работать в связи с отсутствием альтернативы. Осложняя критическую ситуацию с выбросами в атмосферу, периодически на свалке происходят пожары, которые приводят к образованию на территории города неприятного запаха.

В данной работе я хочу обратить внимание на проблему загрязнения территории города Челябинска бытовыми отходами и рассмотреть несколько способов ее решения.

Цель данной работы — оценка глобальной проблемы загрязненности города Челябинска бытовыми отходами.

Задача — исследование метода рекультивации.

Городская свалка по-прежнему остается камнем преткновения между чиновниками, экологами и местными жителями. Территория уже давно исчерпала ресурсы для хранения мусора, однако перенести свалку из черты города пока не представляется возможным, и 650 тысяч тонн мусора в год добавляется к уже существующим миллионам. Ежедневно десятки машин

привозят на городскую свалку контейнеры с отходами: полиэтилен, бумагу и другие совсем небезвредные продукты. Жители Металлургического района такое соседство иначе как каторгой не называют: в случае возгорания челябинцы вынуждены дышать едким дымом.

На то, что городская свалка исчерпала свои ресурсы, первыми обратили внимание экологи. Здесь нет необходимой изоляции от окружающей среды, и продукты разложения могут попасть в грунтовые воды. Однако угрозой для жителей представляет даже не близость мусора к жилым домам, а опасное вещество, выделяемое при горении отходов — диоксин. Этот яд скапливается в организме годами, превращаясь в бомбу замедленного действия, и грозит человеку серьезными осложнениями.

Прежде всего, канцерогены, такие как диоксин и другие органические загрязнители, влияют на раковые заболевания. Челябинск и так является проблематичным с точки зрения онкологии.

Свалка в черте города — отнюдь не южноуральская проблема, а тенденция многих российских городов-миллионников. В далеком 1949 году ее территория была за пределами города, но за полвека Челябинск буквально окружил хранилище мусора со всех сторон. Поиск нового места для захоронения отходов — один из путей решения проблемы. По официальной версии, полигон может появиться в Красноармейском районе. Параллельно будет идти строительство трех мусоросортировочных пунктов. Стоимость проекта оценивается в 1 млрд руб.

Сергей Антипов, начальник управления экологии и природопользования администрации Челябинска: «Будет производиться глубокая переработка и сортировка мусора. Оставшийся не подлежащий переработке мусор будет брикетироваться под давлением в определенные кубы и уже другими типами мусоровозов будут вывозиться на новый полигон».

Еще одна проблема, связанная со вступлением в силу закона — это рост тарифов на вывоз мусора для населения. Это может быть связано, в первую очередь с необходимостью выполнения требований региональных схем обращения с отходами.

С удаленностью полигона от города могут вырасти тарифы за вывоз мусора, так что все расходы на его перевозку лягут на плечи южноуральцев.

Сергей Антипов: «Можно за 100–200 км построить полигон, вывозить туда, но мы будем оплачивать перевозчику эти расходы, и мы стараемся, чтобы как можно меньше этот тариф был. В этом году он принят 1 рубль 87 копеек и несколько лет до этого он не повышался».

С появлением нового полигона ТБО городская свалка, очевидно, прекратит свое существование, после чего 70 гектаров неиспользуемой площади чиновники планируют изучить вместе с командой экспертов.

Одно из главных региональных требований — запрет на захоронение ценных фракций отходов. Все, что может быть переработано, должно быть подвергнуто утилизации. Речь может идти как о сырьевой утилизации с выделением вторичного сырья и дальнейшим его вовлечением в производственный оборот, так и о термической утилизации (высокотемпературное обезвреживание отходов различными способами), а также о биологической утилизации (переработка с извлечением биогаза).

«Внедрение различных технологий переработки влечет за собой строительство предприятий по сортировке и переработке отходов, а эти затраты, в первую очередь, должны быть отнесены на счет инвесторов, но и частично лягут на плечи региональных бюджетов, это и может привести к некоторому росту тарифов. Однако если проанализировать, какую сумму платит население в нашей стране в год за вывоз и утилизацию мусора, рост тарифов, который может произойти после 1 января 2017 года, не станет существенной нагрузкой на семейный бюджет», — подчеркивают эксперты ТПП.

С 1 января 2016 года вступил в силу новый федеральный закон, по которому полномочия для решения вопросов переработки ТБО перейдут на региональный уровень. Администрация города планирует заказать новый проект рекультивации городской свалки. По мнению экспертов, на это может уйти не один год.

Природоохранная прокуратура уже привлекала «Горэко-центр» к ответственности за нарушения в эксплуатации свалки.

«Мусор на нашей свалке преимущественно состоит из органических останков (35%), бумаги (20%), стекла (10%), полимерных материалов (10%). Все это образует вредный биогаз и токсичные элементы. При атмосферных осадках образуется фильтрат до 1 тысяч кубометров в сутки», — рассказывает Дмитрий Двинин, эксперт по экологии и природопользованию.

Разработка проекта рекультивации челябинской городской свалки, а также строительство объектов, снижающих влияние загрязненного стока с территории Карабашского городского округа на качество воды Аргазинского водохранилища и природоохранные проекты крупнейших промпредприятий, вошли в федеральный план мероприятий года экологии, о чем сообщила 8 июля пресс-секретарь министерства экологии Челябинской области Марина Александрова.

Между тем губернатор Челябинской области Борис Дубровский подписал распоряжение об объявлении 2017 года годом экологии на Южном Урале. «План года экологии включил в себя 82 мероприятия по восьми тематическим разделам, которые направлены на улучшение экологической ситуации и привлечение внимания общественности к данной проблеме, — сообщила первый заместитель министра экологии Ирина Харина. — В реализации плана задействованы не только региональные органы власти и федеральные структуры, но и общественные организации, учреждения образования, культуры, здравоохранения, промышленные предприятия и так далее».

Более двадцати мероприятий плана направлено на снижение загрязнения атмосферного воздуха: формирование новой системы нормирования выбросов, совершенствование системы мониторинга качества атмосферного воздуха, внедрение современных эколого-ориентированных технологий на предприятиях региона и др.

Отдельно представлен блок по переходу на новую систему обращения с отходами, где большое внимание уделяется вопросу создания современных объектов по обращению с твердыми коммунальными отходами, их сортировки и рекультивации челябинской городской свалки.

Не оставлены без внимания темы охраны водных объектов, особо охраняемых природных территорий, растительного и животного мира. Пристальное внимание в областном плане года экологии уделено проведению мероприятий в области экологического образования и культуры [3, 4, 5].

Выводы

В СМИ появилась информация о том, что в бюджет Челябинска заложены деньги на разработку проекта рекультивации свалки. Но закрыть ее просто так нельзя, ведь новый мусор никуда не денется, и сейчас власти думают об альтернативе. Есть намерения создать шесть межмуниципальных полигонов. При чем мусор будут не просто сбрасывать, а сортировать и перерабатывать или сжигать. Новая система может заработать уже в 2020 году.

Что касается действующей свалки, то говорить о полной ликвидации ее последствий можно будет только в следующем веке, утверждают эксперты. Меры по рекультивации свалки могут быть следующие: выравнивание ландшафта, укладка защитного покрытия, чтобы отводить биогаз и не допустить проникновение атмосферных осадков.

Через десять-пятнадцать лет можно будет высаживать деревья, но использовать эту территорию полноценно нельзя будет еще 75–100 лет.

Литература

1. Загребин С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991--2015 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 18--23.

2. Загребин С. С. Традиционная культура как основа новой культурной политики в России // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2. С. 82--87.

3. Деньги на помойку: когда наступит революция в мусорном бизнесе в России [Электрон/ ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20160819/1474759700.html> (дата обращения: 14.05.2017).

4. «Это не полигон ТБО — это свалка!» [Электрон. ресурс]: URL: <http://www.solidwaste.ru/news/view/18753.html> (дата обращения: 14.05.2017).

5. Проект рекультивации Челябинской свалки разработают в год экологии [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/47632.html> (дата обращения: 14.05.2017).

В. А. Тихонов,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

АНАЛИЗ ДИЗАЙНА БРЕНДОВ МОНОГОРОДОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Такое градостроительное явление как моногород, появилось сравнительно давно, однако для большинства оно остается чем-то новым. Моногород — это город-завод с градообразующим предприятием. Если на данном предприятии задействовано более четверти населения, де-юре это моногород. В Российской Федерации на данный момент насчитывается (исходя из распоряжения Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р (ред. от 24 ноября 2015 года) «Об утверждении перечня моногородов») 319 моногородов. Из них больше трети имеют «наиболее сложное социально-экономическое положение» и примерно половина — «риски ухудшения социально-экономического положения». Происходит урбанизация, при которой из моногородов население переезжает в столицы федеральных округов (в случае с УрФО — в Екатеринбург).

Сейчас моногорода как никогда нуждаются в проявлении к ним инвестиционного и туристического интереса. Задача дизайнера в данном процессе — разработка бренда города, который стал бы катализатором для нового витка развития определенной местности.

В данном докладе произведен анализ дизайна моногородов и их истории, созданы «ветви», по которым дизайнер мог бы производить поиск смыслов в других городах, опираясь на методологический пошаговый материал, носящий исключительно рекомендательный характер.

Ключевые слова: моногород, графический дизайн, дизайн, ребрендинг, история города, Уральский федеральный округ.

Моногородом можно считать любой населенный пункт, который получил статус города, и где более четверти населения являются сотрудниками одного предприятия. Как правило, данное предприятие является градообразующим. По состоянию на 2014 год в Российской Федерации 319 населенных пунктов имеют статус моногорода, из них 38 находятся в Уральском федеральном округе. Проблема, которая объединяет большинство

данных городов, — это негативная социально-экономическая обстановка. Сейчас государство создает территории опережающего развития (ТОРы) и особые экономические зоны (ОЭЗы), чтобы привлечь в такие города новый поток инвестиций и заставить проявить к ним туристический интерес в рамках проведения индустриальных туров.

Саму проблему моногородов нельзя назвать уникальной для Российской Федерации. Например, в США также есть официально принятое название для монопрофильных муниципальных образований — *company town*. Если в Российской Федерации это несколько новое явление, и заниматься им общественность и государство начали с 2010-х годов, то в США проблема моногородов существует около 130 лет. Наиболее остро проблема встала в 70-е годы XX века, когда сталелитейные предприятия Азии предлагали такие цены на свою продукцию, что местные предприятия в моногородах не могли конкурировать и постепенно закрывались. Данная проблема решалась переосмыслением городского планирования — как расширить улицы, добавить новые объекты инфраструктуры и какие пустые участки пригодны для создания рекреационных зон на их месте. Данные реформы создавали большой фронт работ для дизайнера. Так, с созданием новых улиц необходимо разработать обновленную систему навигации по городу, в которую гармонично войдут новые городские элементы, например, элементы рекреационных зон. Предпринимаются и экономические меры, но их рассмотрение и анализ уже не в компетенции дизайнера.

Проблема моногородов коснулась не только США, но и Европы. Достаточно хороший пример решения данной проблемы дала Германия. В Германии успешные предприятия остаются процветающими моногородами. Например, штаб-квартиры таких компаний как: Siemens (телекоммуникации), Bayer (фармацевтика), Audi (автомобилестроение), Carl Zeiss (оптика) находятся в небольших городах, это все бывшие моногорода, которые оказались конкурентоспособными на мировом и региональном рынке. Те моногорода, которые не выдержали конкуренции, просто закрывали свое главное предприятие, и оно превращалось в обустроенное творческое пространство, то есть из про-

мышленного центра город становился культурным центром, пусть и регионального масштаба. Как и в случае моногородов США, это тоже создает большой фронт работ для дизайнера. Здесь необходимо передать наследие города, при этом создать креативную среду, соблюсти баланс.

Рис. 1. Блок-схема смысловых пластов идентификации моногорода

И это та проблема, в решении которой может помочь графический дизайн. Например, разработкой бренда города. Анализируя различные концепты и готовые бренды моногородов Российской Федерации, можно сделать вывод, что есть определенный набор смысловых нагрузок, которые можно внести в бренд/логотип моногорода. Это основа любого бренда города — идентификация территории, считывание смысловой нагрузки в виде графического образа. Было выведено четыре смысловых, можно сказать, «ветви» поиска, того, как можно через визуальный язык найти идентификацию моногорода или целой территории.

Данные смысловые ветви вы видите на слайде, это: 18-19 век, наследие СССР, ТОР/ОЭЗ и природные ресурсы. Имеет смысл о каждой рассказать несколько подробнее. Первая — это наследие XVIII–XIX веков в основном в виде горнодобывающей

промышленности, металлургии и т. п. В Уральском федеральном округе это, как правило, заводы Демидовых или Строгановых. И передача себя (города) через такое наследие имеет место. Часто это происходит, когда промышленное наследие СССР не несло или не несет в себе каких-то промышленных особенностей в виде уникальной продукции, уникального сырья, опытного или экспериментального характера самого производства. Примером может служить позиция города Березовский, в котором есть БЗСК (Березовский завод строительных конструкций), построенный 70 лет назад. Но Березовский ассоциирует себя не со строительными конструкциями, а с золотыми шахтами, которые появились в XVIII–XIX веках.

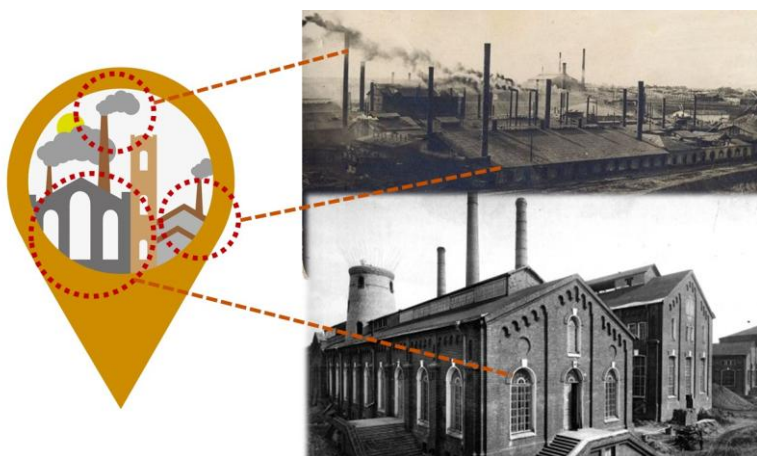

Рис. 2. Пример дизайна логотипа, основанного на XVIII–XIX веках

Например, если опираемся на смысловую нагрузку XVIII–XIX веков, то в логотипе могут присутствовать элементы, указывающие на постройки того времени или их характерные элементы. Это полукруглые окна, высокие трубы, большие покатые крыши, возможно использование каких-либо декоративных внешних элементов, так как этот период был последним, когда применялись элементы, которые не влияли на функциональность завода.

Вторая ветвь — это промышленное наследие СССР в виде каких-либо уникальных предприятий, ради которых некоторые города и строились. Это тот смысловой пласт, которым можно воспользоваться, если монопрофильное муниципальное образование появилось сравнительно недавно и просто не застало XVIII и XIX века. Таких примеров довольно много, можно указать города Снежинск и Озерск, появившиеся в 1957 и 1954 годах соответственно.

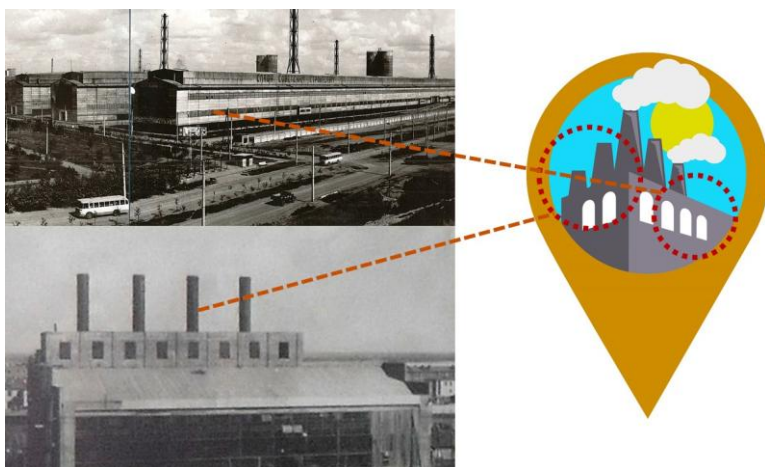

Рис. 3. Пример дизайна логотипа, основанного на наследии СССР

В наследии СССР, как правило, наблюдаются рубленые монолитные формы, нацеленные на максимальную функциональность — это можно передать через визуальный образ.

ТОР и ОЭЗ — это концепция будущего данной территории посредством создания предприятий инновационной промышленности, «белой металлургии», формирования какого-либо культурного центра. Территории опережающего развития в данный момент развивает государство, особых экономических зон тоже становится все больше, и те и другие как раз и являются источником негосударственных инвестиций в развитие моногорода.

Рис. 4. Пример дизайна логотипа, основанного на теме ТОР и ОЭЗ

В ТОР и ОЭЗ, то есть в обозримом будущем моногородах, можно, к примеру, придерживаться тематики минимализма и прибегать к использованию дружелюбных цветов, которые могут не отождествляться с традиционным представлением о промышленном предприятии. Также есть примеры того, когда моногород становится местным культурным центром, как, например, Первоуральск, где был открыт «Инновационный культурный центр». Интересно еще то, что идентификации через посредство какого-то исторического периода могут накладываться друг на друга. Примером тому может служить город Верхняя Салда, где есть и идентификация XVIII–XIX веков, когда там действовали Верхнесалдинские золотые прииски, но также Верхняя Салда граничит с Титановой долиной — одной из нескольких в России особых экономических зон. Таким образом, при помощи визуального языка мы можем попытаться соединить происхождение региона с его будущим.

Природные ресурсы — наиболее абстрактная тема, самая сложная для идентификации моногорода, так как разнообразие природных ресурсов ограничено и может повторяться. Например, лесные и водные ресурсы есть практически повсеместно, и строить на них идентификацию трудно. Важно объяснить, как

эта идентификация может работать, как ее можно перенести в визуальный язык.

Итак, позволительно сделать вывод, что для любой территории можно разработать свою концепцию идентификации. Достаточно проанализировать данный моногород по четырем данным зонам и сделать необходимые выводы о том, с чем можно проводить идентификацию.

Л. Л. Толвайшис,
Факультет европейских политико-правовых исследований,
Университет «Эдуконс»,
г. Нови-Сад, Сербия

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ. СЛУЧАЙ БЕЛГРАДА (СЕРБИЯ)

В статье представлены процесс и промежуточные результаты постиндустриальной трансформации города Белграда. Приведен обзор новых решений для утративших индустриальное предназначение объектов архитектурного наследия в рамках трансформации градостроительной стратегии. Рассматриваются вопросы изменения символического значения «пустых» пространств, их идентичности, наполнения новым содержанием, обретения новых смыслов и функциональных ролей. В качестве теоретической модели в работе применяется акторский подход к городскому планированию как области публичной политики. Различные группы акторов, действующие в области ревитализации постиндустриального наследия, анализируются по степени влияния.

Ключевые слова: ревитализация постиндустриального наследия, архитектурное наследие Белграда, городское планирование Белграда, культурная регенерация, архитектура Сербии

1. Идеология ревитализации постиндустриальных пространств в Сербии

Двадцатитрехвековая история Белграда — одного из древнейших городов Европы — одарила столицу Сербии исключительным разнообразием архитектурного ландшафта. Уникальный отпечаток на облик города наложили века кельтского, финикийского, византийского, сербского, болгарского, османского владычества. Особенно бурно город развивался после восстановления сербской государственности в конце XIX века, а также будучи столицей Королевства Югославия и социалистической Югославии. Пласты исторического наследия обусловили много-

образе объектов, подлежащих ревитализации: древние крепости, военные объекты, заводы, порт и судоверфь, а также мир белградских подземелий.

В доходящем до гротеска архитектурном разнообразии, плюрализме и сочетании городского и сельского начал Белград являет собой показательный пример Сербии в миниатюре. Для вымирающих сельских местностей разрабатываются концепции туристических этносел, основанных на культивации сельского образа жизни, экологии и устойчивого развития. Переориентация же собственно Белграда от промышленного производства на сферу услуг следствием имеет все больший упор на географическое положение и культурные характеристики в продвижении города. В дебатах о культурном ребрендинге Белграда на первый план выходят предложения сделать столицу центром событийного туризма [1, с. 2460]. Столица Сербии, в которой проводится основная масса культурных событий страны, сталкивается с избытком пустующих объектов — в ней насчитывается свыше 250 заброшенных (преимущественно постиндустриальных) пространств, включая закрытые заводы, пустые склады, кинотеатры, объекты военного назначения и здания органов самоуправления [2, с. 18]. В реконструкции и изменении предназначения нуждаются целые районы Белграда — Славия, район Бранкова моста, Савская пристань, бетонный цех, набережная. В то же время многие учреждения науки, культуры и искусства десятилетиями испытывают нехватку помещений, а культурная жизнь города — недостаток пространства.

Применительно к постиндустриальному пространству в центре города — в качестве альтернативы застройке жилыми и коммерческими объектами — предлагается стратегия эконаполнения [3, с. 335]. Судоверфь Белграда предлагается наполнить фрагментами природы и таким образом органично включить ее в пейзаж города. Такое решение позволит улучшить качество жизни, сформировать вблизи жилых кварталов свободные от транспорта досуговые, оздоровительные и активные публичные пространства с новым стилем жизни и микроклиматом для социального взаимодействия. Вариант «городского сада» рассчитан на проведение концертов и ярмарок, а вариант парка

ставит целью сохранение наследия ландшафта и отличается менее структурированным характером использования пространства. Стратегия эко-наполнения сочетает в себе градостроительные, культурно-исторические, социально-экономические и экологические аспекты.

Бренд Сербии опирается на сравнительные преимущества, подчеркивающие его конкурентоспособность [4, с. 42; 5, с. 58]. Таковыми преимуществами являются разнообразие объектов исторического наследия и насыщенная культурная жизнь, уникальный образ жизни и развитая инфраструктура (а недостатками — отсутствие перспектив систематического трудоустройства и возможностей для получения стабильного дохода). Белград снискал международные награды благодаря специфическому образу жизни, особой атмосфере и энергии, возможностям досуга и отдыха, гостеприимству населения и богатому наследию. Идентичность города обладает классическими предпосылками для выстраивания успешного бренда, в их числе эффект неожиданности и умение превзойти ожидания [4, с. 232; 6, с. 260]. Харизма и противоречивый имидж Сербии в мире облегчает задачу построения узнаваемого бренда. Сербия позиционирует себя как спонтанное и неизведанное место посещения, которое вызывает любопытство и предлагает оригинальность, традицию и уникальную атмосферу эмоционального опыта [1, с. 2460].

2. Практика ревитализации постиндустриального Белграда

Промышленные зоны и крупные индустриальные комплексы, построенные в Белграде с конца XIX до середины XX столетия, пришли в упадок на стыке 1980-х и 1990-х годов. Построенные в свое время на периферии, с расширением города эти зоны обрастали жилыми кварталами. Вследствие приватизации и продолжительного политического и экономического кризиса образовались заброшенные пространства со спорными правами собственности, в том числе в центре города и вдоль побережья рек. Промышленная зона Старого города, действующая по сей день, перекрывает доступ к Дунаю. Железнодорожный путь, пролегающий вдоль рек Савы и Дуная, опоясывает крепость Ка-

лемегдан в центре города. Постиндустриальный пейзаж дополняет ряд жилых зданий с видом на железнодорожные пути и заброшенные составы.

Белград не остался в стороне от волны трансформации промышленных и военных комплексов в центры культурной жизни, места проведения конференций, концертов, выставок. Ревитализация закрытых фабрик и складов происходит посредством их перестройки преимущественно в деловые, жилые, разноцелевые комплексы, а также в художественные и научно-исследовательские центры.

Примером использования объекта промышленного наследия в научных целях является передача здания ТЭЦ Дорчол (1924 г. постройки) Музею науки и техники в 2005 г. Одним из первых, еще в 1990-е годы, в «Театр КППТ» переоборудован сахарный завод. Силосный корпус «Житомлин» используется для проведения фестивалей искусства «Миксер». В старых складах расположились Европейский центр культуры и дебатов «Град» и Белградский дворец молодежи. Белградский институт издательства и графики отчасти используется художественными ателье, клубами и музыкальными студиями и слывет центром столичного андеграунда. Музей города Белграда, с момента своего основания в 1903 г. не располагавший подходящим зданием, лишь в 2006 г. получил в пользование здание Новой военной академии (1899). В культурных целях используются части табачного завода Ниша в городах Нише и Белграде, бывшая глазная клиника в Нови-Саде, Красный склад в Панчево. В культурные центры планируется преобразовать также Дом короля Петра и башню «Небойша» на крепости Калемегдан. Преобразование части бетонного цеха Савской пристани в выставочное пространство «Superspace» получило награду 28-го белградского Салона архитектуры как лучший проект ревитализации в 2006 г. Цех представляет собой ряд складов площадью 6000 м², которые расположены в бывшем центре экономической и культурной жизни Белграда вблизи Савской пристани, привлекающей все больше иностранных туристических кораблей [2, с. 40]. В рамках бетонного цеха возникают рестораны и коммерческие объекты. Генеральным планом урбанизации Белграда предусмотре-

но преобразование отрезка набережной, расположенного в четырех километрах от центра Белграда, в экологическую зону, в рамках которой будут действовать торговые, ресторанные и спортивные объекты [7].

Обязательная ревитализация огромных пустующих пространств горнодобывающего комплекса «Колубара» — крупнейших в Белграде (600 км²) — осуществляется посредством лесопосадок, создания искусственных озер, природных амфитеатров в целях развития промышленного туризма, археологического парка и музеев [2, с. 79].

При поиске нового предназначения для отслуживших свое промышленных зданий в первые два десятилетия XXI века характерна ориентация на их переоборудование под офисные и жилые помещения. Так, возведение жилищных и деловых комплексов планируется на базе силосных сооружений и мельницы «Житомлин», текстильной фабрики «Беко» (4,33 га на правом берегу Дуная у основания крепости Калемегдан), акционерной мельницы 1901 года в районе «Савски-Венац», первого сербского авиастроительного завода (известного также как шарикоподшипниковый завод ИКЛ), фабрики «Соко Штарк», фабрики моторов ДМБ, комбината по производству шерсти. В качестве коммерческого объекта используется здание завода точной механики, электротехники и металлических изделий «Инекс Брац». Здание Факультета организационных наук переоборудовано в бизнес-инкубатор. Ярмарочный комплекс в разные годы служил в качестве ярмарки, концлагеря, художественных ателье, захваченных сквоттерами, чтобы в конечном счете привлечь внимание строителей жилых и офисных объектов. Рассматривается преобразование данного объекта, снискавшего мрачную славу ввиду трагического прошлого и последовавшего запустения и обрастания нелегальными постройками, в мемориальный комплекс и место проведения культурных мероприятий [2, с. 34–92].

В процессе ревитализации объектов промышленного наследия особое значение придается сохранению их оригинальной атмосферы и культурно-исторического значения. Так, в рамках ревитализации ТЭС «Снага и светлост» («Сила и свет»), дейст-

вовавшей с 1932 по 1970 год, планируется реконструировать кран по перевозке угля и насосную станцию для демонстрации истории объекта [8]. Литейный завод «Пантелич» (1854) планируется превратить в музей старых ремесел и литейного дела.

3. Акторы ревитализации постиндустриальных пространств

Ключом к пониманию исхода процесса ревитализации может послужить анализ вовлеченных в него акторов и их ресурсов. Независимыми акторами, способными оказать решающее влияние на результат ревитализации, следует считать самостоятельных субъектов, обладающих критическими ресурсами для обращения процесса принятия решений в свою пользу [8, с. 81].

К группе акторов, обладающих целеполаганием и экспертным знанием в области ревитализации постиндустриального и культурного наследия, следует причислить ряд специализированных организаций. Таковые организации выступают организаторами исследований, проектов, семинаров, конференций, лекций. Наиболее активны Ассоциация реабилитации культурного наследия, Центр культурного взаимодействия «Културк-ламмер», «Гражданские инициативы» (Белград), «Субурбиум» (Нови-Сад). В процесс обнаружения заброшенных объектов инициативные объединения вовлекают граждан [9, с. 10]. К данной группе акторов следует отнести также учреждения и группы деятелей культуры, науки и искусств, десятилетиями борющихся за получение адекватных помещений. По инициативе молодых и малоизвестных артистов пустующие объекты изредка передаются в пользование для проведения однократных мероприятий.

По степени влиятельности и уровню экспертных знаний с вышеупомянутой группой акторов сопоставим ряд институтов, подписавших в 2007 г. Протокол о всесторонней защите промышленного наследия исторического, технического, общественного и научного значения на территории Республики Сербия. В их число входит Музей науки и техники, чьим основным направлением работы является защита научно-технического на-

следия, а также республиканский, краевые и городские институты защиты памятников культуры [10].

Вышеупомянутые группы акторов отличает дефицит материальных ресурсов, необходимых для успешного претворения творческих замыслов в жизнь. Следует отметить, что лучшие проекты ревитализации претворены в жизнь благодаря творческим инициативам граждан и деятелей искусства. Успешным примером ревитализации можно считать ежегодное проведение (с 2000 г., когда с инициативой выступило малочисленное объединение граждан, по настоящее время) одного из крупнейших музыкальных фестивалей в Европе — «Экзит» — на Петроварадинской крепости в городе Нови-Сад.

В контексте усугубляющегося разрыва между центром и бедной периферией города местные общины редко вовлекаются в процесс планирования ревитализации. Инвесторы выказывают последовательную заинтересованность в преобразовании пустующих мест в коммерческие и окупаемые в финансовом отношении объекты. Налицо разрыв между инициативными общественными объединениями и инвесторами. Так, инициативные объединения граждан высказываются за превращение Старой мельницы в культурный оазис Белграда, в то время как инвесторы хотели бы видеть на ее месте роскошную гостиницу. Здание Генштаба армии Югославии в центре Белграда, построенное в 1956 г. в стиле социалистического модернизма, являлось символом военной мощи социалистической Югославии, а с 1999 г. — символом страдания города от авианалетов НАТО. Здание является предметом спора между сторонниками строительства на его месте гостиницы, инициаторами возведения Музея средневековой Сербии и специалистами по архитектуре, высказывающимися за сохранение здания. Разрушение объекта обойдется государству вдвое дороже, чем уже вложено в его санацию. Академия архитектуры Сербии выступила против сноса данного объекта культурного наследия, однако в процессе принятия решений консультаций со специалистами проведено не было.

4. «Белград на воде» — проект переустройства центра города

Дебаты о необходимости наделить Белград «выходом к реке» продолжаются десятилетиями и достигли кульминации с началом строительства элитного жилищного и делового квартала «Белград на воде» в 2014 г. Участниками масштабного проекта в амфитеатре реки Савы выступили правительство Сербии (32% капитала) и инвестор из Объединенных Арабских Эмиратов «Игл Хилс» (68%). Проект предусматривает перенос грузового транспорта, железнодорожного и автобусного вокзалов, завершение обходных путей вокруг города, возведение железнодорожного моста и расселение 250 семей, живущих в основном в бараках. На площади 177 га предусматривается трудоустройство свыше 13 000 чел., застройка 2 млн м², из которых свыше 1 млн м² жилплощади, рассчитанной на 17 000 жильцов, 750 000 м² офисных помещений, 62 000 м² публичного пространства. На первоначальном этапе реализации возводится 168-метровая «Башня Белград», включающая в себя торговый центр и четыре офисных здания, яхт-клуб и жилые объекты. Первые двадцать этажей 42-этажной башни отведены под роскошную гостиницу, а над ними расположатся 222 квартиры и ресторан с видом на город. На втором и третьем этапах планируется возведение жилых и офисных зданий соответственно, и лишь четвертая фаза предусматривает культурное и досуговое содержание.

В целях реализации проекта 18 апреля 2014 г. городскими властями отменены ограничения по высоте зданий в столице. Также 8 апреля 2015 г. Народная Скупщина приняла Закон об установлении публичного интереса и особых процедурах экспроприации и выдачи разрешения на строительство [11]. Проект не рассматривался на предмет соответствия положениям действующего законодательства, однако для нужд его реализации приняты отдельные законодательство и генеральный план урбанизации, приспособленные к требованиям инвесторов. В то время как гражданам для минимальных работ на фасадах и по расширению жилплощади необходимо множество документов, в случае застройки миллионов квадратных метров «Белграда на воде» сопутствующая документация не требовалась. Законом не

предусматривается возможность экспроприации земли под постройку торговых центров и жилых объектов (за исключением социального жилья, под определение которого роскошные объекты не попадают). Поправками к Закону о планировании, проектировании и строительстве предусмотрена возможность выдачи министром по делам урбанизации и строительства разрешения на строительство объекта государственного значения, а поправками к Закону об экспроприации — возможность установления правительством общественного интереса в целях экспроприации недвижимости на основании подписанного государством соглашения об учреждении совместной компании [12].

26 апреля 2015 г. силы правопорядка двумя трамваями отгородили массу протестующих горожан от места торжественного подписания соглашения о реализации проекта. Соглашение было опубликовано в сокращенном виде лишь 20 сентября 2015 г. — спустя пять месяцев. А уже 25 сентября начались работы по сносу досуговых объектов в старом районе Савамалы, славящемся уникальным культурным предложением. Протесты против таких действий городских властей собирали до 20 000 участников. Большой резонанс в обществе вызвал несанкционированный снос неизвестными лицами объектов, находившихся на месте возведения «Белграда на воде» в ночь парламентских выборов с 24 на 25 апреля 2016 г.

Объединением граждан «Академия архитектуры Сербии» было указано на дефицит публичного обсуждения и изоляцию представителей урбанистической профессии от процесса планирования проекта, а также на его непрофессиональное исполнение [13, с. 1–2]. Замечания, высказанные Сербской академией наук и искусств в ноябре 2014 г., также были отклонены. Реализация проекта началась в обход обязательства объявить публичный международный конкурс, установленного Генеральным планом. Городская инфраструктура и территория не готовы к столь масштабному проекту. При наличии пустующих пространств его реализация грозит обернуться непосильным бременем для рынка недвижимости. Под вопросом также публичное значение проекта, лишаящего граждан выхода к побе-

режью рек, тогда как основными выгодоприобретателями выступают инвесторы.

Последствия скоропалительно принятых градостроительных решений остаются на десятилетия. Неестественно доминирующие над панорамой центра города высотные здания «Белграда на воде» не только диссонируют с узнаваемыми символами столицы — крепостью Калемегдан, памятником Победителю в Первой мировой войне, Соборной церковью и храмом святого Саввы — но и грозят заслонить собой их силуэты, возвышающиеся над рекой [14]. Реализация проекта чревата и образованием пробок в центре города, так как задача прокладки дороги в двенадцать полос неосуществима в принципе. Вместо обеспечения выхода к реке проект отрезает город от реки образованием элитного района, предназначенного для привилегированных жителей. Более того, роскошный проект «Белград на воде» реализуется в период, когда ряд городов Сербии страдает от недостатка питьевой воды.

5. Заключение

Потенциал использования отслужившего промышленного наследия в целях создания особой культурной среды Белграда огромен. Ряд успешно реализованных проектов свидетельствует о наличии воли к ревитализации опустевших пространств. Характерно, что инициаторами наиболее успешных проектов ревитализации выступают малые объединения граждан. Тем не менее, в целом по стране результаты остаются скромными, а решения отличаются неустойчивостью. Пустующих объектов в столице больше, чем идей по их заполнению. Препятствиями являются нерешенные вопросы прав собственности, отсутствие официальной стратегии, политической воли и сильной гражданской инициативы.

Во многих случаях в пустующих зданиях культурные мероприятия проводятся только раз в год, а в остальное время объекты не используются. Крупные промышленные и военные комплексы слишком масштабны для одноцелевой трансформации. Наделение объектов новыми функциями не является надежной гарантией от повторного упадка. Долгое ожидание решений от-

носителем статуса объектов приводит к их разрушению. Распространено заполнение заброшенных пространств путем самовольного заселения — «сквоттинга». Решением может являться составление муниципалитетами списков доступных объектов и определения правил и критериев их передачи в пользование. Интеграция бывших промышленных объектов в жилые кварталы должна учитывать психологическую атмосферу района и культурно-историческое значение объекта, а ревитализированное пространство — включать в себя презентацию исходного предназначения.

Случай Белграда уникален тем, что при реализации крупнейшей градостроительной инициативы — «Белграда на воде» — сносу подлежит целое ядро центра города. Маргинализация роли архитекторов в формировании облика города достигла высшей степени и в ходе реализации проекта выявила, насколько далеко зашел процесс утраты государственными институтами культуры сохранения и преемственности ценностей архитектуры. В области урбанизации налицо противостояние интересов, с одной стороны, крупного капитала, переориентирующего архитектурную практику на выполнение высокооплачиваемых заказов, с другой — широких слоев граждан, борющихся за соблюдение публичного интереса. В данном противостоянии инвесторы обладают несравнимо большей субъектностью и выступают основными выгодоприобретателями. Инвесторы склонны рассматривать трансформацию с точки зрения рентабельности, что зачастую имеет следствием разрушение объектов. Право свободного использования городского пространства в целях обеспечения жильем, работы, свободного времени и транспорта — все то, что составляет традиционные функции архитектуры — вследствие сложных экономических условий утрачивается. Налицо становление механизмов принятия решений, лишаящих граждан права голоса при определении судьбы их среды обитания, вследствие чего имущественное расслоение приобретает территориальное измерение и выливается в раскол между богатым центром и бедной периферией.

Возрождение традиционных функций архитектуры видится лишь в рамках диалога и местных инициатив. Альтернативу

масштабним и дорогостоящим элитным проектам следует искать в мобилизации лучших человеческих ресурсов из разных областей при планировании развития города [15, с. 37–40]. Однако на пути становления сильного гражданского общества стоит сложная экономическая ситуация, чем Белград невыгодно отличается от обустроенных мегаполисов, где сосредоточен мировой капитал. Вовлечение жителей в творческие проекты культурной регенерации может поспособствовать решению социальных проблем, согласованию интересов бизнеса, сектора культуры и гражданского общества и, как следствие, гармоничному развитию идентичности столицы.

Литература

1. Миленковић Н. Национално брендирање кроз креативне индустрије // Зборник радова Факултета техничких наука. 2013. 28. № 13. С. 2460–2463.

2. Јовановић Т. Празни простори Србије. Прва фаза пројекта. Београд: Завод за проучавање културног развоја, 2010. 114 с.

3. Nikezić A., Janković N. “Eco-Infill” as an Alternative Strategy for Postindustrial Landscape in the Light of Climate Change: the Case of Belgrade Shipyard // Facta Universitatis. Series: Architecture and Civil Engineering. 2012. Vol. 10. No 3. P. 327–341.

4. Луковић Д. Брендирање градова и региона: теоријске основе и пракса у Источној и Западној Европи : дис. ... канд. полит. наук. Београд, 2013. С. 509.

5. Трандафиловић И. Брендирање Србије: препреке и препоруке: моногр. Београд: Задужбина Андрејевић, 2011. 98 с.

6. Шапић Д. Волим бренд, живим за бренд 2: ирационални, тихи и вољени брендови: моногр. Београд: Јовшић принтинг центар, 2008. 280 с.

7. Генерални план Београда 2021 // Службени лист града Београда. 2007. № 34.

8. Кнежевић Н. Ревитализација термоелектране „Снага и светлост“ у Београду // Наслеђе. 2012. № 8. С. 209–222.

9. Димитријевић Мишковић М. Јавни простори и како их откључати: практични приручник. Београд: Грађанске иницијативе, 2012. 83 с.

10. Протокол о партнерској сарадњи на интегралној заштити индустријског наслеђа од историјског, техничког, друштвеног, архитектонског и научног значаја на територији Републике Србије [Електрон. ресурс]. URL: <http://www.muzejnt.rs/downloads/protokol.pdf> (дата обраћања: 19.06.2017).

11. Закон о утврђивању јавног интереса и посебним поступцима експропријације и издавања грађевинске дозволе ради реализације пројекта „Београд на води“ // Службени гласник РС. 2015. № 34, 103.

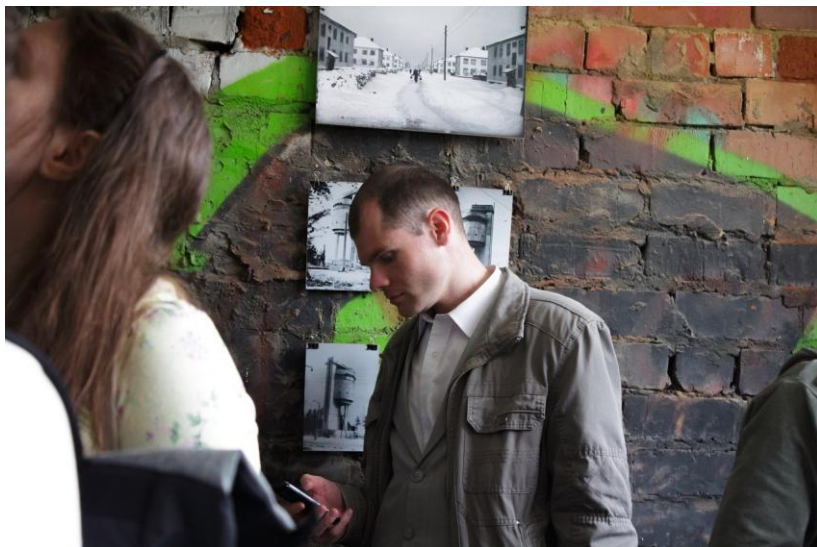
12. Закон о изменама и допунама Закона о експропријацији // Службени гласник РС. 2009. № 20.

13. Академија архитектуре Србије. Декларација о „Београду на води“ [Електрон. ресурс]. URL: <http://aas.org.rs/wp-content/uploads/2015/03/Deklaracija-AAS-o-Beogradu-na-vodi-05.-mart-2015..pdf> (дата обраћања: 19.06.2017).

14. Иконић С. ALEX specialis // НИИ. 18.03.2015. № 3351.

15. Драгићевић Шеших М. Култура у функцији развоја града — културни капитал и интегративна културна политика // Култура. 2009. № 122–123. С. 20–40.

16. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 72–87.

Леонас Толвайшис

Сюзанна Фостова (слева)

С. А. Фостова,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград

КЁНИГСБЕРГ-КАЛИНИНГРАД: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ¹

В статье рассматривается история строительства советского Калининграда на руинах немецкого Кёнигсберга, определяются ключевые моменты в градостроительном планировании, а также дается оценка этих преобразований в контексте культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память, советский город, архитектурный ландшафт, Калининградская область.

Кёнигсберг стал одним из тех европейских городов, которые в максимальной степени пострадали в ходе Второй мировой войны. Особенно большой урон был нанесен массированными бомбардировками британских ВВС летом 1944 г., а также штурмом Красной армии весной 1945 г. По оценкам военных комендатур, центр города был разрушен на 90%, окраины пострадали в среднем на 60% [1, с. 65]. Спустя два года после передачи СССР город, по воспоминаниям первых переселенцев, выглядел устрашающе: «От вокзала до центральной площади не было ни одного целого дома — стояли высокие обгоревшие остовы зданий, иногда две-три стены, а впереди возвышались руины Королевского замка. Впечатление такое, что это — мертвый город: скелеты домов, груды кирпичей и следы пожаров» [2, с. 133] (рис. 1).

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект №15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии».

Рис. 1. Руины острова Кнайпхов в 1945 г.

В послевоенных реалиях на трансформацию городского ландшафта большое влияние оказала политика «изгнания прусского духа», выросшая из милитаристской пропаганды. Все немецкое воспринималось чуждым, вражеским и не стоящим сохранения. До тех пор, пока территория официально не была признана советской, она воспринималась как трофейная, из-за чего подвергалась непредусмотрительным разрушениям. В дальнейшем отношение к немецким сооружениям в большей степени было продиктовано утилитарным подходом: в условиях нехватки жилого фонда, недостатка строительных мощностей и ресурсов частично пострадавшие здания восстанавливались, однако в упрощенных формах без декоративных излишеств.

Исключением стала первая реконструируемая улица, чьему облику придавалось важное значение еще и потому, что она носила имя И. В. Сталина. Дома на главной магистрали города того времени украшали в стиле, свойственном 1950-м годам. По мнению исследователя Б. Кёстера, «в то время полагали, что такого рода декорацией можно уничтожить старое и создать что-то новое. Такие постройки выдавались за новые творения» [3, с. 14].

Для того чтобы радикально изменить облик города и стереть напоминание о Кёнигсберге, молодым калининградскими архитекторами предлагалось взять за образец некоторые знаковые архитектурные элементы советской столицы. Это обосновывалось тем, что Кёнигсберг, как и Москва, имел схожую радиально-кольцевую систему застройки. По этим кольцам планировалось разместить советские доминанты (Дворец советов, музей войны, памятник погибшим героям, площади Калинина и Победы, парк Победы, Центральный стадион [1, с. 123]), призванные отвлечь внимание от уцелевших немецких построек. Одним из знаковых предложений стало увенчание здания вокзала надстройкой, чей облик был скопирован со Спасской башни Кремля.

Ключевым вопросом в планировании советского Калининграда стало определение его центра. Бывшее историческое ядро города вплоть до начала 1950-х годов находилось в руинированном состоянии. Причинами этого стали недостаток финансирования, отсутствие квалифицированных кадров, а также затягивание с принятием решений властями. Тем не менее местные архитекторы уже разрабатывали проекты по благоустройству центральной части города, поскольку было очевидно, что «архитектурное „поведение“ по отношению к городскому центру было всегда фактором политическим, выражением отношения к предшествовавшей, господствовавшей культуре. Практическое отсутствие центра в послевоенные годы, несмотря на все попытки его организации, свидетельствовало об отсутствии индивидуального лица города в целом» [4, с. 129].

В Кёнигсберге ядром всей архитектурной системы являлся рыцарский замок XIII века, который в советской официальной риторике идентифицировался как «опорный пункт для захватнических походов против славянских народов на берегах Балтики» [5, л. 19].

В связи с этим Кёнигсбергский замок не щадили при проведении в нем раскопок, разбирали на кирпич, подрывали стены. Несмотря на проведенную в 1964 г. экспертизу, которая установила возможность консервации руин с последующим восстановлением памятника, а также использования его в качестве музея

войны, замок был снесен (рис. 2). Не были услышаны и голоса сторонников сохранения замка, которые доказывали историко-культурную значимость руин и позиционировали его как объект мирового наследия [6].

Рис. 2. Кёнигсбергский замок в 1964 г.

Важно отметить, что уничтожение древнего сооружения болезненно воспринимается жителями современного Калининграда. Старожилы считают его снос непоправимой ошибкой и, что характерно, это отношение эмоционально разделяют их потомки, которые даже не застали его. Об этом вспоминает краевед Д. Якшина: «У каждого из нас, не успевших (по возрасту) увидеть его и запомнить, но знавших о том, что когда-то он БЫЛ — имелось собственное о нем представление. Я, например, в детстве рисовала его то очень похожим на крепость средневекового феодала (как на картинке в учебнике истории), только из темно-красного кирпича... то почему-то очень легким, воздушным, увитым плющом и шиповником, как в сказке про спящую красавицу» [7].

Так или иначе, уничтожив вековые стены и срыв холм, на котором они стояли, из памяти жителей замок стереть не удалось. Он удивительным образом стал частью культурной памяти, средоточием мифов о сокровищах, некогда сокрытых в его подвалах. В 1970-е годы на месте тевтонской крепости началось возведение Дома советов, призванного, по задумке авторов, собрать в одном здании все ветви региональной власти и город-

ские службы. Однако это сооружение до сих не введено в эксплуатацию и среди местных жителей получило прозвище «монстр».

Вместе с архитектурной планировкой бывшего исторического центра решалась и судьба находящегося поблизости Центрального острова, ныне носящего имя И. Канта (бывший район Кнайпхоф), образованного двумя рукавами реки Преголи. До войны эта территория была густо покрыта сетью средневековых улиц и домами с деревянными перекрытиями, что способствовало их выгоранию во время налетов английской авиации. От духовного и культурного центра Кёнигсберга остались лишь ряды почерневших остовов, непригодных для восстановления. После того как завалы были расчищены, а кирпич вывезен для благоустройства других советских городов, остров превратился в пустырь, в глубине которого одиноко возвышались стены Кафедрального собора.

Руинам собора, несмотря на неоднократные покушения властей города, удалось уцелеть благодаря соседству с гробницей Иммануила Канта, который был признан «родоначальником классического немецкого идеализма» [8, с. 129] и потому первым среди немецких деятелей удостоился мемориальной доски в советском Калининграде.

Властями рассматривалось несколько вариантов использования и благоустройства Центрального острова: некрополь, который бы объединил десятки братских могил красноармейцев в городе, концертный зал под открытым небом, обсерватория и библиотека.

В 1972 г. в Калининграде вместо двух немецких мостов, расположенных на уровне земли, над островом был построен эстакадный мост, что изолировало его территорию от основного потока движения, тем самым способствуя популяризации концепции острова-парка. В то же время здесь были высажены первые саженцы, в будущем сформировавшие главную аллею с видом на фасад Кафедрального собора.

Однако озеленение было лишь частью мер по благоустройству территории центра. Возникла идея добавить вновь создающемуся сердцу города символического звучания, впоследствии

реализованная в проекте парка скульптуры. С одной стороны, полученная в виде дара из Министерства культуры РСФСР эклектическая коллекция творений советских мастеров была призвана пропагандировать ценности и достижения социалистического государства, с другой — созданием парка предполагалось решить особую калининградскую проблему — восполнить, по выражению народного художника СССР С. П. Ткачева, отсутствие «того национального исторического пласта, который есть в любом другом нашем городе» [9, л. 46]. Поэтому среди скульптур, воспевавших материнство, покорение космоса, атлетическое телосложение спортсменов и трудовой подвиг рабочих, появились бюсты и статуи Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Чайковского, Петра Первого и других отечественных деятелей (рис. 3).

Рис. 3. Фотографии Парка скульптуры из газеты «Калининградская правда» от 15 октября 1988 г.

В конце 1980-х годов дальнейшая судьба Парка скульптуры и всего острова Канта была вынесена на широкое общественное обсуждение в связи с тем, что советские скульптуры мало сочетались с готическим собором XIV века. Для решения этой проблемы были представлены к рассмотрению два проекта. Авторами первого стали ленинградские скульпторы и архитекторы. Они сделали акцент на исторической среде, которую попытались возродить «за счет новой пластики, сопоставимой по своей массе с собором... с использованием пластического языка готики». Все это, на их взгляд, «должно организовать особую структуру, новую духовную среду, внутри которой могли существовать временные и постоянные экспозиции» [10, л. 53]. Иными словами, не решившись экспериментировать, ленинградцы

предложили гармонизировать пространство острова за счет нескольких скульптурных групп, тематически связанных с историей Кёнигсберга (Гофман и его персонажи, Кант и другие деятели науки и искусства).

Автором второго проекта был студент-выпускник из Калининграда Юрий Забуга. Он предлагал при сохранении зеленого убранства реконструировать остров в средневековом стиле: восстановить сеть улиц, построить несколько домов у собора, а также «снять культурный слой 1,5–2 метра, и мы оказываемся на старой мостовой, по которой некогда ступал великий философ Кант и кипела мирская суета» [10, л. 35]. Таким образом, молодой архитектор выступил с революционным предложением восстановить в советском Калининграде немецкий Кнайпхоф.

В ходе публичного обсуждения этих проектов стало очевидно, что жителей города мало волнует декларативное советское искусство, они высказались за восстановление в советском городе старого немецкого облика острова [11].

Преобразование Кёнигсберга в образцовый советский город стало не слишком успешным экспериментом, направленным на конструирование советской культурной памяти в регионе с «альтернативным прошлым» посредством сноса и нивелирования объектов немецкого культурного наследия и возведения взамен советских архитектурных доминант. Отсутствие вначале генерального плана, а затем частая его смена в непростых экономических условиях привели к тому, что в Калининграде так и не сформировалось единого гармоничного архитектурного пространства, что обуславливает противоречивость и даже двойственность культурной памяти его жителей. Сегодня эта проблема вновь оказалась в центре внимания в связи с проведением серии международных конкурсов «Сердце города», направленных на новое архитектурное решение застройки центра Калининграда.

Литература

1. Манюк Е. С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015. 209 с.

2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград: Издательство КГУ, 2003. 383 с.
3. Кёстер Б. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени. Калининград: Живем, 2014. 272 с.
4. Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). М.: Высшая школа культурологии МГУКИ, 2002. 146 с.
5. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780. Л. 19–21.
6. Фостова С. А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы: материалы и исследования: сборник статей. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 179–204.
7. Якшина Д. Как уничтожали Королевский замок // Новые Колеса. 2010. 11 марта.
8. Костяшов Ю. В. Кто спас усыпальницу Иммануила Канта от разрушения? // Кантовский сборник. Калининград: Издательство КГУ, 2002. Вып. 23. С. 125–131.
9. Архив Калининградского областного историко-художественного музея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49. Л. 46–47.
10. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 47. Л. 32–60.
11. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 69. Л. 2–31.